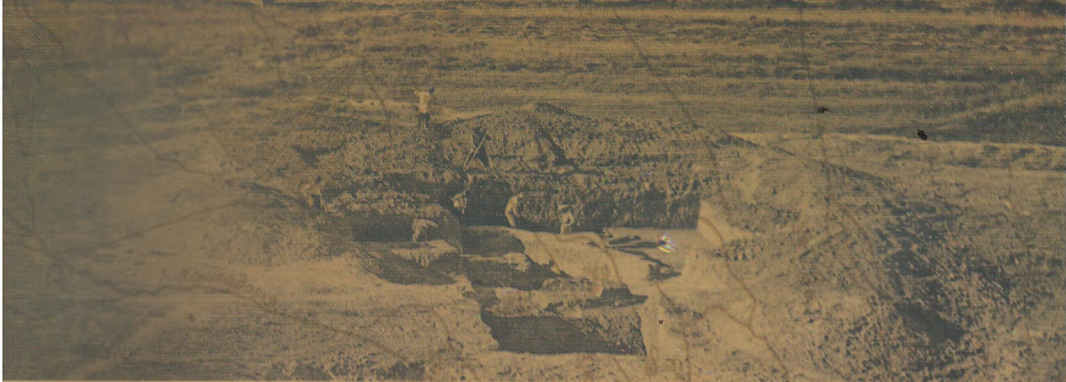

НИЛУФАР РАЖАБОВА

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

НИЛУФАР РАЖАБОВА

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

**(историография изучения археологических
памятников долины Кашкадарьи)**

ТАШКЕНТ
«YANGI NASHR»

2012

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной археологии за последние годы усилилось внимание к историографической тематике. Безусловно, изучение формирования археологической науки имеет особое значение в истории.

На современном этапе развития независимости Республики Узбекистан перед учеными гуманитарного профиля стоит задача первоочередной важности – объективное изучение источников и создание полноценной истории нашего народа. Об этом неоднократно говорил Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов на встречах с учеными и общественностью республики¹. Эти же задачи были определены и в Постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан².

Как известно, Узбекистан страна богатейшей истории и культуры, запечатленных в письменных исторических источниках и в памятниках материальной культуры – от первобытных стоянок до руин городов и поселений, выдающихся образцов зодчества, насчитывающих многие тысячелетия и вошедших в золотой фонд культурного наследия страны, многие из которых являются шедеврами культуры мировой значимости. По предварительным данным ученых, сегодня на археологической карте республики можно выделить более 5 тыс. памятников разных эпох.

Приоритетной целью изучения этих памятников является, на наш взгляд, восстановление исторического прошлого народов

¹ Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. – Т.: Узбекистон, 1999. Т. 7. – С. 128–132; Каримов И.А. Предисловие к работе «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы» / За процветание Родины – каждый из нас в ответе. – Т.: Узбекистон, 2000. Т. 9. – С. 201–205.

² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О подготовке и издании «Новой истории Узбекистана» // Народное слово. 1996, 17 декабря; Узбекистон Республикаси Вазирлар Махкамасининг «Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти фаолиятини такомиллаштириш

Узбекистана на базе изучения вещественных источников деятельности человека путем планомерных, целенаправленных полевых археологических исследований и научной обработки накопленных материалов.

К главным задачам, стоящим перед археологами республики, относится исследование вопросов, связанных с историей материальной и художественной культуры, принадлежащие к числу актуальных проблем мирового значения. Это – составление свода памятников археологии Узбекистана; изучение материальной культуры первобытнообщинного строя; генезиса, путей сложения и развития древних городов – центров историко-культурных регионов (Канка – в Древнеташкентском оазисе, Ахсикет – в Ферганской долине, Еркурган, Узункыр, Сангиртепа – в Древнесахкадарьинском оазисе, Дальварзинтепа, Зартепе – в приоблазненской Бактрии, Джаркутан – крупнейший памятник эпохи бронзы Южного Узбекистана, Афрасиаб – руины древнего и средневекового Самарканда и др.) и их связей с сельской округой; продолжить изучение этнической истории формирования узбекского народа по данным археологии и антропологии; истории заселения и этапов развития орошения; истории сложения художественной культуры и разработка методов сохранения древних памятников.

Для решения этих задач археологи плодотворно работают в разных направлениях. Одно из ведущих в исследованиях археологов занимает проблема Великого шелкового пути (ВШП) в Центральной Азии. Она разрабатывается в связи с выдвигавшимся ЮНЕСКО в 1987г. научной и общественной программы «Шелковый путь – путь диалога народов». В Узбекистане она опирается на выдвинутую правительством программу возрождения Шелкового пути, как инструмента экономической и культурной интеграции нашей республики со странами Востока и Европы.

Еще одно направление – исследование горного дела и металлургии (извлечения сырья и развития металлургического производства), которое играло большую роль в экономике Азии с глубокой древности.

В данном контексте немаловажное значение в восстановлении облика и путей развития древней культуры имеют архео-

Сулеймановым и М.Х. Исамиддиновым — Каршинский оазис⁴. Фрагментарно она затрагивалась и во введениях к научным работам, посвященным изучению отдельных археологических памятников, или определенных районов долины. Однако, география, объект и хронологические рамки предпринимавшихся анализов были ограничены. Задача комплексного изучения истории археологических памятников долины Кашкадарьи с точки зрения историко-географического аспекта до настоящего времени практически не ставилась.

В целом же, научную литературу об истории археологии долины можно разделить на три группы.

К первой группе относятся публикации периода господства Российской империи в Туркестанском крае, которые, в свою очередь, можно разделить на следующие подгруппы:

а) произведения европейских и российских путешественников, которые посещали Туркестан с различными миссиями. Среди них можно отметить Н.В. Ханыкова, А. Бёрнса, Н.А. Маева, В.В. Крестовского, Б.Н. Литвинова, Д.Н. Логофета⁵ и др. Ими впервые были зафиксированы отдельные сведения, описывающие те или иные археологические памятники долины Кашкадарьи;

б) публикации членов Туркестанского кружка любителей археологии — А.И. Кастанье и Л.А. Зимина⁶, отличающейся более подробным содержанием, некоторой систематизацией научных сведений об археологических памятниках долины Кашкадарьи;

⁴ Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. — Т.: 1973. — 98 с.; Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья. — Т.: 1977. — 176 с.; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган. — Т.: 1984. — 94 с.; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. — Ташкент: Самарканд: 2000. — 341 с.

⁵ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. — СПб.: 1843; Бёрнс А. Путешествие в Бухару. — М.: 1850; Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. — Т.: 1875; Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. — СПб.: 1887; Литвинов Б.Н. Карши // Туркестанские ведомости. 1910, — № 114–116; Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. — М.: 1910.

⁶ Кастанье И.А. Археологическая разведка в западных частях Бухары // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ниже ПТКЛА). Вып. 4. — Т.: 1917. — С. 26–30; Зимин Л.А. Нахшаб. Несеф. Карши. Их история и древности // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Т.: 1927. — С. 197–214.

логические материалы долины Кашкадарьи, одного из крупных регионов Средней Азии, исторически находившегося между Бактрийской цивилизацией на юге и Центральной Согдианой на севере. В древности долина Кашкадарьи входила в состав Согда. В средневековые же, Кеш и Нахшаб были автономными административными областями Мавераннахра.

Наряду с конкретным изучением памятников области, в качестве одной из актуальных на сегодня задач, выступает историографическое обобщение исследований этого региона. Как отмечал известный историк Средней Азии Б.В. Лунин: «Историография помогает ответить на вопрос «что, кем и как было сделано, что освещено достаточно хорошо и правильно, а что слабее, и что еще предстоит сделать исследователям»³.

Исходной точкой нашей работы послужила потребность осмыслить весь путь, пройденный исследователями при изучении археологических памятников долины Кашкадарьи, осветить задачи, ставившиеся в тот или иной период, формы их постановки; основные тенденции развития археологических знаний об этой конкретной историко-культурной области, оценить результативность археологических работ и связи их с изменяющимися потребностями общества с середины XIX — до начала XXI в.

Актуальность темы также определяется необходимостью систематизации и анализа материалов по истории археологического изучения Кашкадарьинской области. В силу этого, в настоящей монографии предпринята попытка систематического, всестороннего и целостного изучения истории археологических работ, проводившихся в долине Кашкадарьи как любителями археологии, краеведами, так и профессионалами Узбекистана и зарубежных стран в различные годы.

Всестороннее изучение и анализ научных публикаций и литературы по теме исследования показывает то, что первая попытка историографического анализа археологических исследований, проведенных в долине Кашкадарьи была осуществлена непосредственными участниками и организаторами экспедиций. В частности, М.Е. Массоном — долины Кашкадарьи, С.К. Кабановым, Р.Х.

³ Лунин Б.В. Историография и источниковедение в Узбекистане: состояние и задачи // Общественные науки в Узбекистане (ниже ОНУ). — 1981. — № 2. — С. 33.

в) произведения российских востоковедов, прежде всего В.В. Бартольда⁷, который, как известно, внес существенный вклад в изучение истории средневекового периода долины Кашкадарьи. Ко второй группе можно отнести работы, опубликованные в советское время. Следует отметить, что, начиная с 40-х годов XX в. начались систематические археологические исследования долины Кашкадарьи, результаты которых нашли свое отражение в монографических изданиях, научных статьях, отчетах экспедиций, а также диссертационных работах. В числе этих трудов следует указать монографии М.Е. Массона, С.К. Кабанова, Л.Ю. Маньковской, С.Б. Луниной, М.Х. Исамиддинова и Р.Х. Сулейманова, М. Туребекова, ежегодные выпуски научных трудов ТашГУ, диссертационные работы Н.П. Столяровой, А.С. Сагдуллаева, Ф. Каршиевой, Р. Абдукаримовуновой, Х.Т. Султанова, М. Хасанова⁸ и других. Ими впервые на основе систематического исследования представлены подробные и научно-обоснованные сведения о крупных археологических па-

⁷Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения. — М.: изд-во Восточной литературы, 1963. Т. 1.

⁸Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи ...; Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья ...; Его же. Культура сельских поселений Южного Согда III — VI вв. (По материалам исследований в зоне Чимкуртанского водохранилища). — Т.: 1981. — 128 с.; Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. — Т.: 1979. — 110 с.; Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII — XII вв. — Т.: 1984. — 127 с.; Её же. Древние города в долине Кашкадарьи. — Т., 1988. — 61 с.; Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган ...; Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII — VI вв. до н.э. — VII в. н.э.). — Нукус: Каракалпакстан, 1990. — 153 с.; Столярова Н.П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса XI — нач. XIII вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Т.: 1985. — 24 с.; Сагдуллаев А.С. Оселлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): Автореф. дис... докт. истор. наук. — М.: 1989. — 45 с.; Каршиева Ф. История и культура Древнего Согда (VI — V вв. до н.э. — V—VI вв. н.э.) в советской историографии.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Кемерово: 1988. — 12 с.; Абдукаримовунова Р. Ташкентская археологическая школа и развитие археологии Средней Азии (из истории сложения и развития археологии в советской Средней Азии): Автореф. дис... канд. истор. наук. — М.: 1989. — 20 с.; Султанов Х.Т. К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV — XV вв. (по археологическим данным): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1990. — 26 с.; Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1990. — 21 с.

мятинских долины. Подробный анализ этих трудов представлен во второй и третьей главах монографии. Следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что в общественных науках господствовал классический подход, археология, в отличие от истории, оказалась в меньшей степени политизированной. Однако в периодизации истории ярко прослеживается ориентация на концептуальные схемы коммунистической идеологии.

Третья группа содержит работы исследователей периода независимости, среди которых можно выделить монографии Р.Х. Сулейманова, М.Х. Исамиддинова и М.Х. Хасанова, альбом, посвященный юбилею Шахрисабза и Карши, публикацию коллектива кафедры археологии Средней Азии ТашГУ (НУУЗ), а также диссертационные работы А. Раимкулова, У. Мавлянова, Б. Аминова, О.Н. Лушпенко, А.В. Омельченко, Б.Ж. Эшова⁹ и др. Подробный анализ этих трудов представлен в последнем параграфе третьей главы, где отмечается, что для периода независимости характерно углубление и расширение научных результатов прошлого этапа и дополнение их важными сведениями из письменных источников. Главная ориентация при этом направлена на изучение процессов урбанизации, истории государственности и древней материальной культуры. Следует отметить, что эти рабо-

⁹Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб ...; Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. — Т.: изд-во им. А. Кадери, 2000. — 200 с.; Шахрисабз. Наследие тысячелетий / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе и А.С. Сагдуллаев. — Т.: 2002. — 227 с.; Карши 2700 / Альбом. — Т., 2007; Шахрисабз / Дресвянская Г.Я., Лунина С.Б., Султанов Х.Т., Усманова З.И. — Т.: 1993. Ч. 1. — 120 с.; Ч. 2. — 132 с.; Раимкулов А. Культура сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего феодализма.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд: 1992. — 23 с.; Мавлянов У. Торговые и культурные связи Кашкадарьинского оазиса в XVII — XIX вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Т.: 1995. — 24 с.; Аминов Б. Памятники эпиграфики юга Узбекистана как исторический источник (XV — XX вв.): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Т.: 1998. — 22 с.; Лушпенко О.Н. Раннежелезный век Южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского районов): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1998. — 24 с.; Омельченко А.В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. — IV в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 2003. — 25 с.; Эшов Б.Ж. Цивилизация тизимидла илк шахарлар. — Т., «Заркалам», 2004; Эшов Б.Ж. Урта Осиёнинг кадимги шахарларининг шаклланиш ва ривожланиш тарихи. Тарих фанлари доктори. дисс... — Т., 2008. 302-бет; Эшов Б.Ж. Урта Осиёнинг кадимги шахарлари тарихи. — Т., 2008.

Кашкадарьинской экспедиции. Изучение истории археологических исследований в долине Кашкадары после Второй мировой войны автором проводилось на базе материалов данного архива, основная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ко второй группе отнесены материалы периодической печати и издания, содержащие существенную информацию о становлении археологического изучения как Туркестанского края вообще, так и долины Кашкадары. В частности, в ежегодном научном издании — «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА)», представлены первые научные сообщения об археологических памятниках долины Кашкадары, авторами которых являлись члены этого кружка. На страницах газеты «Туркестанские ведомости», были опубликованы интересные сведения об археологических памятниках, а также по истории данного региона¹⁰.

Третью группу источников составляют наиболее важные археологические находки (монеты, керамика, оссуарии, антропологические находки) послужившие объектом исторических дискуссий¹¹.

¹⁰ Известия // Туркестанские ведомости. 1878, — № 24, 20 июня; Известия // Туркестанские ведомости. 1878, — № 35, 5 сентября; Литвинов Б.Н. Карши // Туркестанские ведомости. 1910, — № 114—116.

¹¹ Кабанов С.К. Изображения Сэнмура с городища Куна Фазли // Бюллетень АН УзССР. — 1947. — № 9. — С. 24—27; Егю же. К вопросу о столице кидаритов // Вестник древней истории (ниже ВДИ). — 1953. — № 2. — С. 201—207; Егю же. Нахешбекские монеты // ВДИ. — 1961. — № 1. — С. 144—145; Егю же. Погребение воина в долине Кашкадары // Советская археология (ниже СА). — 1963. — № 3. — С. 236; Гумилёв Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. — 1959. — № 1. — С. 129—135; Зезенкова В.Я. Краниологический материал из Кашкадарьинской области // История материальной культуры Узбекистана (ниже ИМКУ). Вып. 9. — Т. 1, 1972. — С. 119—120; Усманова З.И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // ИМКУ. Вып. 10. — Т. 1, 1973. — С. 53; Исамилдинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально-культурной керамики IV — V вв. из Южного Согда // ИМКУ. Вып. 13. — Т. 1, 1977. — С. 65—69; Исамилдинов М.Х. Стратиграфия Еркургана и некоторые вопросы этно-культурных связей Согда и Бактрии в античное время // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. — Т. 1, 1979. — С. 63—64; Исхаков М. Отгиски печати с согдийской надписью // ОНУ. — 1983. — № 11. — С. 43—44; Дресвянская Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // ОНУ. — 1983. — № 3. — С. 43—46; Лунина С.Б., Столярова Н.П. Оссуарии из Хантепа // ОНУ. — 1993. — № 3. — С. 46—48; Pugachenkova G.A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of Asia Institute. New Series. Vol. 8. — Michigan, 1994. — P. 227—243; Исамилдинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба ...; Омелеченко А.В. Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда // Нумизматика Центральной Азии. — Т. 2001. Вып. V. — С. 12—

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX — до начала XXI в., в ходе которого шел процесс археологического исследования долины Кашкадары. Этими исследованиями был охвачен широкий круг объектов, датированных во временном диапазоне от древности до XV в. Было важно проанализировать сам процесс, в ходе которого археологические работы, начатые еще на заре XX в. и развивавшиеся после первой мировой войны. Первоначально благодаря участию западноевропейских и российских исследователей складываются предпосылки к появлению местных, самостоятельных археологических учреждений, в которых складывается своя специфическая методика археологических исследований.

Хронологическая грань темы представляется бесспорной, поскольку именно со второй половины XIX в. в Средней Азии появляются исследователи — востоковеды и историки. Тогда же происходит не только создание первых учреждений исторического профиля, изучающих археологические памятники, но и предпринимаются первые попытки осмысления историкографических фактов и источников исследуемой диссертантом проблематики.

Хронологическая грань исследования ограничивается современными политическими переменами, повлиявшими на историческое сознание и исторические представления, как научной общественности, так и целых народов, т.е. с распадом СССР на первый план выдвинулось осмысление ряда проблем, которые ранее были подвинуты умолчанию.

В основу методологии исследования положены принципы независимости, плюрализма и концепция цивилизационного подхода к историческому процессу, которые в сжатом виде изложены в 14; Егю же. О керамике эллинистического времени городища Подаяктаг // Роль города Шахрисабза в мировой истории. Сбор. тез. докл. междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Шахрисабза. — Т. 2002. — С. 100—101; Сулейманов Р.Х. Открытие древнейшего святилища в долине Кашкадары // Урта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Тез. докл. конф., посвящ. 60-летию акад. Э.В. Руваладзе. — Т. 2002. — С. 110—111; Егю же. Сийпанташ — новый памятник первобытного искусства в долине Кашкадары // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тез. докл. Междунар. конф. Самарканд, 25—28 сентября 2002 г. — Самарканд. 2002. — С. 71; Сулейманов Р.Х., Глантз М. Раскопки грота Ангиллак // Археологические исследования в Узбекистане 2003 года. — Самарканд, 2004. — С. 177—179.

трудах Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова о роли истории и культурного наследия в формировании идеологии независимости. Отмеченные нами выше Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан также содержат положения по развитию исторической науки в Узбекистане.

В ходе исследования автором были задействованы теоретические основы Концепции «Истории государственности узбекского народа», в которой разработаны основные идейно-методологические направления развития отечественной исторической науки, в частности историографии и археологии.

Кроме того, теоретико-методологической основой работы выступили принципы историзма, объективность, сравнительный и проблемно-хронологические методы.

Принцип историзма и объективности позволили изучить историографию вопроса в ее конкретном многообразии, установить сущность и значение, осуществленного метода исследований.

С помощью сравнительного метода осуществлен сопоставительный анализ археологических данных с письменными источниками.

На базе проблемно-хронологического метода изучена тематика, основные задачи и функции археологических экспедиций. Прослежена хронологическая эволюция найденных материалов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– впервые предпринята попытка обобщить разнохарактерный, разномасштабный и разновременный материал в рамках единой концепции, представив феномен зарождения и развития изучения археологических памятников долины Кашкадарьи, ведущие тенденции её развития и переломные моменты в её истории в контексте различных дисциплин – археологии, искусствоведения, краеведения;

– всесторонне изучен и систематизирован весь комплекс исторических и архивных источников, связанных с исследованием археологических памятников долины Кашкадарьи, которые ранее зачастую оставались вне поле зрения исследователей, или же не сопоставлялись друг с другом для реконструкции общей картины процесса развития археологии исследуемого региона;

– проведен сравнительный анализ результатов археологиче-

ских изысканий, выявлены ошибки и достижения дискуссионных рассуждений археологов;

– показано значение деятельности археологических экспедиций, проведенных в Кашкадарьинской области в сложении и развитии археологической школы в Узбекистане.

Автор выражает огромную благодарность ответственному редактору профессору Р.Х. Сулейманову, рецензентам – академику Ю.Ф. Буякову, доценту О.Буриеву, доценту М.С. Исаковой, а также А.В. Омельченко, к.и.н. Д.М. Кенжаеву, коллективу ИА АН РУз, ИИ АН РУз, а также всем родным и близким оказавшим содействие в издании данной монографии.

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

1.1. Первые археологические исследования в Туркестане

Средняя Азия, историко-культурным ядром которой является Узбекистан, страна древней цивилизации, чрезвычайно богатая археологическими памятниками. На её территории археологами открыты и изучены памятники всех периодов истории человечества.

В европейскую литературу сведения о среднеазиатских архитектурных, археологических и нумизматических памятниках стали проникать еще с конца XVIII столетия (Ф. Ефимов), вместе с сообщениями путешественников и членов различных посольств по преимуществу из России (Г. Мейендорф, А. Леман, Н.В. Ханьков и др.) и отчасти иностранцев (А. Бёрнса, Г. Вамбери)¹².

С завоеванием Средней Азии Россией, царское правительство начинает активно привлекать с целью изучения незнакомого края учёных и специалистов. С этого момента ведет свое начало история изучения археологических памятников края.

Работа эта начиналась не на пустом месте, так как среди местных жителей, наряду с краеведами — коллекционерами были представители интеллигенции, интересовавшиеся историей и культурой своего народа. Выделяется ряд ярких личностей. Среди них следует отметить ташкентского купца Акрама Аскарова, который собирал материалы по истории памятников культуры, пополнял первые музеи края. В 1876 г. «За содействие успехам археологии» он был награжден серебряной медалью Русского археологического общества, а позже избран членом Ученого археологического общества Парижа. Самаркандский купец Мирза Бухари собирал древности Афрасиаба и передал Ташкентскому музею и

¹² Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (Часть I-ая: до первой послевоенной патилетыки) // Труды Среднеазиатского Государственного университета (САГУ). Археология Средней Азии. Кн. XII. — Т.: Изд. САГУ, 1956. — С. 9.

представку материалов по археологии и нумизматике. Опубликовал ряд статей по древностям края в местных газетах, оказал помощь в работе первому, присланному из Петербурга археологу Н.И. Веселовскому.

Прежним знатоком истории края был сын самаркандского муллы Абу Саид Махзум «один из самых насчитанных в мусульманской литературе Самарканде» по определению Н.И. Веселовского, оказавший большую помощь В.Л. Вяткину в изыскании по вакуфным материалам местонахождения обсерватории Улугбека и в её изучении. История имени и других знатоков древности края — Аброр Рахмана, Саттархана Абдулгафарова, Ходже Юсуф Мирфайзова, способствовавших изучению древней культуры Туркестана¹³. С их помощью начинают знакомство с памятниками архитектуры и археологии чиновники, интеллигенция и ученые администрации Туркестанского края.

Центральные научные учреждения очень слабо реагировали на возможность археологического изучения Туркестана после вхождения его в состав России. Достаточно указать, что из 15 археологических съездов, созывавшихся в России, начиная с 1869 г., ни один не был проведен на территории Средней Азии, а в тематике их работ вопросы среднеазиатской археологии были затронуты слабо. Археологическая комиссия, существовавшая с 1859 г. как научное учреждение придворного типа, организовала несколько научных командировок: П.И. Лерха (1864), В.В. Радлова (1868), Н.И. Веселовского (1884/5 и позднее), В.А. Жуковского (1890 и 1896), бывших преимущественно ориенталистами, не владевшими, за малым исключением, методикой археологических раскопок, ограничивалась фиксацией отдельных архитектурных памятников.

С 90-х годов XIX в. начались приезды в Туркестан В.В. Бартольда, 1893/4 и 1904 гг. с археологическими целями, а затем для проведения чисто исторических исследований по письменным источникам. Первая археологическая экспедиция В.В. Бартольда совместно с С.М. Дудиным прошла по линии Петербургского университета; вторая — по линии учрежденного в 1902 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. По линии и на средства последнего в Самарканде и в дру-

¹³ Лукин Б.В. Свет прошлого // Звезда Востока. — 1990. — № 6. — С. 125–134.

гих местах были проведены некоторые работы, исполнителями которых являлись местные деятели (В.Л. Вяткин и др.)¹⁴.

В изучении истории и археологии Средней Азии большую роль сыграл Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), решение о создании, которого было принято 11 декабря 1895 г. на заседании Туркестанского отдела Императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии¹⁵.

Открывая 11 декабря 1895 г. первое заседание кружка, его председатель генерал-губернатор Туркестана барон А.Н. Вревский в качестве важной цели и деятельности кружка выдвигал задачу: собрать как можно больше материала для освещения древнего периода среднеазиатской истории¹⁶. Однако, позже был принят устав ТКЛА, во втором параграфе которого были указаны в качестве основных в деятельности Кружка более широкие задачи:

- а) ознакомление с памятниками старины, находящимися в пределах Туркестанского края;
- б) описание их и нанесение на археологическую карту края;
- в) охрана археологических памятников;
- г) производство, с согласия владельцев, археологических раскопок;
- д) обработка местных археологических материалов для печати.

Специально было подчеркнуто, что раскопки должны сопровождаться подробным описанием работ. Предметы, добываемые при раскопках на казенных, обследованных и принадлежащих различным установлениям землям, согласно закону, представляются в Императорскую Археологическую Комиссию¹⁷.

Членами ТКЛА наряду с представителями высшей администрации, офицерами, священниками, директорами и преподавателями средних учебных заведений, были и специалисты, интересовавшиеся краем и его историей: географы, биологи, местные

¹⁴ Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии... — С. 9.

¹⁵ Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии (к 100 летию Туркестанского кружка любителей археологии) // Вестник древней истории. — 1996, — № 4. — С. 189–195.

¹⁶ Открытие Туркестанского кружка любителей археологии. 11 декабря 1895. — Т.: Типо-Литография бр. Порцевых. 1895.

¹⁷ Открытие Туркестанского кружка любителей археологии... — С. 13.

историки, коллекционеры и другие. Хотя, число лиц, искренне преданных делу и глубоко интересовавшихся вопросами местной археологии, было небольшим. Именно им кружок и был обязан своим успехами. Они проводили сбор как археологического, так и этнографического материала, готовили данные для археологической карты, проводили археологические раскопки.

Важно, что в период существования ТКЛА (1895–1917) ежегодно публиковались Протоколы кружка, что также давало возможность регулярно изучать археологические памятники на научной основе.

Подводя итог краткой характеристике о деятельности археологов-востоковедов в рамках ТКЛА, необходимо сказать, что, несмотря на то, что кружок был любительской, краеведческой организацией, его следует оценивать как первый серьезный специализированный гуманитарный научный центр по исследованию культуры и истории Туркестана. В целом, совокупность результатов научных изысканий членов ТКЛА вполне позволяет сопоставить их с результатами разработок востоковедов России.

Изучая научную деятельность ТКЛА, Б.В. Лунин отметил, что кружок, активизировав археологические работы в крае, оставил значительный след в истории накопления знаний об историческом прошлом Средней Азии, а осуществленный им учет и фиксация многочисленных памятников и предметов древности не утратили своего значения и до наших дней¹⁸.

Археологическим исследованиям членов кружка обычно предшествовали археолого-топографические рекогносцировки, архитектурные обмеры, натурные зарисовки, фото фиксации, которые сопровождалась сведениями исторического и фольклорно-легендарного характера, описаниями местонахождения памятников и степени их сохранности. Но, по объективным, а в ряде случаев и субъективным причинам археологические раскопки и разведки не проводились в ряде областей региона, особенно вне пределов Туркестанского генерал-губернаторства.

Некоторую роль в проведении археологического изучения Туркестана сыграл Туркестанский отдел Русского географического общества, учрежденный с 1897 г., субсидировавший несколько

¹⁸ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. — Т.: 1958. — С. 244.

археологических поездок и публиковавший на страницах своего периодического органа «Известий» статьи по среднеазиатской археологии.

В целом, археологическое изучение Туркестана до 1917 г., характеризуется как собирание и регистрация случайных сведений и предметов. Археологические мероприятия, даже когда они проводились центральными организациями, также являлись эпизодическими. Сами же работы по своему масштабу и характеру выполнения, в основном, являлись разведочными. Специалисты-археологи, занимавшиеся ранними периодами истории, до 1917 г. ни разу не посетили Среднюю Азию. Эпохи камня и бронзы изучались только американской экспедицией института Корнеджи, возглавлявшейся геологом Р.Пампелли и работавшей в Анау в 1903 г. и основном в 1904 г. Кроме того, можно отметить и археологическую экспедицию «Финно-угорского общества», прошедшую в 1898 г. в долину Таласа.

Исследование археологических памятников Кашкадарьи является частью общего изучения археологического наследия Средней Азии и уровень изученности края целесообразно представить на фоне общих археологических работ в Среднеазиатском Междуречье.

Кашкадарьинская область расположена на юго-западе Узбекистана. На севере она ограничена Зарафшанским хребтом, на востоке и юге — острогами Гиссарского хребта, а на западе — Каршинской песчаной степью.

Многие западные путешественники и послы посещали Кашкадарьинскую долину, о чем свидетельствуют европейские источники. К числу первых, наиболее обширных описаний Кашкадарьинской области европейскими путешественниками принадлежит широко известная в свое время книга А.Бёрнса (Борнса). Он был лейтенантом Ост-Индской компании и членом Королевского общества Великобритании. А.Бёрнс был отправлен для выяснения наиболее удобных путей сбора сведений о Средней Азии. Побывав в Карши, А.Бёрнс пишет, что «...Карши, лежащий в 60 милях к югу от Самарканда, оазис, образованный рекою, текущей из соседней области Шахр-Саба и источающей-ся от оплодотворения этого округа...»¹⁹. Между Карши и Оксом

¹⁹ Бёрнс А. Путешествие в Бухару. — М.: 1854. — С. 224.

он отмечает несколько отдельных холмов, представляющих собой, по его мнению, остатки жилищ: «Страна к северу от Окса населена пастушескими племенами и нисколько не возделана; но остатки водопроводов и других строений, особенно между Карши и Бухарою, свидетельствуют о более счастливым веке в этих, ныне заброшенных землях»²⁰.

Таким образом, увлекательно написанные А.Бёрнсом книги о его путешествии привлекли внимание широких читательских кругов стран Западной Европы и России.

В 1841–1842 гг. ориенталист Н.В. Ханыков пробыл восемь месяцев в Бухаре, следствием чего явилась широко известная и пользующаяся заслуженным признанием его работа, посвященная Бухарскому эмирату. Карши он описал, как город, состоящий из трёх частей: цитадели, старого города и нового города. Им приведено описание городских ворот, мечетей, старого моста, построенного Абдуллаханом через реку Кашкадарья. Н.Ханыков называет Карши вторым столичным городом в эмирате после Бухары, пишет о наличии в нем постоянного гарнизона. Путешественник оставил свидетельства о наличии в окрестностях г. Карши археологических памятников²¹.

По словам В.В. Бартольда, «исключительные достоинства Н.В. Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре» было немногим более 20 лет. В.В. Бартольд назвал «Описание Бухарского ханства» классическим трудом историко-географического характера. О.А. Сухарева отметила, что работа Н.В. Ханыкова, «выполненная для своего времени на большой научной высоте, не утратила значения для наших дней»²².

Из последующих ранних исследователей Кашкадарьи необходимо, конечно отметить Н.А. Маева — известного русского историка, этнографа, журналиста, географа, исследователя Средней Азии. С 1870 г. он работал в Ташкенте; в 1870–1892 гг. являлся первым редактором «Туркестанских ведомостей», а в 1872–1874 гг. — редактором сборников «Материалы для стати-

²⁰ Там же. — С. 228.

²¹ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. — СПб.: 1843. — С. 44–45, 50.

²² Лунин Б.В. История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.). — Т.: Фан, 1990. — С. 71.

стики Туркестанского края». Н.А. Маев был одним из организаторов первого краеведческого музея и публичной библиотеки в Ташкенте. В 1871–1872 и в 1874–1878 гг. он выезжал для осмотра путей к Амударье, в 1872 г. был откомандирован на юг Бухарского эмирата, с целью изучения географии Гиссарского края и Кулябского бекства. Он описал горный массив, в который входят широкие Ферганская, Зерафшанская долина и Шахрисабзская, перевал Тахта-Карача, по дороге из Самарканда в Китаб высота 5,180 футов (*т.е. 1 788 м*). Отмечено понижение Тянь-Шаня по мере приближения к Гузару и к берегам Амударьи, перевал Ак-рабат, высшая точка массива 4,590 футов абсолютной высоты, который прерывается дорогой из Карши в Ширабад. Во время поездки Н.А. Маев изучал гидрографию и гидронимы области. Гиссарская экспедиция под руководством Н.А. Маева получила значительные географические материалы, необходимые для дальнейших, в том числе археологических исследований²³.

В 1874 г. Н.А. Маев совершает путешествие в Шахрисабз, который воспринимал как город - родину Амира Темура, древний Кеш. Он обратил особое внимание на архитектурные памятники, среди которых больше всего заинтересовали руины Аксарая: «Роскошный дворец Тимура Аксарай представляет теперь одни развалины, как и все бухарские здания этой эпохи. Но эти руины поражают и теперь своей оригинальной красотой. С южной стороны ясно видны следы купола, венчавшего все здание; этот купол теперь обрушился, так что остались только две высокие стены, украшенные изразцовой мозаикой и надписями»²⁴.

Карши он характеризует как город, соединяющий Бухарский оазис с Шахрисабзским и Гиссарским: «Благодаря своему стратегическому положению, Карши сделался важным транзитным пунктом большого бухарского рынка. Всё что идёт в Бухару с востока и юга-востока, не минуя Карши...»²⁵ Первые из посетителей Н.А. Маев отметил сардобу, которая находилась на южной стороне города. Он также оставил описание провинций. Впервые у него встречаются сведения о кишлаках Касан (сегодня район), Касби (сегодня район), Яби, Китай, которые существуют и в настоящее время.

²³ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. – Т.: 1875. – С. 82.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

В 1878 г. на страницах газеты «Туркестанские ведомости» появляется ряд сообщений, которые были посвящены поездкам Н.А. Маева по изучению путей к Амударье. Это: 1) дорога из Дарвеза, Ширабад и переправы через Амударью, Каракамар и Келиф; 2) дорога из Келифа между горами, прямо в Гузар. Н.А. Маев был первым из европейцев, кто прошел по этим направлениям²⁶. Во время поездки через Гузар он осмотрел горный путь, ведущий от урочища Тенга-Харам к большому и значительному кишлаку Куйтану, через перевал Акбаш и по долине Каракамары²⁷.

В целом, в работах Н.А. Маева содержится значительный объем сведений географического, этнографического, археологического и архитектурного планов, которые в дальнейшем служили важным материалом для путешественников и специалистов, интересовавшихся Кашкадарьинским оазисом.

В декабре 1882 г. города Карши и Шахрисабз посетил чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, инженер В.В. Крестовский. В Шахрисабзе он осмотрел памятники, которые были построены во время правления Темура и Темуридов²⁸. Важная деталь содержится в описании его поездки в январе 1883 г. в окрестности Карши, когда путешественник посетил развалины древнего города, называемого Шуллаук. Это позволяет считать В.В. Крестовского первооткрывателем этого археологического памятника. Все, кто приезжал в Карши после него, обязательно посещали Шуллауктепа, которое, как было установлено позднее, является развалинами средневекового города Насаф.

Побывавший в 1895 и 1910 гг. в Карши офицер-художник Б.Н. Литвинов отметил, что город являлся для Бухарского эмирата одним из самых доходных районов, бывшее время Карши был связан отличными караванными путями со всеми главными пунктами края - с Бухарой, Самаркандом, Термезом через Гузар, с Балхом и Гератом через Керки²⁹. Изучив окрестности города, он также описал Шуллауктепа: «... Не надо забывать, что современ...

²⁶ Известия // Туркестанские ведомости. 1878, – № 24, 20 июня.

²⁷ Известия // Туркестанские ведомости. 1878, – № 35, 5 сентября.

²⁸ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – СПб.: 1887. – С. 43.

²⁹ Литвинов Б.Н. Карши // Туркестанские ведомости. – 1910, – № 114, 25 мая.

менное Карши несколько сдвинулось на юго-запад со старого населенного места. Конечно, и теперешние Карши насчитывают более чем полутысячи лет своего существования; но древний Нахшеб, старый Карши, был на месте урочища, называемого туземцами Шуллок-тепа. Оно представляло собой обширный холм с явными и грандиозными следами былого...»³⁰.

Многое из того, что сообщил Б.Н. Литвинов, повторил позднее в одной из своих книг офицер пограничной стражи Д.Н. Логофет, который посетил Карши в первое десятилетие XX в. Он проехал из Самарканда в Шахрисабз, Яккабаг и Карши через перевал Тахта-Карача и оставил много заметок об архитектурных и археологических памятниках района.

Д.Н. Логофет значительное внимание уделил истории, отметив, что город Кеш или Шахрисабз являлся одним из главных городов земли Острушаны (*такое название с точки зрения Д.Н. Логофета носила до III в. до н.э. горная Бухара, которая вела постоянную войну с Согдианой-Н.Р.*). В записках Д.Н. Логофета содержатся сведения об археологических памятниках в окрестностях Шахрисабза - древней крепости в 25 верстах от Шахрисабза, возле кишлака Яртепа и в кишлаке Ташкуртан.

Посетив Яккабаг, отметил его крепость и несколько курганов в окрестностях. Исследователь предположил, что возникший в период до христианской эры, Яккабаг долгое время являлся одним из пунктов, в котором прочно развивался парсизм (*устаревшее определение зороастризма - Н.Р.*), уступивший затем лишь после долгой и упорной борьбы своё место буддизму, в свою очередь вытесненному несторианским христианством. Д.Н. Логофет писал, что: «...неоднократно подвергшиеся разрушению и вновь возникавшие город и крепость Яккабага стояли на остатках прежней жизни, покрытых толстым слоем земли. Археологические изыскания и раскопки могли бы дать большой материал для освещения прошлого этого места, существовавшего почти 2 тысячелетия»³¹.

В Шахрисабзе исследователь описал четверо ворот: Дарвазе Агенин, Дарвазе Абдулах, Дарвазе Касабон и Дарвазе Шаристан, а под административными учреждениями, заметил, выделявший-

³⁰ Литвинов Б.Н. Карши... - № 116, 27 мая.

³¹ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. - СПб.: 1913. - С. 522.

он холм под ними - археологические остатки. В целом, во время поездки в верхние районы Кашкадарьи, Д.Н. Логофет старался обращать внимание на все стороны жизни края: географию, историю, этнографию и археологию.

Это же касается и его поездки в западную часть Кашкадарьи, где он описал расположенный на холмистой равнине и имевший облик старинного мусульманского города Карши, что местность представляла собою холмистую равнину. В конце, которой перед нами открываются Карши, второй по значению город Бухарского княства, считающийся почти равным столице по своему историческому прошлому. Город этот, появившийся более двух тысяч лет тому назад, носил название Нах-Шеба, являясь главным торговым пунктом из Бухары в Балх. Пережив долгую эпоху греко-бактрийской цивилизации, он впоследствии, с появлением на равнинах Средней Азии узбеков, превратился в один из важных опорных пунктов новых правителей. Чагатайский князь Кебек в 1318 г. построил в нем крепость, и с тех пор Нах-Шеб, утрачив свое важное название, сделался известным под именем Карши, то есть замок или крепость³². Д.Н. Логофет отмечал, что Карши широко раскинулся по обоим сторонам многоводной реки Кашкадарьи и был соединен между собою несколькими мостами; урда была укреплена кирпичной стеной с башнями, все постройки центра заключены в крепостную стену с несколькими воротами, выходящими на главные улицы, около которых возвышались высокие башни с караулами для охраны входов. Не оставил он без внимания политические и этнические связи населения области с другими городами и областями, описал кустарные промыслы Карши.

Д.Н. Логофет отмечает, что современный город построен юго-западнее места, где был древний Нахшеб. Не будучи археологом, он не смог выявить в рельефе Карши остатков крепости построенной Кебекханом. Это привело его к выводу о локализации города этого времени на месте городища Калаи Захоки Морон. Описывая Шуллоктепа, он отметил, что местные жители почти всё время занимались выпалыванием на городище различных вещей в виде утвари и монет³³.

³² Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары... - С. 583.

³³ Там же. - С. 585.

В целом, необходимо подчеркнуть, что Д.Н. Логофет первым из исследователей, посещавших долину Кашкадарьи, уделил столь большое внимание археологическим объектам, расположенным на её территории.

После создания ТКЛА Кашкадарьинская долина поначалу не представляла большого интереса для его членов. В 1914 г. А.Д. Валидов был командирован Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии и Императорской Академии Наук в Бухару для собирания сведений о местных собраниях рукописей. Рассчитывая пробыть в Бухарском ханстве несколько месяцев, он решил посетить все более важные города.

В Бухаре он купил одну рукопись про Темура на сумму 75000 тенге. В Шахрисабзе А.З. Валидов встречается со многими лицами, которые имели у себя дорогие рукописи. Также он обратил внимание на памятники Темуридского периода, которые имели изразцовые надписи на арабском языке. В Гузаре и Каршах тоже он собирал большое количество рукописей. А.Валидов отметил, что в Каршах, у муллы Наджмиддина сохранились все сочинения Мауляна Хусейн-ул-Воиз Кашифи, современника султана Хусейна Байкары³⁴.

В 1916 году член ТКЛА И.А. Кастанье начал маршрутные поездки по археологическим памятникам Каршинского оазиса. Он отметил большое количество курганов, расположенных кольцами вокруг города Карши и тянущихся густыми рядами по культурной полосе долины Кашкадарьи. Общая их численность и огромные размеры поразили воображение исследователя.

В нескольких верстах от города, у самой железнодорожной станции он отметил старинную крепость внушительных размеров, известную под именем Калаи Захоки Морон. Он составил схематичный план крепости, «состоящей из трех четырехугольников, разделенных между собою двумя глубокими рвами: внешний четырехугольник около 1000 шагов с каждой стороны, высота первого вала до 3 сажень, ширина вала сверху полторы сажени... В центре, на самом высоком пункте была цитадель, где отмечались следы раскопок кладоискателей»³⁵.

³⁴ Валидов А. О собраниях рукописей в Бухарском ханстве // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 23. – СПб., 1916. – С. 246–247.

³⁵ Кастанье А.И. Археологическая разведка в западных частях... – С. 26–30.

И.А. Кастанье и его помощник Н. Голошевич насчитали примерно 34 кургана – тепа вдоль железной дороги от крепости Калаи Захоки Морон до станции Касан, причем в трёх верстах от станции, в степи было отмечено большое тепа (*городище* *Шульгантепа - Н.Р.*)³⁶.

И.А. Кастанье первым из исследователей попытался связать со сведениями античных авторов с археологическими объектами на территории Кашкадарьи. В окрестностях города Карши он локализовал Наутак, где был пленен македонцами Бесс, и где позднее находился Александр Македонский. Исследователь полагал, что город на месте современного Карши был построен Кебеком, а крепость Калаи Захоки Морон была возведена Амиром Темуром и датируется XIV – XV вв.

Новой болиншество археологических памятников области подверглось им только поверхностному осмотру (без точных замеров и датировок), тем не менее, И.А. Кастанье оставил значительный объем информации и по ее археологии и древней истории.

Ещё один член Туркестанского и Закаспийского кружков любителей археологии, востоковед Л.А. Зимин вместе с фотографом П.М. Никифоровым побывал в Каршинском оазисе в конце мая – начале июня 1916 г. Он посетил городище Шуллактела, которое, по его мнению, впервые встречается в литературе XVIII в. Отлично зная средневековые источники, Л.А. Зимин отметил совпадения их сведений с современной топографией городища: расположение города по обеим сторонам реки и отсутствие стен шахристана и высказал мнение, что Несеф и Нахшеб – один город, который находился в нижней части реки Кашкадарьи до завоевания Маварауннахра арабами, а затем и позднее³⁷.

Другим объектом наблюдения Л.А. Зимина являлось городище Калаи Захоки Морон. Согласно его запискам, оно представляло собой типичный остаток крепости вроде Калаи Дабус. Также как И.А. Кастанье, Л.А. Зимин утверждал, что крепость была построена Амиром Темуром.

В 1927 г. была опубликована его статья, посвященная истории города Карши, в которой подробно описаны археологические па-

³⁶ Кастанье А.И. Археологическая разведка в западных частях... – С. 26–30.

³⁷ Зимин Л.А. Краткий отчет о поездке по Бухаре в 1916 г. // ПТКЛА. – Т.: 1916. – С. 103–104.

мятники, в том числе и Шуллактепа. Он первым из исследователей отметил дворец Казанхана – «Занджирсарай», сожженный в 1387 г. войсками Тохтамыша. Упомянул и большое городище среди степи (*Еркурган* – Н.Р.).

Анализируя древние источники, он сделал вывод, что путь из Бактрии в Согдиану должен был проходить через долину Кашкадарьи. Он утверждал, что именно здесь надо искать Наутаку, упоминающуюся историками, описывающими поход Александра Македонского. Как И.А. Кастанье, он локализовал этот город в Каршинском оазисе. Л.А. Зимин первым привлек китайские источники, в которых встречались названия древних и средневековых городов, расположенных в долине Кашкадарьи – Ци-ши и Нашебо, соответственно Кеша и Нахшаба³⁸. В. Карши и его окрестностях Л.А. Зимин сделал много фотоснимков и несколько зарисовок.

Особое значение в плане привлечения письменных источников, для сравнения с археолого-топографическими данными имеют, классические работы академика В.В. Бартольда. На их базе в Кешской области он выделил для средневековья 16 волостей-рустаков и такие города, как Субах, Наукад-Курейш, Искифагн, Базда и Касба с близлежащим местонахождением этих городов: Субаха – на месте нынешнего Гузара, Искифагна – на месте селения Карабаг, а Базды и Касби – в низовьях Кашкадарьи³⁹.

В.В. Бартольд посетил долину Кашкадарьи неоднократно. Вместе с археологом В.Л. Вяткиным он был отправлен в Шахрисабз для уточнения сведений А.Л. Куна о строительстве Шахрухом медресе Кук Гумбаз. Исследователям удалось прочитать надписи на портале, где упоминались 839 г.х. и имя Улугбека, что позволило им прийти к выводу о строительстве медресе Кук Гумбаз не Шахрухом, а Улугбеком⁴⁰. Другую задачу – уточнение местонахождения могил Бахадыра Тарагая и Жахангира, отца и сына Амира Темура, из-за кратковременности поездки решить

³⁸ Зимин Л.А. Нахшеб. Несеф. Карши. Их история и древности // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Т.: 1927. – С. 197–199.

³⁹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия ... – С. 189–190.

⁴⁰ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ниже ЦГА РУз), ф-95, оп. 1, д. 374, л. 4–5. (Краткий отчет В.В. Бартольда о поездке в Самарканд, Бухару, Шахрисабз в 1925 г. с 27.07 до 9.08.).

не удалось. Несмотря на то, что В.В. Бартольд непосредственно не изучал археологические памятники в долины Кашкадарьи, но его труд в археолого-топографическом плане не потерял своего значения и до сегодняшнего дня. Несомненно, самым большим вкладом В.В. Бартольда в изучение древней истории Кашкадарьи является предложенная им локализация городов и больших селений на торговых путях из Бухары в Мерв и Балх. Его гипотезы в дальнейшем нашли свое подтверждение во время стационарных работ. Труды этого исследователя-востоковеда дали возможность представить общую картину исторических событий, которые имели место после завоевания Средней Азии арабами и монголами, а также в период правления Амира Темура и Темуридов.

Важным направлением изучения древностей долины Кашкадарьи в первые десятилетия XX в. являлось изучение архитектурных памятников Шахрисабза, вызывавших наибольший интерес архитекторов и искусствоведов.

Что же касается археологического изучения долины Кашкадарьи в эти годы, их следует охарактеризовать как плановое собирание и регистрацию локальных сведений и предположений, даже когда они проводились центральными организациями, являлись в основном случайными эпизодами. Тематика, отличавшаяся некоторой узостью и вещеведческим подходом, как правило, зависела от интересов отдельных лиц.

1.2. Формирование археологической науки в Узбекистане и проблемы изучения истории культуры долины Кашкадарьи

С созданием Узбекской ССР в археологической работе на территории Узбекистана происходит оживление. Уже в первое десятилетие здесь проводятся значительные полевые работы с участием как местных, так и центральных научных учреждений. Прежде всего следует отметить раскопки В.Л. Вяткина на городище Афрасиаб (1925, 1929–1930 гг.), Б.П. Денике на старом Термезе (1926–1927 гг.), археологические раскопки М.Е. Массона в долине Ангрена (1925–1928 гг.), его раскопки близ Тойтобе (1928 г.) и на городище Айртам (1929–1930 гг.) и др.

Особое внимание вызвали раскопки курганов в долине Ангrena, что привело к организации в 1928 г. специальной экспедиции М.В. Воеводского и М.П. Грязнова для вскрытия курганов в Киргизии, признанных принадлежащими усуньским погребениям.

Необходимо отметить, что на этом этапе были сделаны определенные работы, археологического и архитектурно-реставрационного содержания.

Значительный перелом в развитии археологии в Узбекистане наступил в середине 30-х годов, когда была создана материальная база для широких стационарных полевых исследований. Главное внимание в этот период было обращено на выявление, учет и систематизацию памятников, составление первичных карт и разведочное изучение наиболее крупных объектов или памятников, подвергавшихся разрушению. Это обуславливалось как полной неинформированностью края, так и недостатком квалифицированных специалистов. Наиболее значительные работы были связаны с раскопками при реставрируемых памятниках архитектуры. Однако уже на данном этапе начинается новое исследование городища Афрасиаб, старого Термеза, памятников Ангрэнской долины. Начинается первичное обследование городищ Хорезма. В целом для данного периода характерна выработка новой археологической методики со стратиграфическими наблюдениями, с широким привлечением данных других, в том числе и естественных наук.

Значительное развитие в этот период получили археологические разведочные и раскопочные работы: в Зарафшанской долине (А.Ю. Якубовский, 1934, 1939 гг.), старом Термезе (М.Е. Массон, 1936–1937 гг.), на городище Каунчитепа (Г.В. Григорьев, 1934–1937 гг.), раннесредневековом замке Актепа в Ташкентской области (А.И. Тереножкин, 1940–1941 гг.), городище Талли Барзу под Самаркандом (В.А. Шишкин, 1936–1939 гг.), городище Варахша и его окрестностях (В.А. Шишкин, 1937–1939 гг.). В 1933 и 1934 гг. Б.А. Литынин и Т.Г. Оболдуева осуществили археологические разведки в связи со строительством Нарынской ГЭС в Ферганской долине. Изучалась история ирригации, проводились археологические раскопки погребальных курганов, исследовались поселения и материальные комплексы археологических культур древней Ферганы.

В 1933–1933 гг. в южном Узбекистане на берегу Амударьи, при археологических раскопках руин здания первых веков н.э. на городище Айртан, были обнаружены каменные барельефы и архитектурные детали кушанского времени, что послужило толчком к организации М.Е. Массоном специальной Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ)⁴¹.

Таким, начиная с 1935 г. наступает время интенсивного развития археологии Средней Азии. Была поставлена «создания полноценной истории мира с древнейших времен до настоящего момента». Скудность сведений в письменных источниках о наливании в Средней Азии классовых отношений, выдвигала на первое место археологию, как науку, способную решить данную проблему. В результате чего были объединены силы центральных и местных научных организаций, разработана новая методика изучения культурных слоев, стратиграфии, чтения страниц археологической летописи.

В сфере исследований древностей каменного века, а также последующих эпох большую ценность представляют памятники первобытного искусства в урочище Зараут-Сай в Сурхандарье. Мировое значение имело открытие А.П. Окладниковым в 1938 г. в пещере Тешик-Таш культурных слоев эпохи палеолита и останков неандертальского человека. Эти работы стали катализатором исследований памятников каменного века, расположенных на территории Узбекистана.

Как отмечают исследователи, с 1938 г. в зоне Приаралья начинается свою деятельность Хорезмская археолого-топографическая экспедиция Московского отделения Института истории материальной культуры (ИИМК) под руководством С.П. Толстова. В результате работ на территории Хорезма и Каракалпакстана были открыты стоянки эпохи неолита, бронзового века; впервые были выявлены многочисленные памятники античности и раннего средневековья; исследовались некоторые древние ирригационные системы, была установлена непрерывность местной материальной культуры Хорезма с IV в. до н.э.⁴²

⁴¹ Буриков Ю.Ф., Филинович М.И. УзР ФА Тарих институтида археология фанни // Узбекистон тарихи. – 2003. – № 4. – Б. 12.

⁴² Там же.

Экспедицией С.П. Толстова в древней Акчадарьинской дельте Амударьи изучались также памятники эпохи энеолита камышлинской культуры, которая обнаружилась аналогии с древними культурами Передней Азии и Кавказа. Если неолитическая камышлинская культура свидетельствовала преимущественно о северных связях с Приуральем и Западной Сибирью, камышлинская культура конца III - начала II тыс. до н.э. указывала на связь с древним земледельческим югом. Тем самым была определена роль Средней Азии, в частности Хорезма, как зоны контактов в этих связях⁴³.

С конца 30-х годов планомерно накапливались знания о культуре эпохи бронзы на территории Узбекистана. Был выделен ряд очагов культур эпохи бронзы, выявлен их характер, различные типы памятников, решаются вопросы сложного взаимодействия оседлых и кочевых народов.

В нижней части среднеазиатского междуречья Хорезмской экспедицией были открыты памятники эпохи бронзы, объединенные в тазбагьябскую культуру, которая имеет черты сходства с андроновской культурой нижнего Поволжья.

Открытие Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в низовьях Амударьи крупных оросительных систем и городов, возведенных в один прием, привели С.П. Толстова к выводу о том, что в античной Средней Азии имела место рабовладельческая формация⁴⁴, хотя среднеазиатское рабовладение отличалось от классического греко-римского и носило общинный характер. Эти положения С.П. Толстова, отметил и Б.Г. Гафуров, которые были приняты большинством советских ученых и стали ведущими в марксистской разработке древней истории Средней Азии⁴⁵. Они получили широкое распространение в разработке древней истории Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, древняя история стала трактоваться как эпоха рабовладения. Однако эти

⁴³ Мухамеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане в годы советской власти // СА. - 1967. - № 4. - С. 98; Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане // ИМКУ. 1966. Вып. 7. - С. 11.

⁴⁴ Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. - 1938. - № 1. - С. 182-184.

⁴⁵ Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. первая. - Душанбе: Ирфон, 1989. - С. 277.

они не имели под собой серьезной фактологической базы и поэтому критичку со стороны некоторых ученых⁴⁶.

В 1939 г. был поднят вопрос об организации нового типа экспедиции археологического надзора на скоростном строительстве Ферганского канала. Руководителем этой экспедиции был избран М.Е. Массон⁴⁷. В результате плодотворной работы экспедиции впервые выявлены и сопоставлены комплексы Ферганского канала памятников материальной культуры различных периодов, впервые же выяснено своеобразие их обихода Фергана обоснованно выделена в особую, культурно-историческую провинцию Средней Азии. Ряд комплексов археологических памятников удался, уточнит датировку. Археологические работы способствовали лучшему пониманию процесса развития этого общества.

В целом, первая половина XX в. явилась эпохой образования археологической науки в Узбекистане. Можно смело утверждать, что в связи с созданием в конце 30-х годов XX в. во всех территориях республике крупных археологических комплексов экспедиций, возник вопрос об организации центра по подготовке квалифицированных кадров. Таким центром стал Среднеазиатский Государственный Университет (САГУ), где при историческом факультете после представления хорошо продуманного плана археологической специализации 1 апреля 1940 г. была учреждена кафедра археологии Средней Азии во главе с М.Е. Массоном, который успешно руководил ею на протяжении почти 30 лет⁴⁸.

Новый этап археологических исследований - широкое, плодотворное изучение долины Кашкадарьи в археологическом и историко - архитектурном отношении начинается с 20-х г. XX в. Археология перестала быть делом одиночек-любителей и коллекционеров, а стала делом науки. Но успехи пришли не сразу, не без борьбы и явились результатом большого труда, затраченного крупными коллективами ученых.

⁴⁶ Белинский А.М. О периодизации истории Средней Азии // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в допетровский период. - Т. 1955. - С. 507.

⁴⁷ Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. - Т. 1976. - С. 174.

⁴⁸ Усманова З.И. Кафедра археологии ТашГУ - 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азии. - Т. 1990. - С. 4-5.

Одной из основных задач, решавшихся в это время, являлось преодоление замкнутости науки и привлечение в ходе археологических работ данных других дисциплин.

В 1926 году впервые для самостоятельного изучения исторической топографии по линии Государственной Академии института материальной культуры (ГАИМК) в Шахрисабз был направлен только что, окончивший восточный факультет Ленинградского государственного университета А.Ю. Якубовский. Он сделал свыше сотни снимков архитектурных памятников и произвёл архитектурные и археологические наблюдения, результаты которых изложил в конце 1926 г. на заседании ГАИМК⁴⁹. К сожалению, фотосъёмки и содержание доклада не сохранились.

В 1928 г. горюдище Касбитепа было обследовано горным инженером Я.С. Ефименко, предположившим, что здесь когда-то стоял дворец, о чем, свидетельствовали остатки строительных материалов, фрагменты женных кирпичей, керамики, остатки водопроводных кубуров. Эти данные не были опубликованы отдельным сообщением, но нашли свои отражения в книге М.Е. Массона «Проблема изучения цистерн-сардоба», которая была частично посвящена изучению на территории Кашкадарьи закрытых водохранилищ.

В этой же книге содержатся сведения и об обследовании Каршинского оазиса 1929 г. Т.Миргиязовым. Результаты его наблюдений использованы М.Е. Массоном при рассмотрении отдельных вопросов исторической топографии долины Кашкадарьи в частности с выявлением местонахождения средневекового рода Багда в районе развалин, около Бабакенттепа.

Представление о развитии караванных путей, пересекавших Каршинский оазис содержится в зафиксированных М.Е. Массоном пунктах водохранилищ – сардоба, стоявших на торговых трассах, соединявших Бухару с городами левобережья Амударьи. От Карши намечено две трассы путей, снабженных сардоба, которые вели на Керки-Керкичи, с ответвлением в сторону Мукры, и восточнее – на Чаршангу и Келиф, пересекая отроги Кухитанга. А за Амударьей у Келифа дорога раздваивалась в направлении городов Шибрган и Балх⁵⁰.

⁴⁹ Якубовский А.Ю. ГАИМК - ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. – М.-Л., 1940. Вып. VI. – С. 16–17.

⁵⁰ Массон М.Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. – Т., 1935. – С. 23–24.

В 1933 г. Я.Гулямов и Т.Миргиязов вместе с фотографом Н.Завалиным, были командированы в Шахрисабз Узкомстарисом для составления с архитектурными памятниками Хазрати Имам, Куллубаз, Гумбази Сайидан. В эти же годы фотофиксация и изучение архитектурного декора памятников города проводились специалистами Шахрисабзского филиала Узкомстариса: С.К. Кабановым, С.А. Судаковым и фотографом Н.С. Ложкиным⁵¹.

Осенью 1936 г. свою первую поездку в окрестности Карши с целью археологического наблюдения совершает С.К. Кабанов. Им обнаружены такие археологические памятники, как Шулюктепа, Навангента, Таллисортепа, Калаи Захоки Морон, Безмянные тегеи⁵².

Работы С.К. Кабанова отличались от предыдущих тем, что в них впервые было дано квалифицированное археологическое описание памятников, обращено внимание на их местоположение и ориентацию. Исследуя рельеф древних тепа, исследователь наделал их основные историко-топографические части, собрал необходимый материал, что позволило ему датировать верхние слои памятников VII – XII вв. н.э.⁵³

Таким образом, несмотря на то, что поездка С.К. Кабанова была краткой, это был значительный шаг вперед в изучении археологических памятников долины. Начиная с этого времени, она все больше интересует историко-археологическим прошлым значительной части Кашкадарьи.

Тем не менее, в это время наблюдается усиление реконструкционной и разведочной деятельности, хотя вопрос об археологических раскопках на территории Кашкадарьи не ставился. Основными целями в области археологии были: взятие на учёт всех археологических коллекций.

В 1940 г. правительство объявил о юбилейных датах: пятилетия со дня смерти Мирзо Улугбека и пятистолетия дня рождения Алишера Навои. В связи с этим перед ученым были

⁵¹ ИИБ, А 1528/Г. Гулямов Я.Г., Миргиязов Т., Завалин И. 1933 уй IX-X aslarda O'zasharatom tomonidan Termiz rayoniga uyborilgan arxeologiya ob'ektlarining Shahrisabzda qilgan ishlari. Архив Главного управления по охране объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан (ниже ГлавНПУ РУз). – Т., 1933. Л. 1–3.

⁵² ИА РУз, ф. Р-296, оп. 1, д. 284, л. 15.

⁵³ Узк. архив.

поставлены серьезные задачи и не только по освоению творчества Алишера Навои, но по изучению в целом всей эпохи Амира Темура и Тимуридов. Была создана специальная экспедиция, которая работала с тематикой, посвященной среднеазиатским памятникам материальной культуры поры государства Амира Темура и Тимуридов⁵⁴. М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова по линии Юбилейного комитета Алишера Навои занимались в Самарканде и в других городах Узбекистана осуществлением поездки для изучения материальной культуры эпохи Тимуридов.

В 1941 г. М.Е. Массон возглавил большую Самаркандскую археологическую экспедицию (САЭ) Музея Навои, работавшую в составе пяти отрядов. Первый – по археолого-топографическому изучению северо-восточной части Самарканда XV века. Второй – по раскопке обсерватории Улугьёка. Третий – по розыску и раскопке остатков дворцового сооружения с «фарфоровым павильоном» («Чиннихана») в загородном саду Улугьёка. Четвертый и пятый – по археологическому изучению мавзолеев Чупан-ата и «Биби-ханым». В течение работ экспедиции впервые было установлено местонахождение сада амира Темура Накши Жахан и сада Мирзо Улугьёка с остатками дворца Чильсутун. В раскопках работ были выявлены остатки «Чинниханы». При раскопках обсерватории был получен ряд данных для реконструкции плана и внешнего облика самого здания⁵⁵.

Начавшаяся вторая мировая война практически остановила археологические изыскания, за исключением некоторых археологических наблюдений в зоне строительства Северо-Ташкентского канала (Я.Г. Гулямов, М.М. Герасимов, А.В. Збруева, М.Э. Воронец, 1942 г.) и Фархадской ГЭС (В.Ф. Гайдукевич, 1943–1944 гг.). Было начато также исследование ансамбля медресе и хонако Мухаммад Султана в Самарканде (М.Е. Массон, 1943 г.), произведены разведочные работы по Бухарскому оазису (В.А. Шишкин и В.А. Нильсен, 1944 г.).

В 1942 г. М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой было осуществлено небольшое обследование Шахрисабза в историко-археоло-

⁵⁴ Массон М.Е. Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов // Труды САГУ. – Т. 1953. Кн. 6. – С. 3–4.

⁵⁵ Там же. – С. 5.

наследием и историко-архитектурном отношении. Были собраны данные по топонимике и зафиксированы старые названия гузаров по второй половине XVIII века.

В общих чертах была выяснена история Шахрисабза как городского поселения до его вхождения в состав Бухарского эмирата. Отсутствие на территории Шахрисабза признаков городско-го поселения вплоть до XIII века, как и ряд других наблюдений, привело исследователей к выводу, что остатки древнего городища здесь, упоминаемого в долине Кашкадарьи со II в. н.э. и именовавшегося в раннесредневековых китайских источниках – Циши, Шя, следует искать в другом месте, неподалёку от Шахрисабза⁵⁶.

Во время археологических работ впервые было установлено, что Шахрисабз времени Темуридов территориально не связан с древним и раннесредневековым Кешем, находившимся в действенной близости на месте Китаба, и по новому удалось понять происхождение и историю шахрисабзских архитектурных памятников. Намечавшаяся картина истории главного города Кешского района представлялась как чередование нескольких периодов резкого упадка (в эпоху кризиса рабовладельческого общества, затем в X в. н.э. и первой половине XVIII в.). Ознакомление с различными видами материальных памятников позволило исследователям развернуть тематический план дальнейших историко-археологических работ в долине Кашкадарьи, которые рассчитывалось осуществлять многоотрядной археологической комплексной экспедицией⁵⁷.

В целом, в 30-е годы в исторических исследованиях Узбекистана становится ведущей марксистская методология. Начинается пересмотр накопленного ранее научной материала с позиций диалектического материализма. Этот период характеризуется интенсивным накоплением вещественного материала, его систематизацией методом типологического анализа, хронологической детализацией и выявлением некоторых новых археологических культур. Археологические материалы стали широко использоваться как важный источник для разработки периодизации истории Узбекистана.

⁵⁶ Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Тимуре и Улугьёке // Труды САГУ. – Т. 1953. Кн. 6. – С. 19–20.

⁵⁷ Там же. – С. 21.

Таким образом, археология Узбекистана, сложившаяся как наука в XX в., накопила и продолжает накапливать колоссальный объем фактического материала по истории материальной и духовной культуры всех периодов человеческого общества в Средней Азии. Будучи наукой исторической, она подготовила солидную базу источников для собственно-исторического исследования особенно бесписьменных периодов истории Узбекистана или тех, которые слабо освещены письменными источниками. В комплексе с письменными сведениями, а также данными смежных наук, как гуманитарных, так и естественных, появилось больше возможностей для изучения истории, истории культуры, урбанизации, социальных, экономических отношений.

Изучение истории образования и развития археологической науки в Узбекистане и начало археологических изысканий в долине Кашкадарье, позволяет сделать следующие выводы:

- после завоевания Российской империй, в Туркестане велись частичные мероприятия по фиксации и охране некоторых местных исторических памятников;

- после создания Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), на территории края стали осуществляться более регулярные работы по сбору археологического материала. Несмотря на значительный состав членов кружка, реальная работа осуществлялась небольшим числом лиц, искренне преданных делу и глубоко интересовавшихся вопросами местной старины. В то же время, в силу отсутствия должного централизованного финансирования, не было попыток ввести в археологическое изучение плановую последовательность и составить его программу, хотя бы на ближайшие годы. Более того, малочисленности специалистов археологические работы зачастую приводили к разрушению, памятника без получения информации возможной при раскопках. Большим плюсом являлся регулярный выпуск «Протоколов заседаний» и «Сообщений» кружка, содержащих большой объем фактических данных для последующих поколений исследователей;

- за этот период был накоплен определенный фактический материал, хотя зачастую недостаточно доброкачественный с точки зрения его научной документации и теоретического освящения;
- до 20-х годов XX в. археологическое изучение Туркестанского

края было разведочным. Тематика, зачастую отличалась узостью и эмпирическим подходом;

археологическое исследование значительно отставало от историко-историч Кашкадарьи по письменным источникам, притом историч показал В.В. Бартольд;

свои работы на территории Кашкадарьи по своему масштабу и характеру выполнения, являлись в большей степени разведочными и разведочными;

в первой половине 20-х годов XX в. первыми мероприятиями нового правительства были работы по охране, реставрации и разведочному изучению памятников. Для чего создается специальный Туркестанстарис (позднее Среднеазиатстарис, Узкомстарис); с 20-х годов начинаются научные работы по взятию под государственную охрану архитектурных и археологических памятников, выявление исторической ценности. Однако, изучение памятников долины Кашкадарьи, оставалось, в общем, на начальном уровне исследования, так как вплоть до 40-х годов XX в. стационарные археологические раскопки не проводились. Необходимые финансовые средства для проведения полномасштабных ремонтно-реставрационных работ получены не были. На архитектурных памятниках также не велось и археологические раскопки, которые могли бы дать ценные материалы для изучения материальной культуры города;

начиная с 30-х годов XX в. в республике начинают работу первые комплексные региональные археологические экспедиции с изучением истории и культуры отдельных районов Узбекистана. Археологические материалы привлекаются к решению экономических, политических, социальных и культурных вопросов истории; из главных достижений в области историко-археологического изучения области отметим работы М.Е. Массона в низовьях Кашкадарьи по исследованию сардоба, а также поездки С.К. Кабанова в окрестности

Караи с целью обследования в археологическом отношении расположенных здесь тепа. Необходимо отметить и заключение Г.А. Путиленковой о местонахождении древнего Кеша на территории Китаба, в районе Каландартепа. Эти работы внесли новые интересные данные по истории материальной культуры долины Кашкадарьи и показали перспективность дальнейшего историко-культурного изучения области.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1940–1970 ГГ.

2.1. Начало разведочных изысканий в долине Кашкадарьи

Широкий размах археологических исследований в Узбекистане получил после Второй мировой войны. В послевоенный период были организованы крупные археологические комплексные экспедиции по всей территории республики. При этом резко вырос уровень технической оснащенности археологических экспедиций — авиаметоды археологических разведок, механизация земляных работ при раскопках крупных памятников, применение новейших достижений физики и химии при камеральной обработке предметов древности и установлении времени их происхождения и т.п.⁵⁸ С 1945 г. возобновила свою деятельность Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. В 1946–1948 и 1950–1952 гг. под руководством А.Н. Бернштама работали Памиро-Алайская и Памиро-Ферганская экспедиции, получившие важные результаты в изучении археологии Ферганы. С 1958 г. под руководством Я.Г. Гулямова и В.А. Шишкина приступила к работе Узбекистанская археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР. Многочисленные отряды ее проводят широкие работы в низовьях Зарафшана, Самарканде, Бухарской области, в Ферганской долине и Ташкентском оазисе. Заслуживают внимание многолетние раскопки курганных могильников, произведенные сотрудниками Ферганского музея Б.З. Гамбург и Н.Н. Горбуновой. Институтом искусствознания Министерства по делам культуры УзССР под руководством Г.А. Пугаченковой, создается Искусствоведческая экспедиция, начавшая исследования уникального памятника кушанского времени Халчаяна.

При этом активизировались работы археологов на новых строительных: на трассе Центрального Ферганского канала и в зоне

⁵⁸ Ахунова М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. — Т.: 1970. — С. 90–91.

Чинчураевского водохранилища на Кашкадарье (С.К. Кабанов и В.А. Жуков), на Южносураханском (Л.И. Альбаум) и Туябугузском водохранилищах на Чирчикском (Ю.Ф. Буряков, Т.Агзамходжаев), в долине Аму-Кашганского канала (С.К. Кабанов)⁵⁹.

Расширяется исследование памятников каменного века, в ряде случаев удается отметить палеолитическую пещерную стоянку Аманкутан в Самаркандской области, стоянки позднелеолитического и мезолитического времени на Бозсу под Ташкентом, Коскентский и Обирахматский гроты в верховьях Чирчика в Ташкентской области, мустерские стоянки в южной Фергане, мезолитическую стоянку Кульбулак в Ангренской долине, верхнепалеолитическую стоянку на территории г. Самарканда, мезолитические стоянки в верховьях р. Сох в Ферганской долине, в долине Ташкент-Таш в Сырдарьинской области, в горных ущельях Кара-Тур-Сай и Сармыш-Сай в Навоинской области⁶⁰. Изучение позднейших этапов каменного века было значительно продвинуто археологическими исследованиями, проведенными в низовьях Аму-Орты и Зарафшана.

В 1950–1953 и 1960–1966 гг. Махандарьинским отрядом Узбекистанской археологической экспедиции (Я.Г. Гулямов и др.) в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи было обнаружено и изучено более 60 памятников калтаминарской культуры. В 50-х гг. началась фиксация памятников ферганского неолита, в котором выделялись комплексы центральной Ферганы с характерным мипролитическим инвентарем. Изучение неолитических памятников и остатков жилищ со своеобразной керамикой и кремниевым инвентарем позволило осветить хозяйственную и общественную жизнь древних охотничье-рыболовецких племен Средней Азии, обитавших высокой для того времени микролитической индустрии.

В 50-х и начале 60-х годов XX в. многочисленные памятники андроновско-тазабагыбской культуры, датируемые последней четвертью II — началом I тыс. до н.э., изучались в низовьях Аму-Орты, Зарафшана и Кашкадарьи. Проведены археологические раскопки и изучены комплексы со стоянок Ангка-5, Кават-3,

⁵⁹ Шанин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане... — С. 9.

⁶⁰ Мухомеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане... — С. 97.

Гулямов, Большой и Малый Тузкан, Пайкент и др., изучали могильники (Жокча-3, Гуджайли).

Интересный материал, характеризующий степную бронзу Ферганской долины, дали Вуадильский и Карамукульские могильники, а также поселения и могильники в Кайрак-Кумах. В 1961 и 1966 гг. могильник этой культуры был обнаружен в местности Муминабад под Самаркандом.

Свое место в общей картине распространения культур эпохи бронзы занимают памятники, открытие Я.Г. Гулямовым на Махандарье и получившие название культуры Заманбаба. Они дали богатый материал, характеризующий культуру земледельческо-скотоводческих племен.

Земледельческие поселения эпохи поздней бронзы и раннего железного века, датированным концом II - началом I тысячелетия до н.э., были обследованы в Ферганской долине вблизи Чуст (М.Э. Воронец, 1950 г. и В.И. Спришевский) и на холме Дальварзин (Ю.А. Заднепровский, 1956 г.)⁶¹, в Сурхандарьинской области этой керамики были выявлены на раскопках поселения Кучуктепа (Л.И. Альбаум, 1963 г.). Памятники поздней бронзы IX - VIII вв. до н.э., были исследованы в Хорезме (амирабадская культура), в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи. Интереснейшие результаты дали многолетние раскопки А.А. Аскарова на поселении Сапаллитепа и Джаркутан в Шерабадском оазисе. Близкие и новые памятники эпохи бронзы были зафиксированы работами Узбекистанской экспедиции. Исследования всех этих пунктов показало наличие теснейшей связи с урбанизированными земледельческими центрами Востока, с одной стороны, и со степными скотоводческими племенами с другой⁶².

Систематические исследования археологических памятников в долине Кашкадарьи были начаты только с 1946 г., с включением в план Института истории и археологии АН УзССР тем

⁶¹ Сводную характеристику работ и перечень литературы по этим памятникам см.: Дуке Х. Гуябугузские поселения бургулюкской культуры. - Т.: 1982. - С. 16-18.

⁶² Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане... - С. 11. Мухамеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане... - С. 97. Лунина С.Б. К основным итогам археологических исследований в Узбекистане // Сборник науч. трудов ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. - Т.: 1975. - С. 6.

Историческая топография и археологические памятники долины в Кашкадарье». В археологических работах Института названная тема занимала небольшое место: основной задачей ставилось исследование и первичное изучение памятников области, почти не затронутых археологическими исследованиями⁶³.

Первым исследователем, планомерно занимавшимся изучением археологических древностей долины, был С.К. Кабанов. В своей работе он придерживался следующих основных направлений: сбор топонимических материалов, изучение границ гористости, истории и культуры древнего населения Кашкадарьи, а также торгово-денежных отношений в оазисе, характеристика типов населения и расовых признаков. Археологические работы были начаты С.К. Кабановым, которые при осмотре каждого памятника отмечалось его место на карте, составлялось его краткое описание, собирались разрозненные на поверхности наиболее характерные черепки⁶⁴. Археологические разведки проводились на городищах Куны Фазли и Касбитепе, были осуществлены также маршрутные разведки в окрестности Шахрисабза и Китаба⁶⁵.

Научные данные арабских географов и сравнивая их с топографией памятников, С.К. Кабанов пришел к выводу, что городища, Куны Фазли и Касбитепе были развалинами средневековых городов, соответственно Базды и Касби, о которых писал еще В.В. Бартольд, хотя и не смог тогда их локализовать.

На городище Куны Фазли С.К. Кабанов заложил два шурфа, в которых вместе с керамическими изделиями была сделана интересная находка - фрагмент обожженной плитки с изображением «Сэнмура» - мифологической собаки-птицы. Он предположил, что она представляет собой осколок декоративной облицовки архитектурного сооружения или погребальной урны VII - VIII вв. Тем же временем он датировал расцвет Базды как города⁶⁶. По данным раскопок, жизнь на городище, прекратилась в начале XIII в. Кабанов С.К. Нахшеб в III - VIII вв. в свете археологических данных: Дисс. канд. ист. наук. - Т.: 1951. - С. 6.

⁶³ Это же в оазисах и степях Кеша и Нахшеба. - Ташкент: Узбекистан, 1988. - Араба НА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 1-3.

⁶⁴ Кабанов С.К. Изображения Сэнмура с городища Куны Фазли // Бюллетень АН УССР. 1947. - №9. - С. 24-27.

в после монгольского завоевания, что находило соответствие в источниках, упоминавших крепость Бесза ещё в XII в.

С.К. Кабановым были развернуты разведочно-раскопные работы и на Касбитепа – развалинах средневековой Касбы. По мнению исследователя, на данную локализацию указывали этимологическая близость названий, керамические материалы, размер городища. Его древнейшей частью являлось прямоугольное в плане тепа высотой около 18 м, представлявшее собой кухендиз. Изучив подвёмные керамические находки, С.К. Кабанов пришел к выводу о наибольшем развитии шахристана в IX – X вв. Были очерчены и примерные границы предместий – рабадов⁶⁷. Выявленные на Касбитепа материалы дали возможность определить время существования городища в I – XIII вв. н.э.

В сезон 1946 г. С.К. Кабанову удалось несколько раз обследовать и археологические памятники в верхнем течении Кашкадарьи: в районах Яккабага, Шахрисабза и Китаба. Всего было зарегистрировано около 200 объектов для последующего археологического изучения. В своих работах С.К. Кабанов использовал более совершенную методику фиксации археологических памятников, включающую их описание, сбор подвёмного материала и предварительные датировки. Составляя план разведочных раскопных работ, использовал и данные средневековых источников.

Осенью 1946 г. рекогносцировочные работы в Самаркандском и Каршинском оазисах осуществлялись также участниками Амударьинской экспедиции А.И. Тереножкиным и Л.И. Альбаумом, перед которыми была поставлена задача – искусственного орошения в Каршинской степи. И более конкретная задача – являлись ли Искиангарарык искусственным ирригационным сооружением или естественным руслом.

Осмотр оврага Иски Ангара не оставил никаких сомнений в том, что он являлся ложем древнего канала, находившегося в непосредственной связи с действующей системой канала Даргом. Обследование присамаркандской зоны памятников выявило значительное количество тепа, представлявших собой, по мнению исследователей, руины крепостных сооружений в виде отдельно стоящих замков, датированных временем Тали Барзу 1 и 2.

⁶⁷ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 1–3.

В ходе изучения археологических памятников Каршинского оазиса был пройден кольцевой маршрут от г. Карши через Бешкент, Куни-Фалан, Касби, Касан до Карши и обследованы памятники по дороге от Карши до Зарканака (Касби). Всего было осмотрено 27 археологических памятников, которые исследователи разделили на три типа:

а) остатки замков в виде двухъярусных холмиков (кешк с двумя-тремя ярусами валов вокруг (кешк со сложной системой укреплений);
б) остатки укреплённых городов.

По мнению А.И. Тереножкина, все они возникли ещё в доарабское время, причём, многие в X в. н.э. превратились в крупные поселения, достигавшие в отдельных случаях значения городов. Критическим моментом в жизни оазиса определено монгольское завоевание, после которого ирригация и земледелие наослабли в течение длительного периода в состоянии крайнего упадка.

Во время разведочных работ был получен ряд данных, имеющих важное историческое значение. На Кафыртёпа в г. Карши, основаны на основании материалов греко-бактрийского периода (III – II вв. н.э.). Материалы Катаи Захоки Морон позволили датировать его кушанской эпохой (I в. н.э.). На Еркургане были зафиксированы две линии стен и остатки четырёх монументальных сооружений – дворцов и храмов. Изучение развалин Куни-Фалан, позволило А.И. Тереножкину считать его замком эпохи Гордого каганата (VI – VII вв. н.э.), разросшимся в X в. н.э. в значительный по величине городской центр.

Полученные в ходе экспедиции материалы позволили археологам впоследствии наметить основные черты первой периодизации истории материальной культуры Каршинского оазиса III в. до н.э. – XIII в. н.э. Выводы были сделаны следующие:

1. Некий Ангар являлся руслом канала, орошавшим Каршинскую степь примерно с I в. до н.э. по XIII в. н.э., причём ирригационное земледелие в Каршинской степи прекратилось со временем и монгольского завоевания.

2. Орошаемое земледелие развивалось в Каршинском оазисе с глубокой древности (предположительно с начала I тыс. до н.э.),

о ввиду малого дебета воды р. Кашкадарья оно никогда не достигало высокого уровня. Большое значение имело и кочевое скотоводство.

А.И. Тереножкиным были намечены и основные направления обследующих работ:

- 1) вскрытие руин одного из замков на Исхи Ангаре между каземом Дартом и Кескин-джаром;
  - 2) предварительные раскопки на Каратепе и Хазар-бука в пришинской степи;
  - 3) раскопки древнего вододелителя в нижней части Исхи ангара;
  - 4) раскопки одного из монументальных сооружений в кургане;
  - 5) расширение раскопок Кафыртепа и Калаи Захоки Морона.⁶⁹
- В целом, материалы, полученные работами А.И. Тереножкина, играли роль катализатора археологических исследований в последующие годы.

Проведенные рекогносцировки в оазисе были лишь первым этапом работы. Для того чтобы определить время существования того или иного поселения, развалинами которого являлись а или городища, необходимо было провести археологические раскопки. Для первых раскопок, проведенных в 1947 г., было избрано Каджартепе, которое упоминалось в источниках X – X вв. н.э. как пункт, находившийся в двух фарсах (16 от Несефа, т.е. в 10 км к западу от Карши, близ кишлака жар.

Во время археологических работ были получены два комплекта материалов – X – XII вв. н.э., характеризовавших последний период в жизни поселения. Среди находок были обнаружены некоторые предметы ремесленного назначения (например, сопло от ча), что позволило С.К. Кабанову при более поздних исследованиях прийти к выводу, что где-то недалеко располагалась мажарская по изготовлению металлических изделий. Таким образом, в результате разведочных раскопок на Каджартепе было выявлено три культурных слоя, соответствовавших трем периодам в истории оазиса // ВДИ. – 1947. – № 2. – С. 185–188.

жизни поселения⁶⁹. В этом же году С.К. Кабановым были обследованы развалины Еркургана, Калаи Захоки Морон, Мудинтепа и Шулюктепа.

Археологические работы в Каршинском оазисе в 1948 г. являлись продолжением исследований, начатых в 1946 – 1947 гг. и по своему содержанию подразделялись на три основные части:

- 1) археологическая рекогносцировка в низовьях р. Кашкадарьи;
- 2) стратиграфический разрез на Мудинтепа;
- 3) разведочные раскопки на городище Еркурган⁷⁰.

Впервые археологические рекогносцировочные работы были начаты с воздушной разведки по маршруту: Карши – Касби – развалины крепости Пермикала, примерно в 70 км к северо-западу от Карши; затем, станция Мубарек и вдоль русла Кашкадарьи до Кагана; из Кагана намечено было лететь севернее русла Кашкадарьи, через Касан, в Карши. Длина маршрута составляла около 350 км.

Разведкой с воздуха также был определен пеший маршрут (длиной свыше 60 км), который необходимо было осуществить на местности: Касби – Джейнау – Памук – Мубарек. Во время пеших разведки от Касби до Джейнау памятников обнаружено не было, а на пути к Бухаре оказались Пермикала, Кошрабат, Ишакрабат, а на пути в Чандыр – Кызылтапа.

На основании обследований низовьев р. Кашкадарьи в 1948 г. С.К. Кабанов сделал вывод об отсутствии здесь древней земледельческой культуры. Дозорные крепости на караванных путях Бухара-Насаф и Бухара-Багда-Келиф датируются IX – X вв. н.э., хотя некоторые из них существовали и в более раннее время (Пермикала). Однако, по мнению исследователя, их крайняя малочисленность не давала оснований предполагать здесь существование крупных земледельческих коллективов⁷¹. Хотя, последующие археологические разведки и раскопки могли бы выявить по дороге Касби-Мубарек-Бухара большое количество развалин сельских поселений.

⁶⁹ Кабанов С.К. Нахлеб на рубеже древности и средневековья...

⁷⁰ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе

// Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Труды Института истории и археологии (ИИА). – Т.: 1950. – С. 82–84.

⁷¹ Там же: Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе... – С. 88.

По завершении разведочных исследований раскопочные работы были продолжены на Мудинтепа и Еркургане. Исследования показали, что поселение Мудинтепа основывалось не на искусственном стилобате, а на естественной поверхности, и не имело цинхных стен. Керамические материалы дали возможность видеть в жизни поселения основные периоды, укладывавшихся в межжук III – I вв. до н.э. – VII – VIII вв. н.э.⁷²

Разведочные работы и раскопки на городище Еркурган в 1946–1947 гг. А.И. Тереножкина и С.К. Кабанова, позволили определить выбор места раскопок 1948 года.

В ходе исследований вместе с керамическими материалами впервые на территории Каршинского оазиса был обнаружен фрагмент оссуария, позволивший С.К. Кабанову считать, что жители городища были зороастрийцами. Обнаружены были также два медных монетных кружка, определенные как монеты шибского чекана, хотя из-за сильной окисленности датировку уточнить не удалось⁷³.

Полученные материалы позволили поставить вопрос о хронологии городища. На основании археологических данных С.К. Кабанов предполагал, что перерыв в жизни Еркургана или сильное потрясение, вызвавшее изменение в его топографической и, возможно, социальной структуре, произошло во II – III вв. н.э. в связи с началом распада Кушанского государства.

Еще ранее Л.А. Зимин отмечал, что в китайских источниках упоминается владение Нашеболо, столицей которого, был город Ду-мо, Ци-ши и река Ду-мо. Однако он отметил, что китайцы, не вводя никаких данных о положении городов. Относительно этого говорится только, что он находился к югу от реки Ду-мо⁷⁴.

Кабанов анализирует топонимы Нашебо, Нашеболо, Боло, Балаам (Балаам), Бахл. Наряду с археологическими материалами последнего периода в жизни городища Еркурган он привлекает данные не использованные. Сведения, которые дополняются данными из китайских источников о том, что Нашеболо находилось к югу от Ньюи (т.е. от Бухары). А владение Шы хрисабз) – в 200 ли на восток от владения Нашебо. Согласно

⁷² Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе... – С. 88. Там же. – С. 88.

⁷³ Зимин Л.А. Нахшеф. Карши... – С. 198–199.

С.К. Кабанову, соответствовало географическому расположению современного Шахрисабза.

Опираясь на указания китайских источников, он предположил, что именно город Боло был резиденцией Кидары, владетеля Большого Юечжи. Исследователь отметил, что эта местность была известна не только по китайским источникам, но и в греческих, армянских и византийских источниках упоминаются топонимы близкие китайским Нашебо и Боло, с которыми были связаны исторические события.

В византийских источниках упоминается город Валаам (Балаам). В сообщении Ириска Панийского о персидском посольстве к византийскому двору в 468 году, сообщается, что правителю пришлось сообщить о победе персов над кидаритами и осажденном городе Валаам. С.К. Кабанов предположил, что после поражения, понесенного от войск Пероза, кидариты во главе с сыном Кидара Кунхасом ушли в Индию, где подчинили себе государство Гуптов. Он предположил, что уход кидаритов был связан с потерей ими своего главного города – Валаама, т.е. Боло⁷⁵.

Как отмечает С.К. Кабанов «у исследователей нет сомнений в отождествлении Боло с Валаам». С его точки зрения, основываясь на выводах Маркварта, он считал, что сын Кидары основал государство в Индии около 470 года.

Ним оглашался и Л.Н. Гумилев. В китайской хронике «Бей-ши» указывается, что вождь группы юечжей Цидоло, желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял город Боло. Л.Н. Гумилев отметив, эти данные о городе Боло, поддержал мнение С.К. Кабанова, что открытое им городище Еркурган в Каршинском оазисе есть столица государства кидаритов⁷⁶.

Наряду с этим возникает вопрос о том, кем были кидариты, когда возникло их государство. С.П. Толстов предположил, что под именами кидаритов и хионитов на арену раннесредневековой истории выступают эфталиты. Гиришман наоборот считает, что Кидара был наместником Балха, взбунтовавшимся против

⁷⁵ Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. – 1953. – № 2. – С. 201–207.

⁷⁶ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. – 1959. – № 1. – С. 129–135.

апура II в 367 – 368 гг. А наследники Пероз и Варахран, были беждены персами при помощи хионитов, и их государство побло около 399 г.

В ходе археологических изысканий, сопоставляя их с письменными источниками, С.К. Кабанов предположил, что город хл был расположен в Нахшабе. Хотя некоторые ученые считают, что Бахл – это Балх, Бактры. С.К. Кабанов коснулся той исти сообщений двух историков – Фавста Бузанда (кон. IV – ч. V вв.) и Моисея Хоренского (кон. V – нач. VI вв.), в которой упоминается город Бахл. В ней упоминается, что в это время прекратились военные действия персов против армян, о царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Бахле, затеял войну с персидским царем Шапуром из сасанидской династии. По тексту Моисея Хоренского город Бахл тексте источника упоминается несколько раз. С.К. Кабанов тановился только на одном эпизоде, относившемся ко времени завоевания власти Арташиром I (224–241 гг.) – основателем могущества династии сасанидов. Здесь речь идет о борьбе Арташира с армянским владетелем из аршакидской династии сровам. Этот факт был толчком для появления точки зрения владениях Аршакидов в Нахшабе. С.К. Кабанов отмечает,) на это может указывать факт находки монеты аршакидского типа в Нахшабе⁷⁷.

Окончательный удар кушанской империи, по его мнению, был есен в конце IV – нач. V в. н.э. эфталитами. В это время в киских источниках появляются первые исторические сведения о дении Нашеболо⁷⁸.

Таким образом, первые археологические работы С.К. Кабанова только значительно расширили сведения о материальной культуре древнего населения Каршинского оазиса, но и были сделаны которые новые заключения об его политической жизни и идегии. Обследование долины в течение трех полевых сезонов ью разведывательных маршрутов позволило выявить свыше памятников – развалин поселений разного типа, датировемых ервых веков до н.э. и до начала XIII века. Вместе с археологи-

Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже... – С. 122.

Его же. К вопросу о столице Кидаритов... – С. 201–207.

ческими раскопками это позволило С.К. Кабанову сделать следующие выводы:

1) начало развития поливного земледелия, основанного на широко разветвленной системе искусственного орошения, относится в оазисе не позднее, чем ко II – I вв. до н.э.;

2) в степных районах, на западной линии Касан – Касби – Куны Фазли нет памятников, которые позволили бы локализовать здесь крупные земледельческие сообщества древности. Оазис средней части долины Кашкадарьи был одним из тех «малых владений» китайских источников, который с целью обеспечения своей безопасностью почти всё время находился под верховной властью того или иного правителя крупных племенных объединений кочевников;

3) разведочные раскопки на городище Еркурган дали возможность определить значение этого памятника как главного и единственного города, существовавшего в оазисе в древности, как его основного политического и торгово-ремесленного центра⁷⁹.

В связи с изучением долины Кашкадарьи необходимо также сказать о вызвавшем большой резонанс научном споре между молодыми тогда еще исследователями Б.Я. Стависким и В.М. Массоном, который разгорелся после выхода статьи первого «Некоторые вопросы истории и топографии Древнего Согда»⁸⁰. Основываясь на данных Авесты и других письменных источников, а также археологических исследованиях А.И. Тереножкина и Л.И. Альбаума, Б.Я. Ставиский указал на возможность локализации всего Согда в районах истоков Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, т.е. в районах, где по сей день, сохранился древний топоним Гава. Свою точку зрения автора подтверждал и анализом нумизматических материалов. Так, в 1906 г. близ Китаба был найден клад греко-бактрийских монет III – II вв. до н.э.: оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратиды, оболы и драхмы Деметрии и две монеты Антимаха. В то же время, Зарафшан дал лишь одну находку тетрадрахмы Антимаха I и много варварских (сакских

⁷⁹ Кабанов С.К. Археологические работы 1948 г... – С. 82–134.

⁸⁰ Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы истории и топографии Древнего Согда // Вестник Ленинградского университета. – 1948. – № 3. – С. 128–136.

дахских) подражаний Евтидему II в районах Самарканда и Ташкента.

Статья Б.Я. Ставиского завершалась несколькими основными тезисами: 1) одна из древнейших (а возможно и древнейшая) в Азии согдийская цивилизация родилась и первоначально развивалась на берегах Кашкадарьи. 2) уже к середине I тыс. н.э. отдельные поселения согдийцев имеют место и на землях за пределами Кашкадарьи, близким по этносу и языку — саками — хаумаварга (тюркскими) в долине Зарафшана. Здесь же были и поселения согдийцев к оседлости саков.

Благодаря дальнейшему оседанию кочевников и согдийской колонизации, являвшейся следствием ограниченности земли в Кашкадарье, в мощный земледельческий район превращается долина Зарафшана, условно названное Новым домом⁸¹.

Все эти выводы вызвали серьезную критику В.М. Массона, утверждая, что работы, проведенные в долине Кашкадарьи, не позволяют сделать однозначный вывод о характере и ране включения этой области в состав основного Согда. Значительно больше оснований для утверждения о нахождении в долине Зарафшана, что исследование подтверждает результаты археологических работ на памятниках долины, а также примерами исторической географии. Касаясь вопросов нумизматики, В.М. Массон отмечает, что приведенные Б.Я. Стависким данные о находках греко-бактрийских монет в долине Кашкадарьи и Зарафшана не носят общезначимого характера. Если бы греко-бактрийские монеты II вв. до н.э. в какой-то мере способствовали установлению топонимии Согда Авесты, писал В.М. Массон, было бы логичнее искать его не в долине Кашкадарьи, а к югу от Амударьи, в Афганистане, дающем основную массу находок греко-бактрийских монет. Он также указывал, что в I в. до н.э. появляется и получает широкое распространение самостоятельный согдийский тип монет.

В целом, В.М. Массон полагал, что построения Б.Я. Ставиского нельзя принять ни за доказанное положение, ни как рабочую гипотезу, поскольку оно пока не подтверждается достаточным количеством фактов.

В.М. Массон. К локализации Согда // Труды САГУ. Археология Средней Азии. — Т.: 1950. — С. 171–178.

объемом фактического материала. Материал, с которым Б.Я. Ставиский подошел к очень большой, сложной и разносторонней проблеме, настолько недостаточен, что, ему не удалось, не только наметить разрешение таковой, но собственно даже сколько-нибудь стройно поставить её. С другой стороны, В.М. Массон указал также, что для Б.Я. Ставиского остался неизвестным ряд серьезных аргументов, подтверждающих его точку зрения: свидетельство Якуби о том, что Кеш считался некогда главным городом Согда; выражение Ибн ал-Факиха «Согд, то есть Кеш» и продолженная И. Марквартом реконструкция старого произношения названия области Шахрисабза в истории Старших Хань как Су-се.

Подводя итог, В.М. Массон отмечает, что долина Кашкадарьи представляет для археологического изучения первостепенный интерес, хотя пока работы С.К. Кабанова в оазисе Карши ещё не выявили докушанский материал. В то же время, В.М. Массон отметил обнаружение в 1942 г. М.Е. Массоном к западу от Шахрисабза крупной ставки кочевников первых веков н.э. Находка же торевских каменных баз и большого количества керамики характерного красного лощения на территории бековской крепости г. Китаба также говорила об её возведении на месте очень древнего городища⁸².

Таким образом, уже начальное изучение археологических памятников долины Кашкадарьи, вызвало острую научную дискуссию.

Действительно, Б.Я. Ставиский поднял большую, сложную и разностороннюю проблему, для решения которой данных, накопленных к тому времени в ходе археологических исследований, еще не хватало. Однако те источники, на которые он ссылался в своей статье, содержали вполне достоверные сведения. До сегодняшнего дня во многих топонимах долины сохранился корень Гава (Гавдара, Гавтепа, Гавхана, Гавмард, Гавмурда, горы Гав, вершина Гавы и др.). В свою очередь, китайский путешественник VII в. н.э. Сюань-цзян также упоминал владение Су-се (Кеш, согласно И. Маркварту), которое объединило всю территорию востока Средней Азии от Железных ворот и гор, также

⁸² Массон В.М. К локализации Согда // Труды САГУ. Археология Средней Азии. — Т.: 1950. — С. 171–178.

...бассейна Кашкадарьи. Локализация Кашкадарьи нашла свое археологическое подтверждение в результате работ Н.И. Крашенинниковой⁸³. Новые находки монет в долине Кашкадарьи позволили Э.В. Ртвеладзе также подтвердить мнение Б.Я. Ставского о развитии товарно-денежных отношений территории древнего Кеша с конца IV в. до н.э., когда, согласно его точке зрения, здесь появляются монеты-подражания мам Александра Македонского⁸⁴. Они обращались в Кешеху Греко-Бактрийского царства, а позже правителями династии Аббата начинают чеканиться монеты с изображением Клы и Зевса⁸⁵.

М. Массон в своей статье отстаивал положение, что именитые Самарканд с самого начала был древним культурным центром Согда. Находки последних лет на Афрасиабе и Коктепа, как считали археологи, подтверждают что центром всего Согда было именно Самарканд⁸⁶.

Так бы то ни было, научная дискуссия стимулировала исследования памятников в верхней части долины Кашкадарьи, где в 1950 гг. по поручению Института истории и археологии УССР С.К. Кабановым была предпринята очередная археологическая разведка. Во время изучения археологических памятников возник вопрос о возникновении здесь орошаемого земледелия. В ходе работ было установлено, что верхняя часть долины оказалась преимущественно притоками реки Кашкадарьи, стекающей с Гиссарского хребта. При обследовании низовой потоковинабад и Танхоздарьи выявлены группы развалин небольших поселений, при обследовании которых найдено очень много материалов, по которым можно было бы определить их дату, несмотря на это, они все-таки были. На южном берегу Кашкадарьи находился Джартеп, при зачистке которого был по-

⁸³ Крашенинникова Н.И. Раскопки в Китабском районе // Археологические исследования 1983 года (ниже АО). – М.: 1985. – С. 533–534.

⁸⁴ Ртвеладзе Э.В. Подражание драхме с типом Александра Македонского Согда // Нумизматика Центральной Азии. – Т.: 2001. Вып. V. – С. 10–12.

⁸⁵ Ртвеладзе Э.В. Наследия тысячелетия... – С. 6–7.

⁸⁶ Массон М.И. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Т.: 2002. – С. 26.

дучен небольшой комплекс керамических материалов – обломки сосудов. Они датировались III – I вв. до н.э.

Кроме того, были найдены некоторые материалы и на других памятниках, которые они позволили исследователю прийти к выводу, что начало поливного земледелия в верхней части долины Кашкадарьи положено в начале первого, и даже в конце второго тысячелетия до нашей эры.

С.К. Кабанов отметил, что если в Каршинском оазисе наиболее крупным в древности был город, лежавший на месте горюдиша Еркурган, то в Китабо-Шахрисабзском оазисе древний город располагался на территории Китаба. Таким городищем является Каландартеп. Изучив топографию и подъемный материал Каландартеп, относящийся к III в. до н.э. – XVIII в. н.э., он пришел к выводу, что городище являлось развалинами древней цитадели города. Раскопки на другом крупном городище оазиса Кургантепа выявили помещения, в котором были обнаружены жернов, зернотерки, каменные пряслица, остатки очага и несколько целых сосудов I – IV вв. н.э. Обследовав Уртакурбан, С.К. Кабанов подтвердил мнение Г.А. Пугаченковой о датировке нижних слоев памятника I в. н.э.

Очень важно, что во время реконструкции в Восточной Кашкадарье исследователь впервые отметил памятники раннежелезного века (первой половины – середины I тыс. до н.э.): Безымянное тепа, Янгитепа и Джартеп⁸⁷, что открывало перспективы для исследования процессов становления оседлоземледельческой культуры в долине.

Был обследован также ряд ущелий, пещер и гротов Восточной Кашкадарьи. Толчком для этих работ стала вышедшая еще во время войны публикация Г.В. Парфенова⁸⁸ о наличии древних пещер в Кашкадарье. К западу от кишлака Кайнар у небольшого селения Саук Булак и у кишлака Кудук-Кырккыз С.К. Кабанов осмотрел две пещеры, однако никаких материалов, которые можно было бы датировать каменным веком, обнаружить не удалось.

⁸⁷ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 2–16.

⁸⁸ 1944 г. в газете «Кашкадарьинская правда» 14 октября (– № 196/327) статья Г.В. Парфенова «Некоторые данные о древних периодах истории Кашкадарьинской области».

время раскопок, во время разведочных работ в Китаб-о-Мавзоле оазисе С.К. Кабановым были выявлены памятники трех исторических эпох, периодизация которых была дана по следующей тогда исторической схеме:

Памятники доклассового общества — средней и высшей ступени варварства, датируемые ориентировочно концом второго тысячелетия до н.э.

о небольшие тепа — возвышенные площадки, расположенные в низовьях рек и притоков (Джартепа, Янгитепа, Безыманные

Памятники эпохи рабовладения (III в. до н.э. — V в. н.э.): город в Китабе и Кургантепа близ кишлака Макрид.

Памятники раннего этапа развитого феодализма: городище, расположенное в юго-западной части города Шахрисабза.⁸⁹

В целом же, в ходе осуществления С.К. Кабановым в течение четырех послевоенных лет в долине Кашкадарьи археологических разведочно-раскопочных работ были получены очень ценные сведения о прошлом населения долины. И хотя многие раскопки не были доведены до материка, что не позволило дать абсолютной датировки памятников, а выявленные исторические материалы, оставались пока не изученными, менее, именно этот период мы можем считать началом нового археологического изучения края. Привлекая все доступные письменные материалы и проводя археолого-топографическое обследование памятников, С.К. Кабанов поставил выявить расположение упоминавшихся в них городов, а также — предпоставить общую канву исторического развития арьинского оазиса.

В начале 50-х годов объем археологических исследований неуклонно нарастает. В них начинают принимать участие специалисты различных организаций. Особое внимание было обращено на изучение античных и раннесредневековых поселений, а также на изучение памятников Шахрисабза.

В 50 г. в составе археологической группы СНРПМ в Шахрисабз были откомандированы археолог В.А. Левина с коллегой В. Сарияниди и К. Шахурин. На мавзолее Жахангира были обнаружены шурфы, выявившие саркофаг и глазурованные

ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 2-16.

кирпичи, майоликовые плитки и керамику, относящуюся к XV — XVI и XVII — XIX вв.⁹⁰ В северо-восточном углу саркофага на глубине 4,97 м был обнаружен череп и беспорядочно лежащие кости человеческого скелета. В саркофаге оказался два полных скелета и случайно попавший в него третий череп. В предварительном антропологическом заключении В.Я. Зезенкова сообщила, что череп принадлежал мужчине с ярко выраженным монголоидным типом, другие найденные кости принадлежали женщине⁹¹. Исследователи не смогли сразу точно сказать, кому принадлежит скелет, однако предварительно определили, что это могла быть могила Жахангира.

В 1952 — 1953 гг. в Каршинском оазисе продолжались археологические разведочно-раскопочные работы С.К. Кабанова. Им были проведены раскопки на Шортэпа и Некузтепа, уничтоженных позднее в результате перепланировки полей.

На Шортэпа было выявлено три строительных периода с керамическим материалом, аналогичные ранее обнаруженного на Каджартепа и Мудинтепа-I — VII вв. н.э. Было найдено также несколько предметов прикладного искусства, из которых наиболее интересными были две мужских терракотовых фигуры в царственном облачении⁹². Был получен важный нумизматический материал в виде 12 монет. На реверсе их был помещен владетель, поражающий мечом вставшего на дыбы льва или львopodobное чудовище. Ранее подобные монеты из раскопок не были известны, и С.К. Кабанов предложил считать их по месту находки нахшбскими. Исследователь обратил, к мнению французского ученого Аллота де ля Фюи, считавшего, что, если монеты чеканились до поражения эфталитов от тюрков в 563 — 567 гг. н.э., то на них изображен эфталит. На это указывали и характерные признаки — общие с изображениями белых гуннов на индийских монетах — удлиненная голова, продолговатое лицо с выдающимся вперед прямым носом. С.К. Кабанов согласился с точкой зрения Аллота де ля Фюи,

⁹⁰ ИНВ. А 3771/Л 55. Левина В.А. Отчет об археологических вскрытиях в полевой сезон 1950 г. в склепе Джахангира. Архив ГлавПУ объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта РУз. — Т.: 1950. Л. 3-4.

⁹¹ Там же.

⁹² Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже ... — С. 36.

...по дате занесено к V – VI вв. н.э. На основании этих матери-
...С.К. Кабанов отмечал, что примерно с 480 по 565 – 567 г. н.э.
...Нахшеба были выходы из среды эфталитов. То же
...свидетельствовало, по
...К. Кабанова, о том, что они не принадлежали к династии
...властителей эфталитского государства⁹³.

...ис-
...обратил внимание на ряд объектов, по внешним при-
...которых нельзя было сразу определить, что это – руины
...или погребальные курганы. В 1953 г. в конце полево-
...на им были проведены разведочные раскопки на одном из
..., расположенном на территории кишлака Некуз, носящем
...Некузтепа. В ходе раскопок Некузтепа был получен не-
...но довольно выразительный комплекс, позволивший
...звать памятник II – III вв. н.э.⁹⁴

...54 г. близ северо-восточной окраины г. Карши раскапы-
...поселение Дагайтепа. В одном из его помещений была
...и монета с квадратным отверстием в середине, чеканен-
...мнению О.И. Смирновой, в период правления согдийско-
...да Вархумана (650/5 – 675 гг.). Вскрыто в комплексе под-
...ым помещением остатки укрепления, С.К. Кабанов при-
...воду, что поселение существовало в III – V вв. н.э., уже
...ное крепостными стенами. Второй этап вполне чётко
...ался IX – X вв.⁹⁵

...и образом, в ходе археологических работ в Каршинском
...1950 – 1954 гг. разведочные раскопки были проведены на
...мятниках. На двух из них – Шуллоктепа и Кафиртепа,
...положены шурфы, однако, не доведенные до материка.
...ые пункты были лишь осмотрены со сбором подыёмного
...а, расчисткой обнажений, иногда с глазомерной съем-
...авлением схематических планов и фотографированием.
...тву, это были лишь рекогносцировки, проведенные в до-
...удных послевоенных условиях.

...1954 г. в связи с правительственным решением о нача-
...ельства Иски-Ангарского канала для переброски воды

...С.К. Нахшебские монеты... – С. 144–145.

...Нахшеб на рубеже ... – С. 38.

...– С. 41.

...реки Зарафшан в Каршинский оазис и о создании в средней части
...долины Кашкадарьи Чимкурганского водохранилища. В связи с
...этим С.К. Кабанову было поручено изучить трассу канала, обследо-
...довать расположение по ней археологические памятники и вы-
...яснить, есть ли они в зоне Чимкурганского водохранилища. В ре-
...зультате совершенной поездки выяснилось, что в зону затопления
...и подтопления попадает свыше двадцати памятников – развали-
...ны древних и средневековых поселений и небольшие бугры, про-
...исхождение которых без раскопок определить было невозможно.

...С.К. Кабанов тщательно изучил несколько крупных бугров: их
...расположение, планы, размеры, датировку на основе подыёмного
...материала. Раскопки на всех развалинах поселений не было воз-
...можности провести, но на некоторых они были проведены.

...Основными объектами исследований 1955 г. стали Аултапа и
...Джангальтепа. Под руководством С.К. Кабанова первое было рас-
...крыто полностью, а второе – частично.

...Сначала на Аултапа были проведены разведочные раскоп-
...ки, показавшие, что холм являлся развалинами капитального
...здания с относительно хорошо сохранившимися стенами. В
...полевом сезоне 1956 г. остатки здания были раскрыты полно-
...стью, причем, выяснилось, что из 23 помещений полностью
...сохранилось 21%.

...В ходе раскопок в основном были получены керамические ма-
...териалы, прежде всего фрагменты бытовой посуды, пряслица, гру-
...зики ткацкого производства, орудия из железа, главным образом,
...прямые и серповидные ножи и небольшая теша⁹⁷. Значительную
...часть бытового инвентаря производственного характера состав-
...ляли каменные изделия – зернотерки, жернова, точила, терки раз-
...ных видов. Были найдены пять монет: одна серебряная и четыре
...медные, названных условно нахшабскими. Монеты медные име-
...ли стандартный аверс с изображением лица бюста владетеля, по-
...краю шла надпись из шести различных знаков. Серебряная мо-
...нета с аналогичным изображением бюста владетеля, по опреде-
...лению О.И. Смирновой, была чеканена как подражание монетам
...Варахрана V (420–438) и датировалась второй половиной V в. н.э.
...или началом VI в. н.э. Небольшие различия по С.К. Кабанову раз-

⁹⁶ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 10–11.

⁹⁷ Там же. Л. 12–16.

в изображениях на нахшабских монетах свидетельствовало, что они чеканились от имени нескольких лиц, видимо, династии. Исторические и археологические данные позволяют говорить, что монеты описанного типа выпускались эфтаном и примерно с 480 по 563/567 гг. Позднее выяснилось, что монеты более длительную историю: выпускались с III – IV вв. н.э. и хождение с надчеканами вплоть до VI, возможно, начала VII вв. н.э.

Наибольшие аналогии найденным материалам исследования находил в комплексах Талли Барзу IV и поселений нижней долины р. Кашкадарья. Особое внимание он обратил на терракотовые статуэтки, изображающие в основном мужские или женские фигуры персонажей⁹⁸. По мнению С.К. Кабанова, поселение не было типично для жителей долины, а погибло в ходе ожесточенной схватки с жителями здания и осаждавшими их врагами. После битвы здание пустовало и использовалось лишь случайными обитателями⁹⁹.

Совсем недавно гибели Аултапа он считал жителей находящегося в долине другого памятника – Джангалтапа¹⁰⁰. Памятник этот был обнаружен в 1955 и 1957 гг. В 1958 г. во время строительных работ в долине Аултапа, так сильно отличается от материалов, найденных в долине Аултапа, которое оно тоже являлось согдийской культурой, представляющая Аултапа, отражает собой более поздний этап развития согдийской культуры. Имея в виду, что это поселение появилось после относительно короткого времени-всего десятилетий – после разрушения поселения, развали-

ны в долине Аултапа, С.К. Кабанову пришлось уточнить вопрос культурной принадлежности на Аултапа, так сильно отличается от материалов, найденных в долине Аултапа, которое оно тоже являлось согдийской культурой, представляющая Аултапа, отражает собой более поздний этап развития согдийской культуры. Имея в виду, что это поселение появилось после относительно короткого времени-всего десятилетий – после разрушения поселения, развали-

⁹⁸ С.К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда... – С. 77–79. По мнению С.К. Кабанова, поселение не было типично для жителей долины, а погибло в ходе ожесточенной схватки с жителями здания и осаждавшими их врагами. После битвы здание пустовало и использовалось лишь случайными обитателями⁹⁹.

¹⁰⁰ С.К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда... – С. 77–79. По мнению С.К. Кабанова, поселение не было типично для жителей долины, а погибло в ходе ожесточенной схватки с жителями здания и осаждавшими их врагами. После битвы здание пустовало и использовалось лишь случайными обитателями⁹⁹.

¹⁰¹ С.К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда... – С. 77–79. По мнению С.К. Кабанова, поселение не было типично для жителей долины, а погибло в ходе ожесточенной схватки с жителями здания и осаждавшими их врагами. После битвы здание пустовало и использовалось лишь случайными обитателями⁹⁹.

нами которого являлось Джангалтапа, прийти исследователю к заключению, что строителями Аултапа являлись согдийцы, переселившиеся в долину Кашкадарьи из долины Зарафшана. Об этом свидетельствует сходство керамических изделий из Аултапа и памятников долины Зарафшана, а также и сама планировка здания. В культуре, нашедшей свое отражение в материалах раскопок на Джангалтапа, представлен более ранний, чем на Аултапа, этап развития согдийской культуры с признаками воздействия переходивших к оседлости кочевников: ими могли быть кангойцы – кочевой народ, о которых есть сведения в письменных источниках как о жителях севера Средней Азии с древних времен.

М.Е. Массон, изучив оседлость кангойцев в долине Кашкадарьи, сделал заключение, что как отмечено в хронике династии Цзинь (265 – 419), главная ставка Верхнего правителя государства Кангой, бывшая до того к северо-западу от Ферганы на землях по среднему течению Сырдарьи, передвинулась в долину Кашкадарьи, раньше подчинявшуюся Малому кангойскому владению. Это сопровождалось появлением здесь больших групп кангойских переселенцев, которые были в основном скотоводами, в которых здешние земли не могли не прельщать, как район прекрасных пастбищ. Они вытеснили местное земледельческое население, захватили ряд сельских районов и по-своему обжили многие захваченные усадьбы богачей. С ними появился тот комплекс инвентаря, который относится к одному из вариантов культуры, известной в научной литературе под названием Каунчи II, широко распространенных в северо-западной Фергане, в горах Могул-тау и Карамазара, в долинах Ангрена и Чирчика и на обоих берегах среднего течения Сырдарьи¹⁰².

В 1955–1957 гг. наряду со стационарными исследованиями осуществлялись и рекогносцировочные работы. Были зарегистрированы новые объекты: Чимкуртантапа, Кургантапа, Сарыктапа, Холаттапа, Буриттапа, Киндиклинтапа, Калянтапа, Таштапа и другие сельские пункты. На вершине Кызтапа было обнаружено погребение, принадлежавшее, по заключению антрополога В.Я. Гезенковой мужчине европеоидного расового типа. Вместе со скелетом был обнаружен предмет из железа, предположительно

¹⁰² Массон М.Е. Столичные города... – С. 19.

с плохo сохранившейся рукоятью, положенная у правого

С.К. Кабанов постарался выяснить к какой этнической группе принадлежат погребенный на Кызтепа. По сведениям археологов в Южном Казахстане и в Приаральских степях, изучая периоды жили огузы, к востоку от них, вплоть до Ферганы или родственные им карлуки. Источники говорили о трех волнах движения огузов в IX – XI вв. из Приаральских степей в Средней Азии, преимущественно в районы современных Туркменистана, где они стали одним из основных этнических компонентов туркменского народа. Движение огузов в основном шло в юго-западном направлении, за Амударью. Но заключалось, что они проникали и значительно восточнее. По очереди, карлуки кочевали в X в. восточнее огузов к селениям владений саманидов, но часть их ещё в VIII в. проникла в Иран. Исходя из этого, С.К. Кабанов пришел к выводу, что Кызтепа был погребен карлук, и он датировал его IX – X вв.

С.К. Кабанов подтолкнула его обратиться вопросу о происхождении сабли. Ранее во время раскопок на трассе Большого канала в 1929 – 1930 гг., и в Пекентском могильнике найдены обломки однолезвийных мечей или сабель. На родине Пенджикента, датированных серединой VII – нач. VIII в. мечи изобращены прямыми мечи, бывшие уже однолезвийными. Это позволило исследователю утверждать, что сабли и стрелы снаряды исследования легковоруженного конного воина – происходили из Средней Азии относительно поздно.

С.К. Кабановым на ряде поселений, расположенных в зоне Чимкурганского водохранилища (Таштепа, Калянтепа, Киндиклитепа) работали В.Д. Жуков и Корзухина. Исследование Киндиклитепа, показало, что здесь был многослойным и относился к I в. до н.э. – V – VI вв. Здесь был полностью выявлен план здания одного из поселений. Восстановлен его архитектурный облик. В ходе раскопок было обнаружено много фрагментов ке-

С.К. Погребение воина в долине Кашкадарьи // СА. – 1963. – 236. в ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, Д. 20, л. 6–7.

рамических и каменных изделий, меньше предметов из кости, стекла и металлов. Исследователь Киндиклитепа В.Д. Жуков пришел к выводу, что жители поселения (и первого, и второго периода), судя по инвентарю, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и ремеслом. Поселение было покинуто в связи с недостатком воды для орошения¹⁰⁵.

В 1955 г. М.Д. Корзухина заложила небольшой шурф на Бурьтепа, где была обнаружена керамика V – I вв. н.э. В 1956 г. довольно крупные раскопочные работы здесь провел В.Д. Жуков. Раскопки на четырёх участках памятника показали, что жизнь на поселении продолжалась с I в. до н.э. по XII – XIII вв. н.э. и прекратилась в связи с монгольским нашествием¹⁰⁶.

Изучение материальной культуры памятников оазиса позволило С.К. Кабанову выделить 4 хронологических периода, характеризующихся изменениями в производстве и быту древних обитателей оазиса:

Первый период: III в. до н.э. – II в. н.э. оазис характеризуется широкой ирригационной системой. Много поселений прямоугольных в плане, укрепленных стенами; с высококачественной продукцией керамического производства.

Второй период: III – V вв. н.э. Появляются поселения нового типа в виде небольших усадеб без укреплений. Налицо признаки перехода кочевников к оседлости, снижение качества керамики. К концу периода – сокращение ирригационной сети и запустение многих сельских поселений, а также и единственного города (Еркурган).

Третий период: VI – VIII вв. Наличие поселений прямоугольных и округлых в плане. Города возникают только в VIII в. н.э. В гончарном ремесле сохраняются некоторые традиции древнего керамического производства и появляются новые керамические формы.

Четвёртый период: IX – нач. XIII в. н.э. Нахшаб – провинция первых крупных государств. Происходит развитие неукрепленных поселений на развалинах старых сооружений. Растут город-

¹⁰⁵ Жуков В.Д. Археологическая разведка Кендаклитепа // История материальной культуры Узбекистана (ниже ИМКУ). 1966. Вып. 7. – С. 94.

¹⁰⁶ Ето же. Археологическая разведка на Бурьтепа в 1956 г. // Известия АН УССР. – 1958. – № 5. – С. 55–56.

культуры – Нисаф, Касби и Багда. Конец периода определяется

нашим знакомством¹⁰⁷. Таким образом, проведенные разведочно-рекогносцировочные археологические работы в Кашкадарье 1952–1958 гг. дали возможность восстановить историю ряда поселений области, некоторые стороны торгово-деловых отношений, в том числе с соседними государствами¹⁰⁸. Выделяются первые схемы периодизации процесса урбанизации долины Кашкадарьи. По сравнению с предыдущими годами значительно расширяется кругозор археологов; раскопки являются базой исторической реконструкции, основным способом изучения хозяйства населения области, характеристики родильных сил и социальных отношений. Проведенные археологические работы на памятниках, расположенных в зоне ирригационного водохранилища, показали, что они представляют собой большой и очень интересный массив древних и средневековых поселений, изучение которых давало новые сведения только для истории средней части р. Кашкадарьи, но и для истории областей Средней Азии.

2.2. Первые археологические открытия и их значение

В 60-х гг. Кашкадарьинская долина превратилась в сплошную археологическую площадку. Археологические раскопки продолжались на всей территории области.

В 1962 г. в республиканских и областных газетах появились статьи и заметки любителей-краеведов библиотеке Улугбека. Эта библиотека якобы была вывезена Самарканда известным астрономом Али Кушчи после смерти Улугбека в 1449 г. и оказалась в специально построенном здании в верховьях Кашкадарьи, в кишлаке Хазрати-

¹⁰⁷ С.К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III–VI вв. // Известия ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 21, л. 13.

¹⁰⁸ Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. Вып. 7. 1966. – С. 112–114.

¹⁰⁹ Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. Вып. 7. 1966. – С. 112–114.

¹¹⁰ Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. Вып. 7. 1966. – С. 112–114.

Весной 1963 г. ИИА АН УзССР направил в верховья Кашкадарьи небольшую экспедиционный отряд в составе археологов С.К. Кабанова, А.А. Аскарова, К.А. Шахурина, лаборанта А.Н. Кобзевой для изучения памятников, в кишлаке Хазрати-Башир и его окрестностях. На место работ совершили кратковременный выезд научные сотрудники Института востоковедения АН УзССР А. Джуванмардыев и Т. Негматов, чтобы ознакомиться с эпиграфическими памятниками и книгами исторического содержания, которые могли быть найдены у местного населения¹⁰⁹.

В кишлаке Хазрати Башир, в месте впадения в Кашкадарью небольшого притока – Югансая было выявлено древнее поселение Ниязтепа, занятое частично кладбищем, где над могилой Хазрати Башира находилось деревянное надгробие. На двух участках на Ниязтепе были проведены раскопочные работы, давшие немалое количество керамические изделия III – VII вв. н.э.

Кроме раскопок на Ниязтепе, были проведены и археологические разведки в окрестностях кишлака Хазрати Башир, осмотрели памятники горного урочища Сарфарос, лежащего вверх по течению Кашкадарьи, к востоку от кишлака Хазрати Башир: Манзадахшахтепа, Маликшахтепа, Камалшахтепа, подпольный материал, которого датирован XI – XII вв. н.э. Памятники эти являлись, во-первых, укреплениями домонгольского периода, во-вторых, жилищами пастухов и воинов, охранявших стада в летнее время¹¹⁰.

В самом кишлаке Хазрати Башир признаков обитания IX – XII вв. н.э. выявлено не было. Судя по материалам, только позже, уже при Темурбегах, здесь был центр небольшого феодального владения. Таким образом, вопрос о библиотеке Улугбека получил негативное решение. Однако поездка внесла положительный вклад в дело изучения памятников одного из горных районов области Кашкадарьи.

В 1963 г. в связи со строительством Аму-Бухарского канала северозападная часть Каршинской степи была обследована Махандарьинским археологическим отрядом, занимавшимся исторической гидрографией и топографией Пайкентских пустынь, прилегающих к Каршинской степи. Исследователи заклю-

¹⁰⁹ Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. Вып. 7. 1966. – С. 112–114.

¹¹⁰ Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. Вып. 7. 1966. – С. 112–114.

...и от русла Кашкадары до XII в. периодически впадала в Зарафшан. Были выявлены следы жизни, связанные с эпохой неолита - бронзы и найдены монеты греко-бактрийского времени, а также раннего средневековья. Период расцвета района, согласно исследованиям, приходился на VI - XIII вв.¹¹¹

Осенью 1963 г. и весной 1964 г. отрядом под руководством Г.Г. Гулямова было проведено специальное изучение гидрографии низовьев Кашкадары и орошения района Кумсултан, ранее следованного в 1956 г. В.А. Шишкиным. Было установлено, что мощное русло низовье Кашкадары, мимо железнодорожной станции Ходжа Мубарек, направлялось к границам Бухарского ханства. Контрольные шурфы в ее старом русле показали следы интенсивного водотока¹¹².

Таким образом, археологические материалы по истории гидрографии Кашкадары, показали, что её русла действительно эпоху средневековья впадала в Зарафшан. Позднее древний приток Кашкадары, впадающий в Зарафшан вблизи средневекового городища Пайкент, был прослежен и картирован А.Р. Зафаршана, а он, в свою очередь древний приток Амудары. Однако если связь Зафаршана с Амударьей прекращается постепенно с конца неолита¹¹⁴, то связь Кашкадары с Зарафшаном, как и раньше, оказалась более длительной, продолжаясь еще и период развитого средневековья.

Первые археологические работы КАТЭ в Восточной Кашкадарье сразу выявили интересный и разнообразный материал, ранее еще не известный среди древностей области. Было установлено, что древняя районная стена, протяженность которой были определены в 60 км, окружала Шахрисабз и Китаб, в яде сельских поселений были получены материалы антич-

Гулямов Я.Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадары и Зарафшана // ИМКУ. Вып. 6. 1965. - С. 20-21; Аскарлов А.А. Историческая поездка в северо-западную часть Каршинской степи // ИМКУ. 5. 1964. - С. 28-29.

Гулямов Я.Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадары и Зарафшана... - С. 17-21.

Мухамеджанов А.Р. История орошения низовьев Зарафшана.: Автореф. дисс. докт. истор. наук. - Т.: 1973. - С. 16.
Там же. - С. 29

ного времени, составлены топографические планы городов оазиса.

Обследование окрестностей г. Шахрисабза показало, что только одна крупная дехканская усадьба VI - VIII вв. (ныне Чилмазартепе), находилась у южной стены будущего Шахрисабза. Никаких признаков большого города до X в. здесь обнаружено не было. Только в XI - XII вв. вырастающий на этой территории город получил дальнейшее развитие и занял большую часть площади будущего хисара Шахрисабза эпохи Темура¹¹⁵.

При изучении городской стены Шахрисабза, возведенной по распоряжению Темура в 1378-1379 гг. были выявлены разнообразные ремонтные кладки позднейшего времени, в одной из которых нашли посеребренный дирхем, выпущенный в Самарканде во втором десятилетии XIII в. от имени хорезмшаха Мухаммада. Оказалось, что фиксирующийся в рельефе южный фас целиком относится к позднему времени, стена же XIV-XV вв. проходила здесь почти на 450 м южнее.

В целом, результаты археологических разведок и раскопок дали возможность сделать вывод о том, что город при Темуре имел большие размеры, чем Шахрисабз XIX в.¹¹⁶

В свое время Г.А. Пугаченкова предложила локализацию Сусе на месте Китаба¹¹⁷, вслед за ней М.Е. Массон уточняет, конкретизируя его на Каландартепе¹¹⁸. Для выяснения возможности локализации этого владения на Каландартепе в Китабе начались археологические работы под руководством Н.И. Крашенинниковой.

¹¹⁵ ИНВ. А 2937/М 32. Массон М.Е. Полевой отчет о работе Шахрисабзско-Китабской археологической экспедиции в 1963 г. Архив ГлавНПУ объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистана (ниже Архив ГлавНПУ РУз.). - Т.: 1963. - С. 2-4.

¹¹⁶ ИНВ. А 2940/М 32. Массон М.Е. Полевой отчет о работе Шахрисабзско-Китабской археологической экспедиции. 1964 г. Архив ГлавНПУ РУз. - Т.: 1964. - С. 2-3.

¹¹⁷ Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке... - С. 20.

¹¹⁸ Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР // Сб. науч. тр. ТашГУ. Археология Средней Азии. Вып. 533. - Т.: 1977. - С. 29-30.

В пахсовой платформе Каландартепа в довольно, большом количестве встречалась керамика III – II вв. до н.э. На некоторых участках платформа была выведена из сырцовых кирпичей характерных для эпохи античности. Ряд помещений, возведенных на ее поверхности, был заброшен ещё в древности, а затем забутован. При этом в монолит попали фрагменты каменных баз и керамики до н.э. – I в. н.э.

В западной части Китаба, близ позднейших его городских восточных у мазара Ходжа Руинои, на склоне тела Тупхона были проведены зачистки, выявившие два культурных слоя античного времени. Нижний дал интереснейший единовременный комплекс – II вв. до н.э. Выше лежащие слои с остатками стен заключал себя керамику I в. до н.э. и позднее¹¹⁹.

При расширении стратегического шурфа с западной стороны Каландартепа у его основания, был получен большой и разнообразный комплекс материалов III – I вв. до н.э.¹²⁰

Заметим, археологические работы на Каландартепа выяснили значительные культурные слои античного и раннесредневекового периода, составляющие 17,5 м. Многочисленные шурфы и зачистки позволили установить, что размеры города в древности в предельно окружавшей его крепостной стены, включая цитадель, составляли не менее 40 га¹²¹. В западном обресе Каландартепа были обнаружены следы застройки и мощный отвал мусора XII – II вв. Таким образом, в предмонгольское время территория современного Китаба также была в какой-то степени заселена¹²². Дополнительные исследования Тупханы, дали возможность утверждать, что здесь располагалась крупная загородная усадьба, введенная на мощной пахсовой платформе не позднее III – II до н.э.¹²³

ИНВ. А 2945/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ в 1964 г. Архив ГлавНПУ Руз. – Т.: 1964. – С. 1–3.

ИНВ. А 2945/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ в 1965 г. Архив ГлавНПУ Руз. – Т.: 1965. – С. 2–3.

ИНВ. А 3021/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о работе КАТЭ в 1967 г. Архив ГлавНПУ Руз. – Т.: 1967. – С. 3.

ИНВ. А 3262/К 78. Крашенинникова Н.И. Отчет о работах КАТЭ в 1969 г. Архив ГлавНПУ Руз. – Т.: 1969. – С. 2–3.

Крашенинникова Н.И. Работы в Китабе // АО 1969 года. – М.: Наука, – С. 406–407.

Таким образом, археологические раскопки на Каландартепа, дали возможность утверждать, что это городище действительно является остатками античного города, который, вероятно, упоминается в китайских источниках под именем Сусе (Сухе).

С момента создания КАТЭ изучение городов разных периодов стало одной из главных задач экспедиции. Сотрудники КАТЭ участвовали в работах экспедиции, собирая материал по фиксации, обследованию, выявлению ранее неизвестных объектов, стратегическому и раскопному изучению городов и поселений Южного Согда.

Общий обзор городов был основан, прежде всего, на работах КАТЭ. Впервые была произведена разведка в Касби, в ходе которой путём топографические съёмки были определены его подлинный размеры. Обращаясь к историческим источникам, М.Е. Массон писал, что в армянских летописях VI в. н.э. город упоминался под названием «Казбион». Согласно сообщениям арабских и персидских источников Кесба X в. был крупнее Несефа – главного города области. Городским пунктом она перестала считаться только после кризиса XVII в., оставаясь в то же время сильной крепостью. Таким образом, исследования 1964 г. значительно дополнили сведения о Касби, содержащиеся ещё в публикациях В.В. Бартольда, Н.Н. Мокина, Я.С. Ефименко и самого М.Е. Массона в довоенные годы.

Этим вопросом занимался и Э.В. Ртвеладзе. Он обратил внимание, что на русских топографических картах конца XIX – начала XX вв. упоминается местность «Габзан» или «Казбион». И. Маркварт локализовал Казбион в Бухарском оазисе, М.Е. Массон – на месте городища Касби. Э.В. Ртвеладзе, основываясь на археологических данных, полученных при обследовании трассы Железных ворот и кишлака Дербент, локализовал Казбион в горном районе к западу от Железных ворот¹²⁴.

Особое внимание экспедиции было обращено на городище Куня-Фазли. М.Е. Массон обследовав его, пришёл к выводу, что город функционировал с конца VI – начала VII вв. и до XII в. н.э.¹²⁵

¹²⁴ Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т.: 2002. – С. 123–124.

¹²⁵ ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1967. – С. 10–11.

и последующих исследованиях на городище Касби был раскопан шурф 1964 г. у восточного фаса цитадели. Обследовавший ее Касбитепа, С.К. Кабанов считал, что городище существовало со времени раннего средневековья и до XIX в. как ремесленно-торговый центр среди обширной степи, населенной оседлыми земледельческим и кочевым населением. В ходе археологических работ, проводившихся С.К. Кабановым на Касбитепа, выяснилось, что городище было одним из немногих поселений, продолживших развиваться после монгольского завоевания на прежнем месте. Об этом свидетельствовали архитектурные комплексы с пролопом, сложившиеся в XIV – XVI вв. Раскопки КАТЭ выявили, что поселение возникло в античное время, в начале VI – VII вв. переживало новый этап развития, а с IX в. до начала XIII представляло собой очень крупный пункт, превосходящий разрабами и мощью цитадели главный город области Насаф. Изучив ценные материалы, М.Е. Массон пришел к заключению, что после монгольского завоевания с первой половины XIV в. город переживал новый подъём и продолжал существовать до кризиса II в.¹²⁶

КАТЭ проводила раскопные работы на городище Еркурган. Существившая закладку стратегического шурфа и зачистку восточных городских стен и приведшая к новому истолкованию его происхождения и истории на базе суммированных фактов, установленных еще в 1946–1948 гг. С.К. Кабановым.

В ходе исследования Еркургана был снят топографический план городища. Во время археологических работ было установлено, что руины основных фортификационных сооружений Еркургана представляли собой во II – I вв. до н.э. и в первых веках Первоначальные стены города были из чистой пахсы¹²⁷. В ходе работ были получены много керамических изделий, и которых особый интерес представлял кусочек оссуария. Массон отметил, что такие оссуарии связаны со среднеазиатским маздеистическим вариантом зороастрийского погребального культа¹²⁸.

Каким образом, стратегические шурфы 1965 г., как и на-

¹²⁶ Массон М.Е. Столичные города... – С. 11.

¹²⁷ Кабанов С.К. Нахшб на рубеже... – С. 76.

¹²⁸ Массон М.Е. Столичные города... – С. 15.

блюдения над остатками фортификационных сооружений Еркургана, в силу ряда обстоятельств, не дали достаточно уточненного представления о времени начальной стадии сложения города. По заключению М.Е. Массона, в период расцвета рабовладельческого общества крупнейший город этого времени в низовьях Кашкадарья переживает несколько этапов разной значимости¹²⁹. Исследователи подтвердили ранее высказанное заключение о том, что городище Еркурган в древности являлось самым крупным городом на территории Нахшаба. М.Е. Массон считал, что городище возникло в I в. до н.э. и перестало обживать в начале VII в. н.э. Он также полагал, что именно Еркурган является развалинами античного города Наутака, упоминаемого источниками с конца IV в. до н.э.¹³⁰

Некоторые исследователи считают, и мы с ними согласны, что, область Нахшаб в древности называлась Ксаниппой, а Кеш – Наутакой¹³¹. В одной из последних работ Э.В. Ртвеладзе, анализируя пути движения в Среднюю Азию фаланг Александра Македонского, вновь локализует Наутаку в Кеше¹³². Слующий исследователь, соглашаясь с Ф.Грене, объясняет также статус Наутаки как области, это «страна девяти рек», т.е. древняя дорога из Самарканда к Железным воротам, пересекала как раз девять рек (с севера на юг Кумдарья, Аякчидарья, Кашкадарья, Акув, Танхоздарья, Кызылдарья, Лангар, Катта-Урадарья, Кичик-Урадарья)¹³³. Сейчас найден письменный документ эпохи Александра Македонского, где Еркурган назван Никшапай¹³⁴.

¹²⁹ Массон М.Е. Столичные города... – С. 16.

¹³⁰ ИИВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1967. – С. 12.

¹³¹ Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшаба в III–VI вв. н.э. ...; он же: Нахшабские монеты // ВДИ. – 1961. – № 1. – С. 144–145.

¹³² Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т.: 2002.

¹³³ Грене Ф. Заметки о топониме Наутака // «Роль города Шахрисабза в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Шахрисабза. – Т.: 2002. – С. 10–11.

¹³⁴ Шакед С. Раннее упоминание о городе Нахшаб // «Роль города Карши в истории мировой цивилизации». Сбор. тез. докл. междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Карши. – Т.: 2006. – С. 34.

ходе изучения Шулюктепа, выяснилось, что поселение возникло в конце VI – VII вв. и являлось не только административным, но и крупным торгово-ремесленным центром. М.Е. Массон, как ранее и С.К. Кабанов, пришёл к выводу, что конец VI и начало VII вв. в Гузаре совпадают со временем нашествия на Среднюю Азию монголов.¹³⁵

Члены из отрядов КАТЭ, занимавшийся исторической топографией Каршинского оазиса, занимался разведкой Калаи Захоки и т.д. В процессе изучения производился опрос населения, составлялся сбор подъемного топографического плана, составлена археолого-топографическая схема его плана, о южного фаса в проломе был заложен стратиграфический разрез и осуществлена зачистка на западной стороне внешнего вала. В результате было установлено следующее: городища представлял собой правильный квадрат. Оно состояло из трех частей: дворец, шахристан и рабад.

М. Массон считает, что Калаи Захоки Марон являются типичной города, упоминавшихся в китайских источниках – Синьцзе. Одновременно он назывался местным согдийским названием Нахшаб, может быть, также Нахшаб-боло, т.е. Высокий город.¹³⁶

В ходе изучения Каршинского оазиса члены КАТЭ также обследовали и сам город Карши. В разных местах «старого города» заложено несколько стратиграфических шурфов, которые позволяют, что жизнь на этой территории возникает не ранее первой половины XIV в., т.е. в годы правления хана Кебека (1318–1326).¹³⁷ Археологическая реконструкция КАТЭ в Гузарском оазисе показала, что в районе самого Гузара наиболее древним объектом в шурфе являлось находящееся на левом берегу Гузардарьи сепе, где отмечены фрагменты керамики античного времени, остальной площади города встречались жженые кирпичи VII в., интересные намогильники XVI в. и другие более поздние археологические материалы.

Членами экспедиции были осуществлены маршрутные поезда в А. 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ. Архив ГлавНПУ. – Т. 1967. – С. 12–15. М.Е. Массон М.Е. Столичные города... – С. 28. же. – С. 49.

ки по горному району на юг от Гузара к ущелью Бузгала-хана («Железным воротам»). Выяснилось, что в древности здесь пролегал несколько караванных трасс, ведущих из Кеша в земли правобережного Тохаристана, которые не совпадали с современным Термезским трактом. В частности, в стороне от него был обнаружен средневековый пункт, именуемый ныне Мадинтепа, который был отождествлен с упоминаемым в X веке Кендиком.¹³⁸ Подводя итог обзору работ Кешской археолого-топографической экспедиции на памятниках древности в первой половине 60-х гг., необходимо отметить следующие основные моменты:

1) экспедиция под руководством М.Е. Массона проводила археологические раскопки на всей территории Кашкадарьинской области, что было необходимо, учитывая географические и культурное единство региона;

2) сумма всех археологических наблюдений привела к выводу, что оазисы нынешней Кашкадарьинской области в историко-культурном отношении включались в согдийский культурный комплекс.

3) члены КАТЭ пришли к выводу, что для античного времени на территории области было два наиболее крупных городища: одно – на месте Китаба; другое – Еркурган, определив их соответственно Ксениппу и Наутаку.

В последующее годы КАТЭ продолжала свою работу в долине Кашкадарьи. Основной задачей исследований была поставлена подготовка историко-географической карты бассейна Кашкадарьи для поры X – начало XIII вв., материалы которого были выявлены более, чем на 70 объектах. На ряде из них закладывались археологические и стратиграфические шурфы, производились зачистки, были сделаны разрезы остатков былых стен, осуществлялся сбор подъемного материала, и снимались археолого-топографические схемы.

Чимкуртанский отряд под руководством С.Б. Луниной осуществлял маршрутные работы в районах Гузара и Камаша с целью установления местонахождения трех городов эпохи средневековья, расположенных в области Кеш и упоминавшихся в трудах В.В. Бартольда: Субах, Искифагн и Наукад-Курайш. В

¹³⁸ ИИВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ... – С. 13–14.

результате исследований Субах был локализован на месте городища Улюктепа, в 8 км к северо-востоку от Гузара, Искифагн — месте городища Ходжа-Бузрук, в 9 км к северо-востоку от Гузара и Наукад-Курайш на месте Алтынтепа, близ селения Парабаг¹³⁹.

В зоне затопления Чимкурганского водохранилища слою периода поздней античности были отмечены на поселениях Кичикурган, Куртультепа, Кичикджартепа и др. На поселении между городищами Чимкургантепа и Сарытепа, указанном в отчетах С.К. Кабанова как Безымянное тепа № 9, были собраны относящиеся к нижнему горизонту керамические материалы, датированные IV — III вв. до н.э., т.е. раннеантичным периодом¹⁴⁰.

В историко-топографическом отношении изучались также захриабз и его окрестности. В самом городе с целью получения новых данных по стратиграфии культурных напластований было положено несколько шурфов, которые показали непрерывность проживания его территории начиная с VI в. н.э. и до настоящего времени. В шурфе, разбитом к югу от sklepa Темира, на месте бывшего Мион-сарая в комплексе Дор ус-Саодат, были получены кирпичные кирпичи, мраморные плиты, керамика XV в., облицовочные изразцы, куски алебастра со следами росписей, принадлежавшие декору здания Мион-сарая¹⁴¹.

На юго-западной окраине Карши проектировалось сооружение комбината по производству строительных материалов. С.К. Кабанов вел археологические работы с целью выявления археологических памятников, которым угрожала опасность уничтожения или повреждения в связи с проектируемыми большими работами. Было осмотрено около 90 объектов, из них примерно на 60 был обнаружен датированный керамический материал. Отмечалась ределенная закономерность: верхний слой памятников почти исключительно характеризовался комплексами IX — XII вв. или — VI вв., и только на трёх из них на поверхности были найдены

¹³⁹ ИВН. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результате полевых работ ТЭ в 1966 г. — Т.: 1966. — С. 3–5.

¹⁴⁰ Усманова З.И. К вопросу о ранней античной керамике древней области // ИМКУ. Вып. 10. 1973. — С. 53

¹⁴¹ Её же. Работы Кеишской археолого-топографической экспедиции // АО 1968 г. — М.: 1969. — С. 423–424.

материалы, которые, возможно, датировались первыми веками до н.э. и н.э.¹⁴²

Вместе с непосредственным проведением археологических работ С.К. Кабанов год за годом публиковал статьи, подводящие итог уже проведенным исследованиям. В них он рассматривал проблемы исторической топографии, классификации поселений, отмечал локальные особенности керамического комплекса и идеологических представлений жителей Нахшаба. Исследователем были затронуты вопросы этногенеза, ирригации и социально-экономических отношений той поры.

Под его руководством изучается Айтулдyteпа, находившееся примерно в 2 км к западу от ст. Карши. Раскопки на памятнике выявили три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни поселения: нижний — I — III вв. н.э.; средний, образованный развалинами здания с коридором датировался по монетам V — VII вв.; верхний, наиболее поздний слой, перекрывающий забутовку центрального помещения, датировался VII — VIII вв. С.К. Кабанов пришёл к заключению, что обитатели поселения были связаны районами Зарафшанского Согда — Самаркандом и Панджикентом¹⁴³.

Археологические работы в зоне комбината строительных материалов близ г. Карши вела Л.Л. Букинч. Раскопки были произведены на наиболее крупном поселении Пишактепа в его северо-западной и восточной части. Для изучения стратиграфии, примерно в середине западной стороны тепа, был заложен разрез в виде глубокой траншеи, выявивший мощные наслоения культурных остатков, которые содержали большое количество обломков посуды, лепных игрушек, много костей, медный колокольчик¹⁴⁴. В слое была найдена медная монета, являвшаяся, по определению М.Е. Массона, подражением монетам Шагура II (310–381)¹⁴⁵. Это дало возможность, наряду с сопоставлением наиболее характерных керамических форм с материа-

¹⁴² ИВН. А 2937/М 32. Массон М.Е. Полевой отчет о работе Шахрисабзской археологической экспедиции. 1963 г. Архив ГлавНПУ. — Т.: 1963. — С. 1–4.

¹⁴³ Кабанов С.К. Айтулдyteпа // ИМКУ. Вып. 9. — Т.: 1972. — С. 73–88.

¹⁴⁴ Букинч Л.Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши // ИМКУ. 1969. Вып. 8. — С. 91–94.

¹⁴⁵ Массон М.Е. Столичные города... — С. 18.

и территориально близких памятников, датировать второй строительный период в пределах III – V вв.¹⁴⁶

Л.Л. Букиннич пришла к заключению, Пишактепа в IV – V вв. представлял собой замок, владлец которого занимал определенное место в феодальной иерархии¹⁴⁷. Ему же был исследован и Кичиктепа. Зафиксировано два строительных периода: нижний датировался IV – V, верхний – VI – VIII вв. н.э. По мнению

Букиннич, обитатели обоих поселений занимались земледелием и являлись носителями согдийской культуры¹⁴⁸.

А.А. Алимовым велись разведочные археологические раскопки Культепа, в 2 км к западу от ст. Карши. В восточной части памятника был заложен раскоп площадью около 500 кв. м. явлены 15 помещений. В одном из них (№ 11), центральном, были украшены скульптурным фризом из глины, в других встречались признаки росписи. Основную массу находок составляла керамика (котлы, кувшины, чаши), находящаяся аналогично среди материалов Пенджикента и Мерва VII – VIII вв. н.э. встречались и памятники прикладного искусства: изображения птиц, собак из терракоты, много изделий из железа (серпы, наконечники стрелы, ножи). Вверху шли более поздние наслоения XI – XII вв.¹⁴⁹

А.А. Алимов пришел к заключению, что вышка Культепа была частью замка крупного феодала. Первый период обживания датировался VI до VIII вв. н.э., т.е. до арабского завоевания. С XII вв. вновь обживалось и существовало до монгольского завоевания¹⁵⁰.

О время археологических наблюдений на территории Пишактепа, был выявлен микрооазис III – рубежа VII – VIII вв. орошавшийся каналом, на котором располагалось 16 сельских поселений¹⁵¹. С наблюдением на территории Бурыарьского оазиса проводились археологические работы на Безымянном оазисе. Во время раскопок С.К. Кабановым и Л.Л. Букиннич был об-

¹⁴⁶ архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 23, л. 55–56.

¹⁴⁷ Букиннич Л.Л. Руины двух раннесредневековых поселений... – С. 96–97. Там же. – С. 96–97.

¹⁴⁸ архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 25, л. 36–37.

¹⁴⁹ Алимов У.А. Раскопки на Культепе в Каршинском оазисе // ИМКУ. Вып. 9. – С. 105–107.

¹⁵⁰ архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 1.

наружен краниологический материал V – VI вв. н.э., изученный В.Я. Зезенковой. Все черепа принадлежали представителям европеоидной расы средиземноморского типа. Это подтверждало, исторические свидетельства об отличии эфталитов (белых гуннов), которые распространились в этот период на юге Средней Азии, от других гуннских племен¹⁵².

В Карши было проведено археологическое обследование группы, попавших в зону крупной новостройки памятников, расположенных в 3 км к западу от отмеченного выше памятника Калаи Захоки Морон. Один из них – Пирматбабатепа, предварительно был обследован в 1965 г. С.К. Кабановым¹⁵³. Верхние слои памятника датировались V – VI вв. н.э.¹⁵⁴ Наряду с керамическими материалами, изделиями из кости, подвесками во время расчистки коридора в завале была найдена медная монета. По заключению О.И. Смирновой, его головной убор мужского портрета монеты был похож на головные уборы кушанских царей (Канишки, Хуишки). Надпись на монете в свою очередь воспроизводила в соответствии с частью надписи на кушано-бактрийских подражаниях монетам Васудевы. Монета датировалась ею V – VI вв. н.э. В то же время В.А. Лившиц по особенностям написания легенды монеты относил ее к IV в. н.э. К этой дате склонялся и С.К. Кабанов.

Н.А. Суздальцева вела археологические работы на Учтепа, в 2 км западнее от ст. Карши. Здесь располагались с интервалом около 150 м три одинаковых поселения, восточное и среднее (Учтепа 3 и Учтепа 2) из них были разрушены при строительстве и поэтому были обследованы частично. Датировка их III – VII вв. подтверждалась обнаруженными в комнатах монетами, выпущенными, по определению М.Е. Массона, в интервале между серединой III – серединой IV в. н.э.¹⁵⁵

Таким образом, проведенные археологические работы в Каршинском оазисе позволили говорить о существовании трех

¹⁵² Зезенкова В.Я. Краниологический материал из Кашкадарьинской области // ИМКУ. 1972. Вып. 9. – С. 119–120.

¹⁵³ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 8–9.

¹⁵⁴ Кабанов С.К. Руины здания времени кушан близ Карши // ИМКУ. Вып. 10. – Т.: 1973. – С. 27–36.

¹⁵⁵ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 1–4, 9–10.

4) изучение вопросов, связанных с ирригационной системой. Попутно публикуется и нумизматические находки Кеша и Нахшаба.

Подводя итог изучению истории археологических памятников Кашкадарьинского оазиса, в 40-х – 60-х гг. XX в. можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, в трудные послевоенные годы до 60-х гг. XX в. по всей территории Кашкадарьи проводились маршрутные поездки. Раскопками изучались, главным образом, самые многочисленные раннесредневековые и средневековые памятники по теме ИИА АН УзССР «Историческая топография и археологические памятники долины р. Кашкадарья». Практически не обращалось внимания на изучение древностей каменного века и эпохи бронзы. Распространилась даже точка зрения, что памятники этих периодов на территории Кашкадарьи отсутствуют.

Во-вторых, исследования, проведенные С.К. Кабановым, А.И. Тереножкиным, М.Е. Массоном, Г.А. Пугаченковой, способствовали накоплению большого количества новых и интересных данных для изучения истории и материальной культуры долины. В то же время, из-за слабой еще разработанности хронологии археологических комплексов в Средней Азии в целом, у этих ученых встречаются не совсем верные датировки памятников.

В-третьих, новым этапом явилось создание КАТЭ, начавший систематическое проведение раскопочных работ на территории верхней Кашкадарьи и расширение археологические изыскания в Кашкинском оазисе. Важным результатом этого стала топографическая привязка средневековых городов и селений, упоминаемых в источниках в нижнем течении р. Кашкадарьи с конкретными пунктами оазиса.

В-четвертых, в то же время в связи с бурной строительной деятельностью, развернувшейся в Каршинском оазисе и в зоне Чимкурганского водохранилища, было уничтожено большое количество археологических памятников, исследование которых в будущем, несомненно, принесло бы много новых данных об историко-культурном прошлом оазиса. Одной из целей КАТЭ по составлению археологической карты Кашкадарьинской долины как раз и являлось стремление сохранить информацию о подвергшихся разрушению памятниках.

в сельских поселений III – IV вв. н.э.: хорошо укрепленного типа замка (Пирматбабага), укрепленных многокомнатных зданий (Учтепа) и отдельно стоящих неукрепленных усадеб¹⁵⁶. В начале 1969 г. в связи с бульдозерными работами на территории памятника Касантепа его изучал Т.Агзамходжаев, который обратил внимание на единственное сохранившееся в возвышенной части тела сооружение – мечеть с четырьмя куполами, внутренняя поверхность стен которой была покрыта ганчевой штукатуркой и украшена стилизованным растительным орнаментом в белых тонах. Раскол 40х10 м, заложенный неподалеку, раскрыл орнамент, одна из которых была богато украшена орнаментальными росписью по тщательно заглаженной ганчевой штукатурке, а также полосками рельефного орнамента из ганча. Подобная напольная являлась первой не только в Кашкадарьинской области, но и в Средней Азии в целом. Исследователь пришел к заключению, что раскопанные им помещения, датированные XVIII – XIX вв., по-прежнему принадлежали богатому феодалу или военачальнику на¹⁵⁷.

Таким образом, работы послевоенных лет позволили значительно углубить характер исследований, полнее проследить действующие закономерности исторического процесса. Наряду с решением отдельных вопросов и проблем истории перешли к изучению монографических и сводных трудов. Объем археологических работ, как и их качество, проведенных в 60-х гг. XX в. существенно значительно возрос по сравнению с предыдущими годами. Осуществление большого комплекса работ, большинство из которых было осуществлено впервые, такие как составление археологической карты края, изучение и периодизация основных диалектов и другие, позволило приступить к решению таких принципиальных задач истории культуры долины Кашкадарьи, таких как проблема античных и средневековых городов долины Кашкадарьи;

вопросы этногенеза населения долины Кашкадарьи; исследование особенностей городской цивилизации южной долины;

Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 5.
Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 37, л. 7.

...иях, исследования в этот период развернулись по самым
образным направлениям: градостроительству, историче-
гидрографии и орошению долины Кашкадарьи, нумизмати-
гидрографическим связям и основным торговым путям, проходив-
я через Шахрисабз и Карши, изучались крааниологические
налы.

...шестых, несмотря на некоторые недостатки, в целом, конец
— 70-х гг. XX в. можно считать началом подлинного археоло-
ского изучения долины Кашкадарьи, в ходе которого посте-
о вырабатывалась та методика исследований, которая дала
ющие результаты в последующие годы.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ КАШКАДАРЬИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ

3.1. Кешская археолого-топографическая экспедиция и исследование Шахрисабзского оазиса

С 70-х годов исследования поднимаются на новый уровень в
связи с открытием Института археологии АН УзССР, развернув-
шего работы в широких хронологических рамках. Особую зна-
чимость в археологических исследованиях приобрело изучение
памятников I тыс. до н.э., предахемендского, ахамендского и
последующих периодов, в частности, для выяснения процессов
урбанизации, характера социально-экономических отношений,
производительных сил и производственных отношений, в связи
с периодически вспыхивающей дискуссией об общественном
строе Средней Азии в I тыс. до н.э. — середине I тыс. н.э. В
результате успешно решаются важнейшие вопросы: сложения
ранних государственных объединений Средней Азии, харак-
тер социально-экономических укладов, города как особый со-
циальный организм, культура и искусство, взаимоотношения
с кочевым населением, характер торговых связей, культурных
влияний и пр.¹⁵⁸

В Хорезме археологические работы ведутся на таких памят-
никах как Джанбаскала, Кюнерлика, Аязкала, Кургашинкала,
Топраккала и Койкрылганкала. Исследование показало, что
Топраккала являлась столицей Хорезма до IV в. н.э. Здесь были
открыты дворец, с замечательной глиняной скульптурой, настен-
ными росписями, остатки храма, жилищная застройка. Полностью
исследован уникальный памятник Койкрылганкала (IV в. до

¹⁵⁸ Мухамеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане... —
С. 99; Лунина С.Б. К основным итогам археологических исследований в
Узбекистане... — С. 9.

– IV в. н.э.), со своеобразной сложной планировкой – фортификацией, культовые и жилые функции.

В 30-е гг. н.э. в Самаркандском оазисе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине Шкадары – Еркурган, Каландартепе (г. Китаб).

В 30-е гг. н.э. в Самаркандском оазисе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине Шкадары – Еркурган, Каландартепе (г. Китаб).

В 30-е гг. н.э. в Самаркандском оазисе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине Шкадары – Еркурган, Каландартепе (г. Китаб).

В 30-е гг. н.э. в Самаркандском оазисе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине Шкадары – Еркурган, Каландартепе (г. Китаб).

В 30-е гг. н.э. в Самаркандском оазисе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине Шкадары – Еркурган, Каландартепе (г. Китаб).

и др.), история ирригации (Я.Г. Гулямов, С.П. Толстов, Б.В. Андрианов, А.Р. Мухаммеджанов и др.), истории горного дела (М.Е. Массон, Ю.Ф. Буяков, Е.Б. Пругер), нумизматики (М.Е. Массон, М.Н. Федоров, Т.С. Эрнazarова, Э.В. Ртвеладзе, Н. Мусакаева, Л. Баратова и др.), и многие другие вопросы.¹⁶⁰

В 80-е гг. XX в. в Узбекистане развернулись работы по созданию свода памятников и археологической карты республики. Они включали разведочно-рекогносцировочные работы, фиксацию археологических и архитектурных памятников всех категорий (города, поселения, могильники, горные выработки и пр.), составление планов, схем, сбор подземного материала.

В октябре 1985 г. группе археологов республики в составе А.А. Аскарова, Ю.Ф. Буякова, М.Х. Исамиддинова, Р.Х. Сулейманова, М.И. Филанович, Т.К. Ходжайова и Э.В. Ртвеладзе, за разработку проблемы «Истоки и развития урбанизации Центральной Азии по материалам археологических исследований в Узбекистане» была присуждена Государственная премия Узбекистана им. Беруни в области науки и техники.¹⁶¹

В начале 70-х годов КАГЭ, как и другие экспедиции приступила к планомерному широкомасштабному обследованию восточных районов Кашкадарьинской области с целью созданию свода памятников и археологической карты.

Продолжились археологические работы на Алтынтепе. С целью обнаружения ранних культурных слоев были заложены шурфы в восточной части основного бугра, где были обнаружены остатки паховой стены и стены из сырцового кирпича, характерного для VI – VIII вв. и керамические материалы во фрагментах.¹⁶² В центральной части городища на площади 70 кв.м. были выявлены остатки сооружения двух строительных периодов.¹⁶³ Важной находкой стали остатки мечети, датированные по ряду

¹⁶⁰ Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане... – С. 15.

¹⁶¹ Новые лауреаты премии им. Беруни // Общественные науки в Узбекистане. – 1985. – № 11. – С. 74–75.

¹⁶² Лунина С.Б., Столярова Н.П. Ранние культурные слои на городище Алтынтепе // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Т.: 1981. – С. 3–4.

¹⁶³ Столярова Н.П. Изучение верхнего культурного слоя городища Алтынтепе и характеристика керамики // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы истории, историографии и археологии. – Т.: 1978. – С. 9–15.

наков XI – XII вв.¹⁶⁴ В ходе расчистки печей был обнаружен из 26 медных монет¹⁶⁵.

а основании изучения Алтынтапа в результате многочисленных работ был выявлен процесс исторического развития города. Изначально здесь в V – VI вв. н.э. возникает небольшое поселение или отдельно стоящее сооружение, разрастающееся в VII – VIII вв. Основной бугор окружается стеной и в этот период идет процесс перестройки поселения в город. При раскопках удалось выделить ряд периодов функционирования города (IX в. – первая половина X в.; вторая половина X в. – начало XI в.; XI – XII вв.; II половина XII – начало XIII вв. и возрождение жизни после монгольского нашествия в 30-х годах XIII в.¹⁶⁶

Исследование городища также показало, что в пору развитого средневековья здесь процветали различные ремесла: гончарное и производство кирпича, стекольное. В целом, размеры Алтынтапа, характер его обживания, материалы раскопок позволили говорить о средневековом городе, расцвет жизни в котором падает на начало XIII в.¹⁶⁷

Врядом КАТЭ осуществлялись маршрутные поездки по восточной части Кашкадарьи. К северу от районного центра Чиракчи отмечены несколько небольших городищ, среди которых основную роль сыграли античными (самое большое 200х200 м) и городищем с прилегающей к ней укрепленной пониженной о. У селения Янгикент был собран подъемный материал поздней античности¹⁶⁸.

Восточнее Карабага были обследованы Таштепа (V – VI вв. н.э.), Кендаклитепе (археологические раскопки здесь велись в 1978 г., который датировал памятник I и V – VI вв. н.э.),

С.Б., Богомолов Г.И. Архитектурный декор в памятниках средневековья // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и географии. – Т.: 1978. – С. 3–8.

В.А. 3341/К 78. Крашенинникова Н.И. Краткий отчет 1973 г. о работе археологических памятников Китабского района. – Т.: 1973. – Л.

С.Б. Города Южного Согда... – С. 32.

Кендаклитепе Алтынтапа // АО 1970 года. – М.: 1971. – С. 419–420; её исследование города в долине Кашкадарьи. – Т.: 1988. – С. 14–17.

С.Б., Столярова Н.П., Усманова З.И. Кашкадарьинская история... – С. 519–520.

Бердакитепе, Бахритепе, Маллабуватепе, Гышттепа, Каратепе и др. Все эти поселения, судя по подъёмному материалу, возникли в раннем средневековье и обживались до эпохи развитого средневековья¹⁶⁹.

Выявленные в ходе разведок археологические пункты были распределены на следующие группы:

1) Отдельные тепа: Чимкургантепа, Учтепа, Актепа, Сигиртепа, Ялпактепа, Сарытепа, Таяклитепе, Иулутиштепа и два тепа под названием Кандахар.

2) Караульные башни. Отличаясь формой от сельских тепа, были сильно задержаны и содержали мало керамических материалов. Это: Тешиктепа, Зиятепа, Усантепа, Хадырбуватепе и Караултепа.

3) Городища со стенами, цитаделью в центре, рвами вокруг цитадели и вокруг стен городища: Кендаклитепе, Бердакитепе, Шаманбуватепе, Куомазартепа, Саусантепа, Кошшантепа, Караултепа, Бауртепа (Бауртепа), Бильдактепа.

4) Городища с цитаделью и углублением. Цитадель находилась в юго-западном углу (Гышттепа), в юго-восточном (Учтепа) и в юго-западном (Бахритепе) углу памятника. Все городища раннесредневекового времени.

5) Городища с цитаделью в северной части: Учтепа, Куйиктепа, Каттакасабтепа.

6) Городища с цитаделью в южной части: Каратепе, Сарытепа, Таштепа, Кызылтепа, Темиралитепа, Алтынтапа¹⁷⁰.

Кроме того, были обследованы памятники V – IV вв. до н.э., расположенные в зоне Чимкурганского водохранилища и обнаруженные ещё в 1967 г. Отрядом КАТЭ. Было установлено, что этот район совпадал с местонахождением Безымянного тепа № 9, указанного на схематической карте С.К. Кабанова. В 50 м к западу от поселения, в обрыве береговой линии Чимкурганского водохранилища были отмечены культурные слои позднеархаического и античного времени (V в. до н.э. – II в. н.э.).

¹⁶⁹ ИВН А. 3642/Л 82. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Полевой отчет о работе археологических памятников Китабского района. – Т.: 1972. – Л. 7.

¹⁷⁰ Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Новые данные к изучению памятников средневековья Кашкадарьи // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии Средней Азии. – Т.: 1975. – С. 15–29; они же: Работы на Кашкадарье // АО 1972 г. – М.: 1973. – С. 472–473.

в Сарытепа во время разведочных раскопок была найдена го-
ида в виде шара с чуть приплюснутой тыльной частью,
выраженными тюркскими чертами лица, с условной переда-
ею в виде волнистых линий. Кроме того, были обнаруже-
и другие антропоморфные изображения, а также зооморфные
и фрагменты керамики¹⁷¹.

целом, выяснилось, что:

Античные памятники в районе продолжали обживаться и в
ем средневековые.

На этот период приходится расцвет жизни большинства
Тогда же отмечается обживание новых территорий.

В эпоху развитого средневековья количество населенных
тов сокращается, формируются крупные городские центры
Саусантепа, Яртепа, Бахринтепа и др.

Ворования населения древней и средневековой Кашкадарьи
о было связать с одной из разновидностей зороастрийского
а¹⁷².

1972 году Х.Дуке вел археологические раскопки на
чинском поселении, на южном берегу Чимкурганского во-
нилица, в 13 км к западу от районного центра Чиракчи.

ходе раскопок он расчистил 12 ям, использовавшихся, по
ию автора первоначально для хранения зерна, а затем для
и мусора. Полученные материалы были представлены ке-
дой (в том числе с росписью) и в незначительном количе-
каменными орудиями¹⁷³. Впервые Чиракчинское поселение
ыло обследовано С.К. Кабановым и предположительно от-
о к эпохе поздней бронзы и раннего железа¹⁷⁴. Это предпо-
ие и было выяснено работами Х.Дуке, которым памятник
атирован началом I тыс. до н.э. После тщательного анализа
илось, что по всей вероятности, основа хозяйства местных
ктивов была земледельческо-скотоводческой.

том же году по заданию Республиканского общества ох-
памятников З.И. Усманова и Г.Я. Дресвянская проводили
изанова З.И., Дресвянская Г.Я. Новые данные к изучению памятников... —
9.

НВ. А. 3741/У 91. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Полевой отчет в
нском районе 1972 г. Архив ГлавНПУ. — Т.: 1972. — Л. 8.

ив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 2-4.
з архиве... Л. 5-6.

маршрутные работы по составлению археологической карты
Камашинского района. С целью изучения верхних (VIII — XIII
вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища
на территории городища Сарытепа, ранее обследовавшиеся В.Д.
Жуковым в его юго-западной части был заложен раскоп площа-
дью 450 кв. м.¹⁷⁵

Разведочными раскопками обследовалось Большое Кызтепа, в
2 км к западу от Сарытепа, где в 1957 г. археологические раскопки
проводил С.К. Кабанов, датировавший верхний культурный слой
IX — XII вв.

Значительно больше данных, относящихся к этому периоду,
было получено в нижнем ярусе поселения. В южной части рас-
копа были расширены стены крупного помещения шириной 7 м,
получено много керамического материала, датировавшегося на-
чиная с VIII — IX вв. н.э.¹⁷⁶

В предгорной и горной части Камашинского района марш-
рутным отрядом КАГЭ были обследованы более 30 памятников
античной и раннесредневековой эпохи, 16 из них были взяты
под охрану Обществом охраны памятников. Наибольший инте-
рес представляла собой крепость Дунётепа античного времени
и поселение Саусантепа. На Саусантепа был заложен неболь-
шой шурф, в котором обнаружены керамические материалы ан-
тичного периода. В 2 км восточнее Саусантепа обследовалось
Безымянное городище раннесредневекового времени необычной
планировки¹⁷⁷.

Продолжались археологические работы в Китабском райо-
не: в зоне орошаемых земель, на предгорных лёссовых буграх,
в горных районах. В хронологическом отношении выделились
несколько групп памятников, которые содержали слои антично-
сти, V — VI вв. н.э., VII — VIII вв., IX — нач. XIII вв., XIII — XVII
вв. и XVIII — XIX вв. Шурфовка производилась на Кургантепа и
Ризвантепа, на Мунчактепа были осуществлены зачистки обре-
зов. Были продолжены раскопки на Каландартепа.

¹⁷⁵ Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних (VIII — XIII вв.)
наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ. Вып.
12. — Т.: 1975. — С. 103—107.

¹⁷⁶ Там же. — С. 103, 109, 114.

¹⁷⁷ ИНВ. А. 3841/Д 73. Дресвянская Г.Я. Полевой отчет 1973 г. Архив
ГлавНПУ. — Т.: 1973. — Л. 5.

а одним из самых крупных замков района - Ризвантепа, расположенном на восточной окраине Китаба, был заложен небольшой кург, материалы которого показали, что поселение возникло в античную эпоху и обживалось до XII в.¹⁷⁸

Время маршрутного проезда в обрете северного берега р. было обнаружено хумное кладбище, которое размывалось водным половодьем. Зафиксированные погребения находились на расстоянии трёх и более метров друг от друга. Обломки в и нескольких неповинных черепков датировались V – VII вв. Исследовав захоронения, Н.И. Крашенинникова пришла к выводу, что в эпоху раннего средневековья местными маздеистами использовались три вида погребений: в хумах, в оссуариях и в кургках костей на полу погребальных камер¹⁷⁹.

В 1973 г. начинаются работы по линии Узбекского научно-исследовательского и проектно-исследовательского института консервации и реставрации памятников культуры и археологии. Х.Т. Юновым проводились значительные по объёму археологические раскопки архитектурных памятников Шахрисабза¹⁸⁰.

В 1974 г. КАТЭ продолжила раскопки на Алтынтепе. На мемориально-археологического раскопа было начато широкомасштабное исследование помещений. Были расчищены остатки водосливного строения типа ташна¹⁸¹. Новый раскоп был заложен на холме 400 м к югу от центрального бугра. Здесь были раскрыты средневекового здания со стенами, сложенными из сырца и сырцовых кирпичей. Были обнаружены остатки из сырца часток, ранее занятый кладбищем и вскрыто одно захоронение с могильной ямой, обложенной сырцовыми кирпичами.

Н.В. А. 3341/К 78. Крашенинникова Н.И. Краткий отчет 1973 г. о работе археологических памятников Китабского района. Архив ИА УЗ. – Т.: 1973. – Л. 7.

Крашенинникова Н.И. К археологической карте Китабского района // Сб. «Археология и этнография», ТашГУ. – Т.: 1977. – С. 13.

Литанов Х.Т. К истории формирования архитектурных ансамблей Китаба XIV-XV вв. (по археологическим данным): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Самарканд, 1990; он же: К эпиграфике Ак-сарая // Урта Осиё тарихи ва маданияти доктарб муаммолари. Тез. докл. конф., посв. 55-летию ИА УЗ. ТашГУ. – Т.: 1995. – С. 27–29.

Крашенинникова С.Б. Раскопки на городище Алтынтепе // АО 1974 года. – М.: Наука. – С. 505.

Погребенный лежал на спине. Археологи датировали это погребение ориентировочно XII в.¹⁸²

В 1975 г. во время археологических работ особенно богатыми были находки архитектурного декора, среди которых выделялись фрагменты с резным по глине и частично окрашенным узором¹⁸³. В Р-8 были обнаружены многочисленные фрагменты резных терракотовых плит неглазурованных и с глубокой поливой, резной ганч, остатки росписей, стеклянные изделия, медный пестик. Остатки подобных построек X – XII вв. интерпретированных как мечеть и большое жилое здание, пышно декорированных снаружи и внутри, были открыты для долины Кашкадарыи впервые. Варианты резного орнамента, выполненного в глине и ганче, позволили наметить связи с общей линией развития декора Средней Азии (в частности значительное сходство отмечалось с панелями дворца термезских правителей¹⁸⁴) и выявить некоторые местные особенности. Выявленные в ходе раскопочных работ керамические материалы XII – нач. XIII в. изучались Н.П. Столяровой¹⁸⁵.

Маршрутные отряды КАТЭ продолжали обследование среднего течения Кашкадарыи. В результате анализа всех взятых на учёт памятников, было установлено, что 22% из них являлись античными, причём 80% их продолжали обживаться и в последующие эпохи. Эти памятники были расположены, как правило, на естественных останках, вблизи водных артерий. Предварительно памятники можно было разделить на три больших группы: городища (Саусантепа I), сельские поселения (Учтепа), горные крепости (Чечактепа)¹⁸⁶.

Раскопочные работы, проведенные на ряде объектов, определили более четкие хронологические рамки их функционирования (например, в периоды ранней, развитой и поздней античности), а разведочные раскопки на Сигиртепа, античном в своей основе

¹⁸² Лунина С.Б. Древние города в долине Кашкадарыи ... – С. 29–30.

¹⁸³ Лунина С.Б., Столярова Н.П. Алтынтепинский отряд Кашкадарыинской экспедиции // АО 1975 г. – М.: 1976. – С. 530.

¹⁸⁴ Лунина С.Б., Богомолов Г.И. Архитектурный декор ... – С. 3–8.

¹⁸⁵ Столярова Н.П. Изучение верхнего культурного слоя городища Алтынтепе и характеристика керамики ... – С. 9–15.

¹⁸⁶ Дресвянская Г.Я. Античные памятники среднего течения Кашкадарыи // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Т.: 1979. – С. 68–69.

являли варианты использования архитектурных сооружений того времени в последующую пору¹⁸⁷.

В предгорьях Яккабагского хребта отряд под руководством Садуллаева обнаружил около трех десятков античных поселений, расположенных по отдельным ирригационным районам — в долине Кайрагачского и Кызылдарьинскому. Сложение районов началось в эпоху раннего железа, когда в предгорьях Южного Сауда формировались первые оседлосельские поселения: Курганчатепе, Бешкутантепа и Даратепе. Значительные комплексы керамики доахеменидского и ахеменидского времени. На наиболее хорошо исследован Даратепе, восточной части долины Кашкадарьи было обнаружено поселение в 70-х гг. наибольшее количество античных поселений в долине Кашкадарьи было обнаружено в предгорьях Яккабага. А.С. Садуллаев объяснил это тем, что проходила одна из дорог, связывавших некогда Бактрию и Кайрагачском оазисе тракт разделялся на две магистрали: перевалам Джаме и Тахтакарача, дороги, которые ведут в Кашкадарью.

Исследование новых данных позволило исследователям поставить о трех типах античных поселений: 1) крупное рассредоточенное поселение с цитаделью (Кайрагачтепа), 2) поселение с крепостными стенами (Баландтепа, Каттадепа, Гаумурдатепе, Парманкултепа), 3) небольшие дома-усады (Киндиктепа, Катагантепа).

Кайрагачтепа являлось одним из крупнейших поселений в долине Кашкадарьи, уступающее по площади лишь городу Китаба. Основная часть поселения оборонительных стен не имеет, т.к. широкие и глубокие речные протоки, окружающие город, играли роль своеобразных рвов и служили естественной преградой со стороны долины. Важно, что на Кайрагачтепе, наряду с античной керамикой, были найдены позднееахеменидские и сасанидские памятники среднего течения Кашкадарьи...

Садуллаев А.С. Античные поселения предгорий Яккабага // Античная история. Тез. докл. — Т.: Изд-во «Азия» — 1990. — С. 80-82.

цилиндроконические гончарные формы, позволившие ориентировочно датировать поселение IV в. до н.э. — IV в. н.э.¹⁸⁹

С первой половины 70-х годов особое внимание также стало уделяться древнему горному промыслу долины Кашкадарьи. Это было продолжение успешного сотрудничества археологов и геологов Средней Азии, начало которого восходило еще к концу 20-х гг. XX в. Ещё в 40-х годов XX века М.Е. Массон обратил внимание на поля железных шлаков, отмечая их в верховьях Танхоздарьи и Карадарьи, древние выработки и отвалы металлических шлаков зафиксированы им в верхней части бассейна Кызылдарьи¹⁹⁰. Е.Б. Прутер начал изучение древних рудников горной Кашкадарьи. В районе урочища Ширдаг, на правобережье р. Аксу, на южном склоне горы Сангардак был обследован одноименный рудник. Основная его часть представляла собой два крупных карьера, выраженные в рельефе в виде провалов диаметром 50-60 м и 10 небольших воронкообразных выработок. В 70 м западнее была выявлена штольня длиной около 3 м. В развалах и отвалах выработок отмечались многочисленные кусочки киновари и фрагменты керамики IX — XII вв. Исследовался, находившийся в 5 км юго-восточнее, на правом берегу р. Ширдаг рудник Водопадный. Отсутствие датирующих находок не позволило установить время его функционирования. Другой рудник Ширдаг в юго-западной части урочища состоял из шести шелеобразных карьеров шириной от 1 м до 3 м вытянутых по линии запад — восток почти на 300 м. Отвалы, содержащие кусочки железной руды, располагались ниже по склону горы, а шлаковые поля Ширдаг 1, 2, 3 находились в 2,5 км северо-восточнее рудника. Основываясь на находках керамики, исследователь датировал все три металлургических пункта V — VII вв. н.э.¹⁹¹

Подытоживая свои наблюдения Е.Б. Прутер, сделал вывод о том, что основные объемы добычи полезных ископаемых в Кеше связаны с XI — XII вв. — временем усиленного развития городов, как ремесленных центров. Значительную роль сыграл и «серебряный» период.

¹⁸⁹ Садуллаев А.С. Античные поселения предгорий Яккабага...

¹⁹⁰ Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. — Т.: Госиздат, 1947. — С. 30; его же: К истории горного дела на территории Узбекистана. — Т.: АН УзССР, 1953. — С. 19.

¹⁹¹ Прутер Е.Б. Обследование древних рудников в Узбекистане // АО 1975 года. — М.: 1976. — С. 510.

инный кризис», приведший к росту значения золота в денежном обращении, что определяло поиск и разработку даже небольших месторождений драгоценных металлов в Западном Гисаре¹⁹².

А. Садуллаев и П. Низаев осуществляли разведочные работы в предгорьях Зарафшанского и Яккабагского хребтов, на территории Чиракчинского и Яккабагского районов. На берегу Кызылдары у кишлака Чимкурган Яккабагского района было обнаружено крупное средневековое городище Кургантепа с цитаелью, шахристаном и оборонительной стеной, сохранившейся в значительной части памятника. Подземный керамический материал позволил датировать верхние слои поселения X – XII вв.

В Зиракчинском районе большая группа поселений и городищ позднесредневекового времени (до средневековья) была зафиксирована в округе кишлака Районабад. Все городище имели прямоугольную планировку и небольшие цитадели, а у Чандарктепа четче выделены также шахристан и рабад. Собранный глазурованный керамика датировалась X – XII вв.¹⁹³

Поселение Каракамар (у одноименного кишлака) на берегу Яккабася обследовалось стратегическим шурфом, показавшим наличие остатков архитектуры, горелых прослоек, следов очагов и тандыров, зернотерок. Керамика поселения была представлена чашами, кувшинами, бокалами, мисками со светлым, красным, коричневым ангобом и тщательным лощением. Комплекс датировался IV – VI вв. н.э.

Китабский отряд КАТЭ под руководством Н.И. Крашенинниковой в 1975 г. продолжил свои маршрутные и раскопочные работы. Основное внимание было уделено изучению Каландартепа, детальное изучение которого позволило сделать вывод о том, что оно являлось ядром столичного центра владения Сусе, с юго-запада, по источникам, во II в. до н.э. в состав Кангуйского царства. Импульсом для возникновения в III в. до н.э. античного города в долине Кашкадары являлся процесс более широкого освоения земель, по сравнению с ахеменидским периодом освоения земель, сопровождавшийся резким увеличением числа сельских поселений.

Трутер Е.Б. Горный промысел Южного Согда-Кеша (Учебное пособие). – Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1986. – С. 16.

ИНВ. А. 5013/С. 12. Садуллаев А.С. Разведки в Кашкадарьинской области в 5 г. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1975. – Л. 6.

ростом ремесла и торгового обращения, градостроительной политикой правителей¹⁹⁴.

Раскопки на Каландартепа подтвердили вывод о существовании в верхнем течении Кашкадары лишь одного крупного городского центра, известного под разными наименованиями: Сусе – Ши – Кеш – Шахрисабз, с небольшим территориальным перемещением последнего в X в. Более активное втягивание края в денежный товароборот с IX в. привело к сложению ряда крупных специализированных средневековых селений, занимавшихся ремесленными изделиями и торговлей (Мунчактепа, Тупчак, Ишкават и др.), но так и не сумевших достичь до статуса города¹⁹⁵.

Таким образом, в первой половине 70-х гг. КАТЭ ТашГУ продолжила осуществление маршрутных проездов по территории Восточной Кашкадары с целью составления свода археологических памятников области. На ряде наиболее интересных объектов (Сигиртепа, Алтынтепа, Кайрагачтепа и др.) велись стационарные работы, показавшие непрерывное функционирование многих поселений со времен античности и до средневековья. Для ранних периодов освоения долины Кашкадары было предложено выделение ряда культурно-хозяйственных оазисов: Еркурганского, Гульдарьинского, Кайрагачского и Кызылдарьинского.

В 1976 г. под руководством Г.Я. Дресвянской были осуществлены разведки в западной части Яккабагского района, позволившие довести общее число археологических объектов вне до 170. Сплошной учет памятников позволил поднять вопрос о типологической классификации объектов и их связи внутри микроазиатского региона.

Так, западное направление Яккабаг был отмечен комплекс памятников, в котором выделялся замок Тулкитепа, Тавошарттепа, Намазгачтепа, Безымянный, представляющий с Тавошарттепа

¹⁹⁴ Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную пору // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Т.: 1979. – С. 56–58.

¹⁹⁵ ИНВ. А. 3771/К. 78. Крашенинникова Н.И. Отчет в Китабском районе в 1975 г. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1975. – Л. 4.

¹⁹⁶ ИНВ. А. 3944/Д. 73. Дресвянская Г.Я. Краткий отчет об археологических работах в Яккабагском районе, на берегу Кызылдары в 1976 г. Архив ГлавНПУ. – Т.: 1976. – Л. 2–4.

атки неукрепленных усадеб в хвостовой части упоминавших каналов¹⁹⁷.

В 9 км западнее станции Яккабаг изучалась группа памятников, среди которых выделялись Джумабайтепа, Культепа и Безыманное тепа. Наиболее интересным оказался Культепа, бывший цитадель ромбовидного плана¹⁹⁸.

Близкая по характеру система расселения была выявлена в 5 км к северо-востоку от станции Яккабаг. Лидирующее положение ей занимал замок Хабартеп¹⁹⁹. В оазисе были обследованы и другие памятники: Каснак 1, 2, 3 и Безыманное тепа, представлявшие собой остатки неукрепленных жилищ земледельцев²⁰⁰.

Маршрутные исследования проводились также по Кызылдарье, восточнее Яккабага и далее к югу (З.И. Усманова, А.С. Сагдуллаев). Среди объектов по этой линии выделялись Кафиркала, Зуртепа, Ханымтепа, Арифтепа, Галляммуллотепа и Безыманное тепа²⁰¹. Поселения возникли в раннесредневековом периоде и расцвели в эпоху развитого средневековья, что позволило считать этот район с одним из рустикалов, упоминавшихся у Ибн Халкана и Макдиси.

В урочище Гулдара З.И. Усмановой и А.С. Сагдуллаевым было взято на учет 14 памятников. На одном из них - городище Манкултепа, для получения стратиграфической колонки культурных напластований был заложен шурф, давший материалы в основном раннесредневекового периода²⁰².

В предгорьях Яккабагского хребта раннесредневековые укрепленные поселения были открыты на высоких речных террасах Зайсайтепа 1, 2). В Тутакомском ущелье обследовались древние

Дресвянская Г.Я. Средневековые памятники в западной части Яккабагского района // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. № 582. - Т.: 1981. - С. 21-31.

⁴ ИИВ. А. 3944/Д. 73. Её же: Краткий отчет об археологических работах в Яккабагском районе. - Л. 4-6.

Дресвянская Г.Я. Средневековые памятники в западной части Яккабагского района. - С. 21-31.

ИИВ. А. 3944/Д. 73. - Л. 4-6.

Там же: - С. 7-8.

Усманова З.И., Сагдуллаев А. К изучению памятников Яккабагского района // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. - 1981. - С. 13-20.

выработки, а в 2 км к югу от кишлака Тутака были зафиксированы курганы с каменной насыпью Гянда 1 и 2. Всего от поселка Яккабаг до селения Татаркишлак, главным образом в предгорных и горных частях Яккабагского района во время маршрутных работ были взяты на учет и обследовались более 60 разновременных памятников. Большая их часть обживалась еще с античного времени и позднее, но были и чисто античные пункты: Дунётепа, Узтепа (Узкишлак). Из многослойных памятников внимание исследователей обратило на себя четкой топографией городище Кургантепа (кишлак Бегиш)²⁰³.

КАТЭ продолжала обследование Китабского района с целью составления историко-географических карт окрестностей античного Сууса, раннесредневекового Кеша и позднего Китаба. Всего в ходе археологических разведок было обследовано 70 разновременных памятников²⁰⁴. Среди них, памятников античного периода оказалось немного, что объяснялось, по мнению исследователей, слоем IV в. до н.э. - IV в. н.э. были перекрыты раннесредневековыми наслоениями. Тепа V - VI вв. н.э. характеризовались не большими размерами и близким расположением друг от друга. В VIII в. н.э. возводятся, а скорее значительно расширяются, канал, берущий начало из Аксударьи, игравший большую роль в жизни средневекового Кеша. Соборный на памятниках комплекс керамических материалов показал блестящее качество неглазурованной керамики Кеша VIII - IX вв., а также большую близость его, глазурированных посуды X в. к афрасиабской²⁰⁵.

В конце 70-х годов XX в. КАТЭ продолжала наращивать археологические разведки с маршрутными поездками в горных районах Кашкадарьи, особенно в Яккабагском районе. Так, была обследована вся территория, прилегающая к р. Тырнасай, на которой были отмечены памятники различных типов: замок, укрепленные и неукрепленные сельские поселения, городища²⁰⁶.

²⁰³ Сагдуллаев А. Работы маршрутного отряда Кешской экспедиции // АО 1976 г. - М.: 1977. - С. 526.

²⁰⁴ Крашенинникова Н.И. Маршрутное обследование Китабского района // АО 1976 года. - М.: 1977. - С. 529-530.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ ИИВ. А. 4320/Д. 73. Дресвянская Г.Я. Отчет о работах маршрутного отряда КАТЭ в Яккабагском районе в 1978 г. Архив ГлавНПУ. - Т.: 1978. - Л. 2-6.

связи со строительством Гиссаракского водохранилища ахрисабзском районе один из отрядов КАТЭ начал работы не его затопления. Так, исследовалась раннесредневековая ба Караултепа, верхний горизонт которой датировался по мике, второй половиной VII–80-г. VIII в. В целом, было вы-но, что памятник представлял собой руины жилого неукре-ного дома, который принадлежал большой патриархальной е. Она обладала значительным экономическим потенциалом, и свидетельствовали расширение и улучшение построек, боль-наборы посуды и другого инвентаря, отмечаемые в каждом ительном горизонте данные о развитии земледелия и животно-тва, и даже наличие собственного кузнечного производства²⁰⁷. Таким образом, во второй половине 70-х гг. XX в. членами Э были взяты на учет несколько десятков новых памятников, которых из них для выяснения хронологии проводились раз-ные раскопки. Полученные данные позволили продолжить ение следующих специальных тем:

комплексы эпохи раннежелезного века изучались А.С. гуллаевым. В Яккабагском районе были начаты систематиче-исследования по микрооазисам в предгорьях Яккабагского га: Гульдарьинского, Кайрагачского и Кызылдарьинского. В ом было открыто 9 поселений раннежелезного века; на трех х – Курганча, Даратепа и Туртбурчактепа, – были заложены ы и раскопы.

Даратепа были заложены раскопы №№ 1,2. Р–1 выявил 3 ительных горизонта, насыщенных фрагментами керамики. тами на Р–2 на центральном холме памятника было изучено ицевидные формы помещения со стенами из сырца, к кото-примыкали суфы. В последствии А.С. Сагдуллаев пришел к чению, что эти материалы свидетельствуют о наличии на ении разных типов глинобитно-сырцовых строений, гене-оторых восходил к предахеменидскому времени²⁰⁸. Касаясь ических комплексов, исследователь отмечал, что если для оительного горизонта были характерны лепные сосу-

рашенинникова Н.И., Столярова Н.П. Работы на Гиссаракском анилище // АО 1978 г. – М.: 1979. – С. 555.

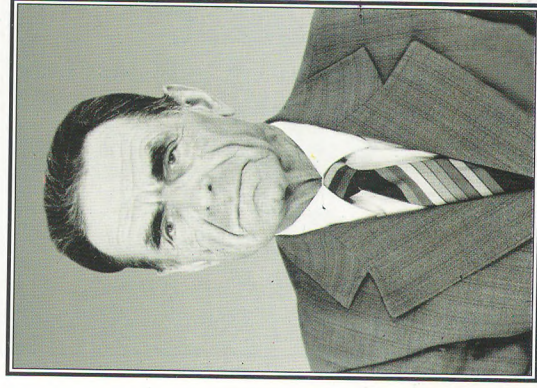
гдуллаев А.С. Поселение раннежелезного века в бассейне Кашкадары // 1988. – № 4. – С. 154–161.

Михаил Евгеньевич Массон

Галина Анатольевна Путаченкова

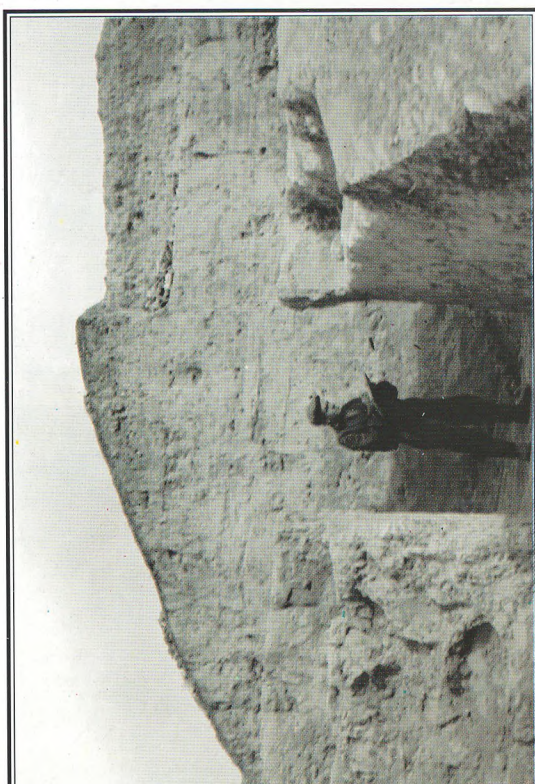
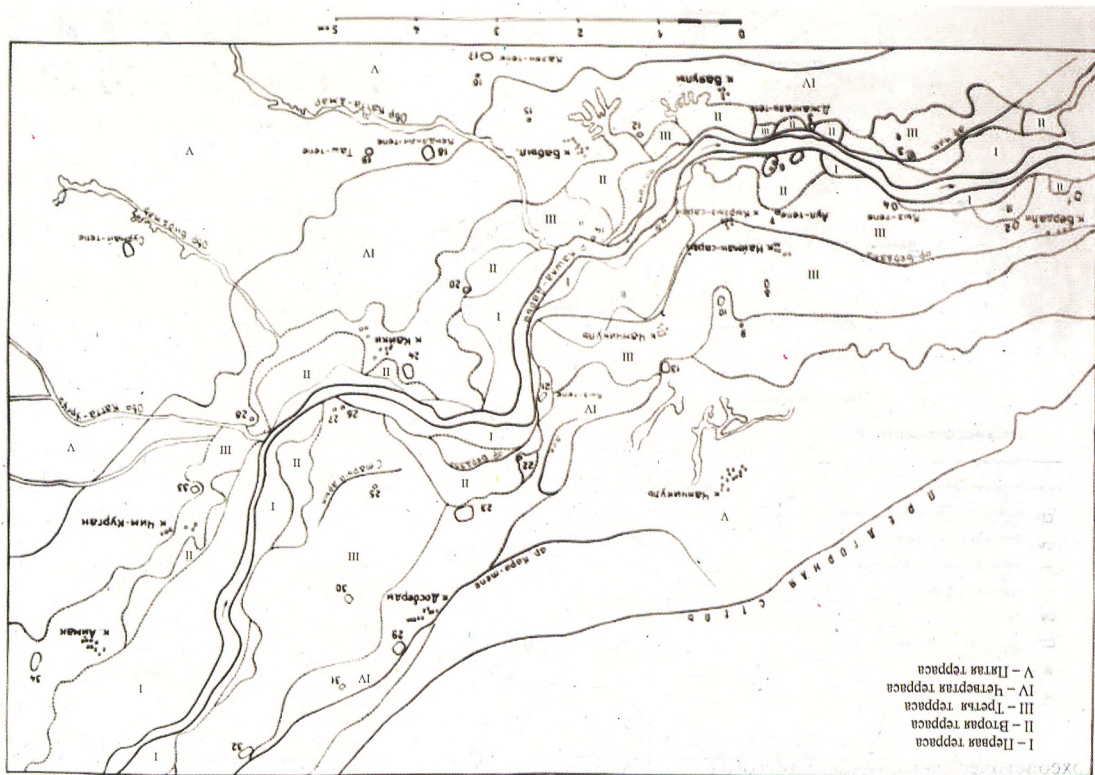
Сергей Кузьмич Кабанов

Рустам Хамидович Сулейманов

1. Намазгана
2. Бадакштена
3. Сарыштена
4. Малое Кызгана
5. Джангаташтена
6. Нарайгана
7. Аулгана
8. Безымянный разор
9. Безымянный бутор
10. Джангаташтена
11. Хомангана
12. Безымянный
13. Бургангана
- 14, 15, 16. Безымян-
- ный бутор
17. Кайгана
18. Кендигана
19. Тагана
20. Кайгана
21. Большое Кызгана
22. Безымянный
23. Кургана
24. Сарыштена
25. Безымянный
26. Полуразруш-
- ное гана
27. Иргана
28. Безымянный
29. Катта Джобран
30. Угана
31. Чимкургана
32. Кичик Джобран
33. Чимкургана
34. Кендигана

Большой Кызгана. С. К. Кабанов описывает стен в раскопе вышке

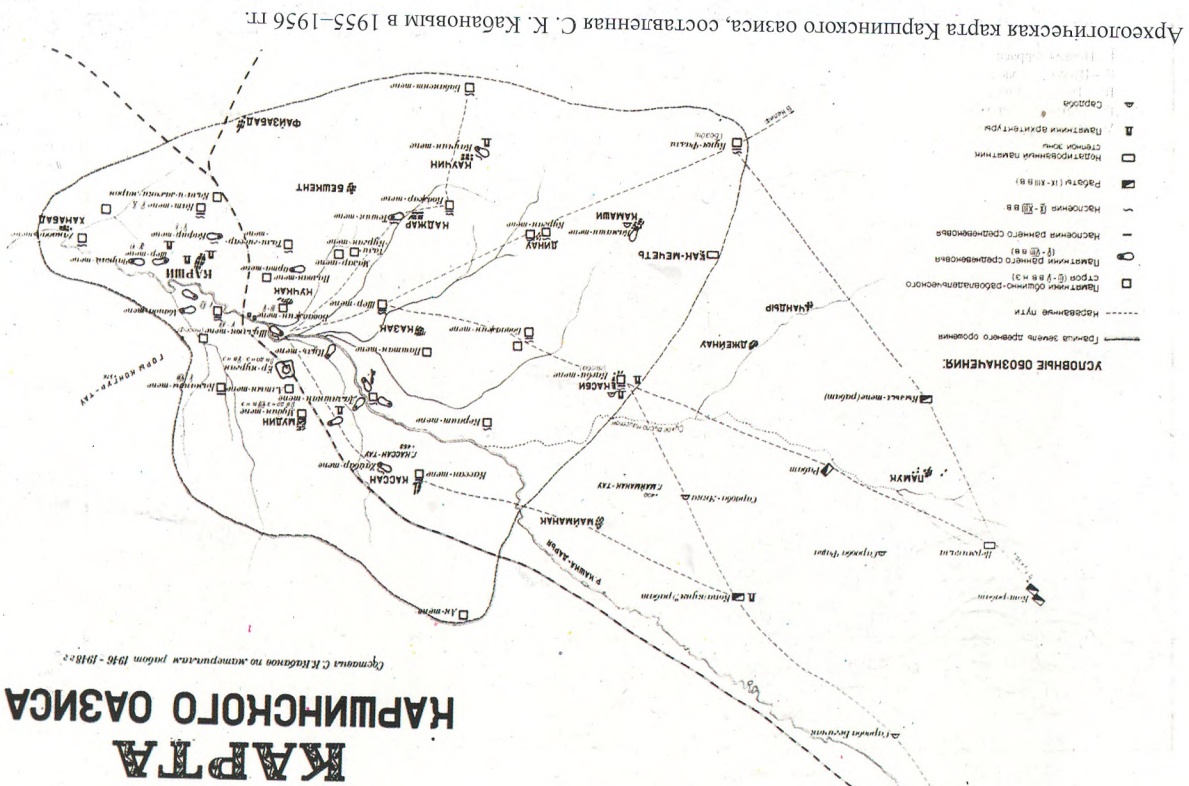

Археологические раскопки С. К. Кабанова на Дагайтена (1956 г.)

КАРТА КАРШИНСКОГО ОАЗИСА

Схема С. Кабанова по материалам 1946-1948 гг.

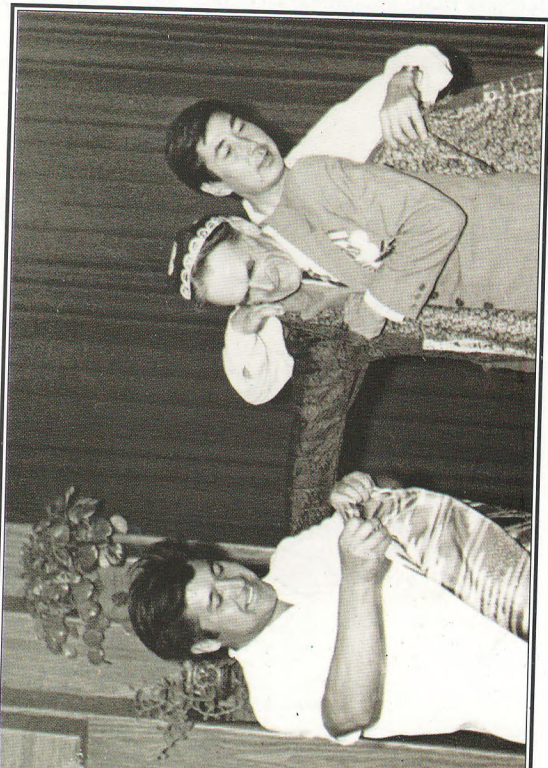
Карта археологических памятников Каршинского оазиса (I-III вв. н.э.). Составитель Р.Х. Сулейманов

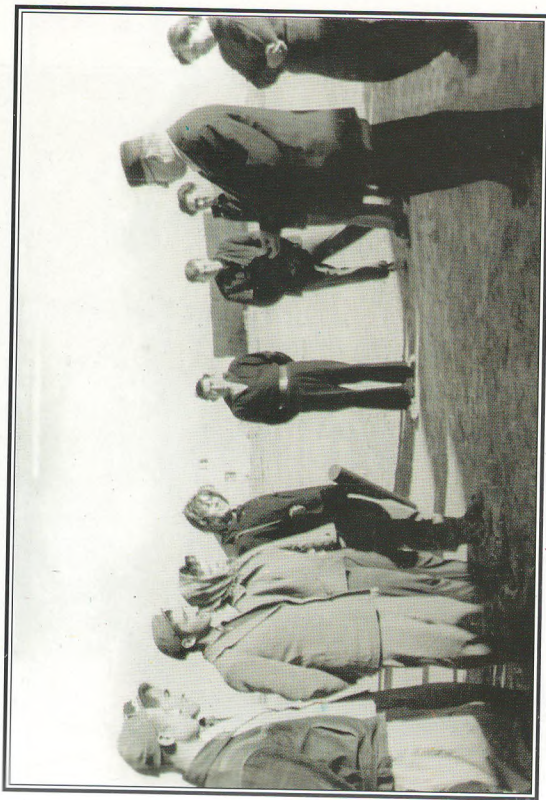

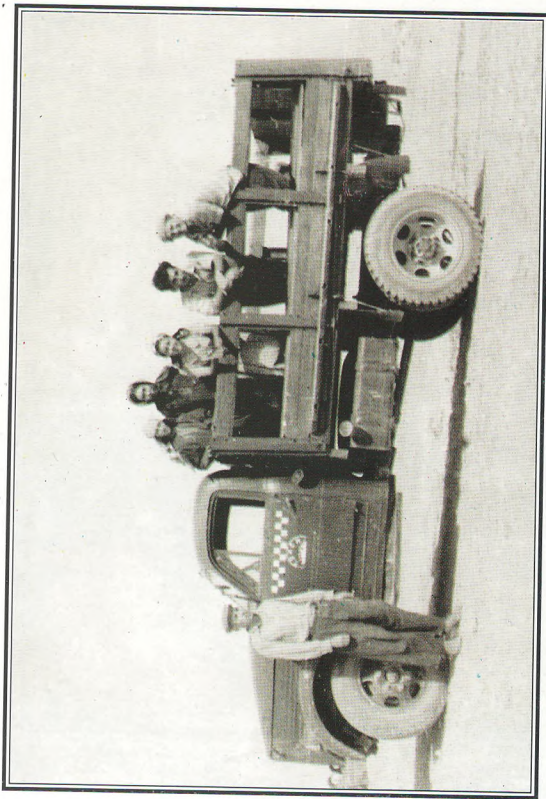
Группа археологов (слева Р.Х. Сулейманов, У. Исламов, Ю.Ф. Буряков) 1979 г.

Юбилей С. К. Кабанова (А. Абдураззаков. 1987 г.)

М. Е. Массон с членами экспедиции КАГЭ (пол. 60-г. XX в.)

Члены КАГЭ (пол. 60-г. XX в.)

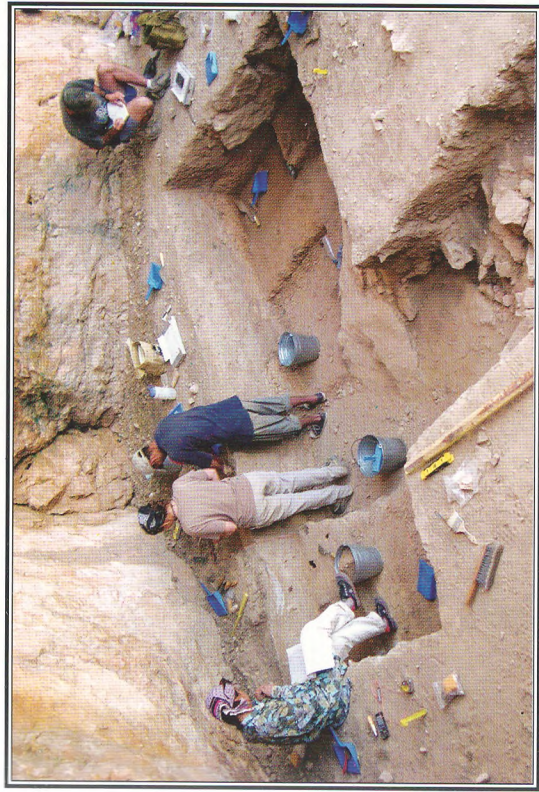

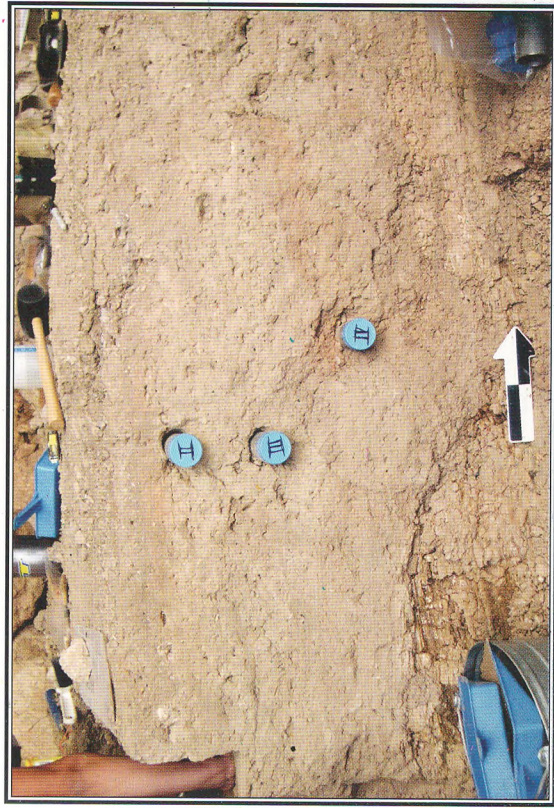
Доцент З. Усманова среди студентов кафедры "Археологии" ТашГУ. 1965 г.

Академик Э. В. Ртвеладзе и доцент З. Усманова

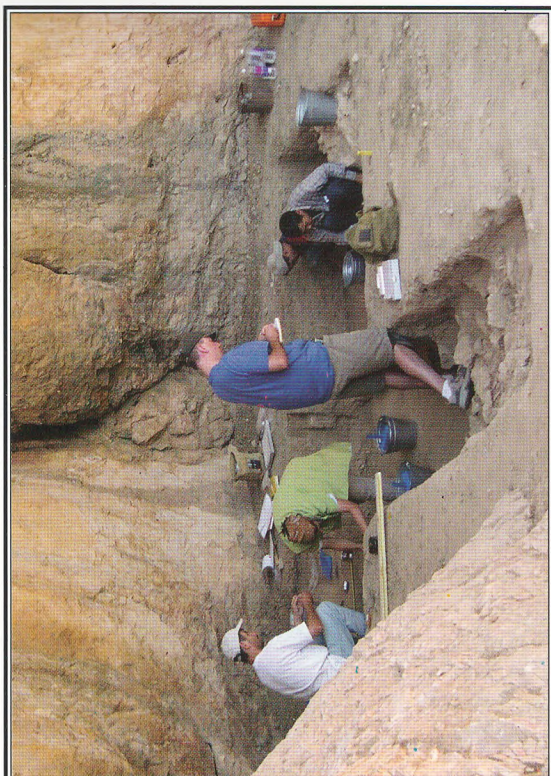

Раскопки на гроте Ангиллак (2003–2004 гг.)

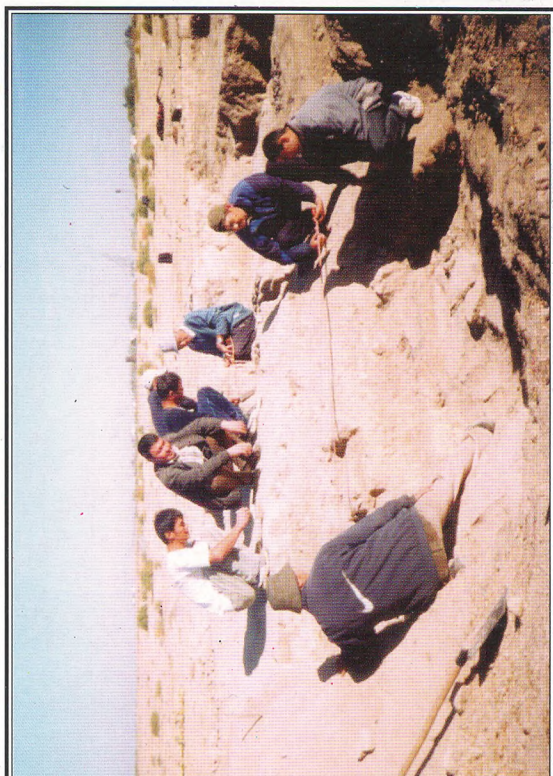

Радиоуглеродный метод выявления археологического
возраста памятников каменного века

Раскопки на гроте Ангиллак (2003–2004 гг.)

Раскопки в городища Шулуқтапа (2005 г.)

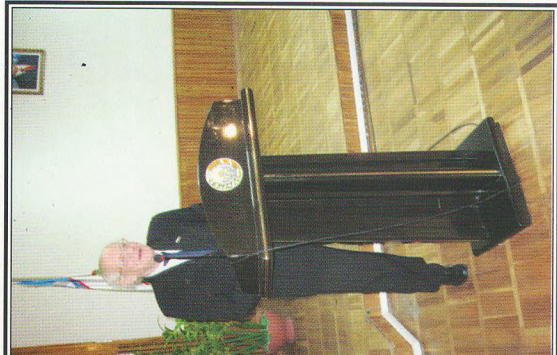

Профессор Р.Х. Сулейманов, проректор НУУз профессор Х.А. Тойчиев,
декан исторического факультета М.М. Хайдаров

Профессор Р.Х. Сулейманов и профессор Д.А.Алимова

Академик Э.В. Ртвеладзе

Академик Ю.Ф. Буряков

Академик А.А. Аскаров

ды, то во втором появляются сделанные на кругу цилиндрические хумы, а в третьем посуда, сделанная на кругу, уже количественно преобладает над лепной²⁰⁹.

Предварительно комплексы Даратепа были датированы в пределах VII – IV вв. до н.э., хотя не исключалось, что само поселение сформировалось несколько раньше.

В целом, данные, полученные в ходе изучения поселений Кайрагачского и Гульдарьинского культурно-хозяйственных районов, свидетельствовали о развитии в предгорной части долины Кашкадарьи двух направлений хозяйства. Земледельческо-скотоводческое хозяйство с ирригационным и богарным земледелием, выгонным скотоводством и прочной оседлостью было характерным для населения Даратепа и Кайрагачтепа 1. Материалами, свидетельствующими о преобладании скотоводческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства, характеризовались Курганча, Туртбурчактепа 1 и Самантепа 3²¹⁰.

Археологические разведочные работы в предгорьях Яккабага значительно дополнили материалы переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннежелезному веку, полученные ранее в других районах области, и позволили говорить о существовании не менее чем 5 культурно-хозяйственных районов в бассейне Кашкадарьи в это время: Еркурганского (Еркурган и Караултепа), Кызылдарьинского (Чиракчитепа и Джартепа 2), Танхаздарьинского (Янгитепа, Джартепа 1, Сарайтепа 1, 2, 3), Кайрагачского (Даратепа, Кайрагачтепа 1, Самантепа 3, Туртбурчактепа 1, 2, 3, Кузатепа), Гульдарьинского (Курганча и Бешкутантепа). Древнейшими из вышеперечисленных поселений являлись Янгитепа, Чиракчитепа, Еркурган и Даратепа.

2) античные памятники исследовались Н.И. Крашенинниковой. Работы на цитадели и территории городища Каландартепа показали, что античный город Сусе был административным, военно-политическим, культурно-идеологическим, культурным и торгово-ремесленным центром. Его окружала крепостная стена с внутренней стрелковой галереей и подошвенными камерами; в

²⁰⁹ Садуллаев А.С. Поселение раннежелезного века... – С. 154–161.

²¹⁰ Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную пору // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Т.: 1979, – С. 56–58.

Комплексной геолого-геофизической экспедицией объединения «Ташкентгеология» проводила рекогносцировочные обследования юго-западных отрогов Гиссарского хребта на территории селений от Татаркишлака до Кельтикуль – на правом берегу р. Кызылдары (Яккабагский район). Целью этой разведки было выявление металлургических пунктов вблизи известных древних рудников, работавших на базе полиметаллических месторождений: Закша, Чекменькуйды, Уалсах, Вуары, Кульдарьинский, Сулукум и др.²¹⁵

В ходе работ на юго-восточной окраине Кельтикуля были выявлены два шлаковых поля, на одном были найдены и собраны керамические материалы XIII – XIV и XV вв., на втором – раннесредневековая керамика и фрагменты посуды X – XI вв.²¹⁶ Главными отличиями горного и металлургического промыслов IX – XII вв. от предшествующего периода были: а) значительное углубление горных выработок – до 45 м и ниже (Тутакага, Закша, возможно Сангардак);

б) параллельно с легкодоступными сидеритами велась откачка трудоемких магнетитов – гематитовых железных руд (Тутакага); в) значительно большая концентрация металлургического производства, выявлена например, у кишлаков Чит и Таллы;²¹⁷

Таким образом, все эти материалы, в целом, свидетельствовали о том, что местные рудники функционировали, по крайней мере, с периода раннего средневековья и вплоть до XV в. Вместе с тем, в IX – XII вв. в горах Кеша расширяется перечень добывавшихся полезных ископаемых, например, за счет ртутного месторождения. Нарастают и объемы работ с вводом в эксплуатацию таких объектов, как Тутакага, Чекменькуйды, Сангардак.

В конце 70-х гг. выходит книга архитектора Л.Ю. Маньковской, посвященная рядовым и уникальным средневековым и позднее средневековым архитектурным памятникам Кашкадарьи. Она являлась первым сводным путеводителем по Кашкадарьинской области, содержащим сведения о топографии, истории, специ-

²¹⁵ Прутер Е.Б., Тихомиров В.М. Работы по изучению древнего горного промысла Узбекистана // АО 1977 года. – М.: 1978. – С. 534.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Прутер Е.Б. Горный промысел Южного Согда – Кеша... – 24 с.

альце стен располагались крупные административные здания с колоннами и ремесленные кварталы²¹¹. В поздней античности цитадель города запустела и вновь обживается в южной части в раннем средневековье. Большое количество керамики VIII – IX вв. и зрелый полный отсутствием посуды X в. позволило археологически подтвердить свидетельства Ибн Хаукаля о запустении шахрстани и цитадели Кеша в первой половине X в.²¹²

3) изучение памятников раннего средневековья проводились Я.Я. Дресвянской. В Камашинском районе один из отрядов экспедиции под руководством Г.Я. Дресвянской начал стационарные археологические раскопки на Сигиртепа у кишлака Таяклы. Раскоп был заложен в верхней части памятника. В ходе раскопок были открыты 7 помещений, 6 из них имели бытовое назначение, «однокультурное»²¹³. Керамические материалы и конструктивные элементы позволили датировать сооружение в целом IV – VI вв., тогда памятник представлял собой кешк, принадлежащий довольно крупному феодалу. В то же время, находки отдельных черепков в посуду давали основание полагать, что обживание памятника началось еще в III – I вв. до н.э.

4) историю средневекового градостроительства изучала С.Б. Лунина. Работы С.Б. Луниной позднее были обобщены в монографии²¹⁴.

5) исследованием средневековых керамических материалов занималась Н.П. Столярова. В ходе исследования, на основе строго классифицированного материала, осуществлена хронологическая типологическая классификация керамики, с выявлением комплексов парадной и бытовой посуды;

6) Б.Д. Кочневым были собраны и систематизированы нумизматические находки из Кашкадарьи, относящиеся к периоду правления Саманидской и Караханидской династий.

7) Е.Б. Прутер начал изучать древние горные рудники долины Кашкадарьи. Археологическая экспедиция ТашГУ совместно с

²¹¹ Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в титановую пору... – С. 56–58.

²¹² Её же: Изучение цитадели Кеша // АО 1977 года. – М.: 1978. – С. 527.

²¹³ Дресвянская Г.Я. Работы на Сигир-тепе // АО 1977 года. – М.: 1978. – С. 4.

²¹⁴ Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII – XII вв. – Ташкент: Фан. 1984.

фике архитектурных памятников, расположенных в городах и в сельской местности²¹⁸.

В начале 80-х гг. археологические исследования в верхней части долины Кашкадары продолжались. После изучения анатомического и раннесредневекового города на территории Китаба основные исследования закономерно акцентируются на территории Шахрисабза. Здесь для выяснения этапов развития городских частей делались зачистки и закладывались шурфы. Ценным открытием явилось выявление культурных напластований VII – VIII вв., дата которых подкреплялась монетными находками²¹⁹. Это говорило о наличии основы для последующего перемещения города на новое место в эпоху развитого средневековья.

Так, с 1982 г. начались археологические работы на Баландтепе, расположенном к северу от крепостных стен Шахрисабза. Турфами и раскопом было выяснено, что памятник стоял на ошной платформе из пахсы и сырца²²⁰. Строительные приемы, использовавшиеся при возведении объекта, находили аналогии в раннесредневековой архитектуре Центрального Согда и ача²²¹.

Следует вспомнить, что еще в 50-ые гг. на восточном берегу имкурганского водохранилища С.К. Кабановым были отмечены памятники раннежелезного века, которые в 1972 г. повторно обследовала З.И. Усманова. Следующим важным шагом в изучении древностей этого периода стало обнаружение в 1979 г. С.С. Сагдуллаевым ряда объектов IX – IV вв. до н.э. в двух древних культурно-хозяйственных районах-оазисах Кайрагачском и ульдарьинском. С начала 80-х гг. исследование памятников таинственного рода стало еще более интенсивным. В 1981–1984 гг. отряд И. Крашенинникова в среднем течении р. Шуробсай выявил первый древнеземледельческий микрооазис с памятниками первой

²¹⁸ Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадары...

²¹⁹ Усманова З.И., Столярова Н.П. К стратиграфии средневекового Шахрисабза // Сб. науч. тр. ТашГУ. Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. – Т.: 1987. – С. 35–47.

²²⁰ Усманова З.И. Раскопки в Шахрисабзе // АО 1982 года. – М.: 1984. – С. 483.

²²¹ Усманова З.И., Бахшиян Э. Баландтепе в Шахрисабзе // Сб. науч. тр. ТашГУ. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. – Т.: 1988. – С. 54.

половины I тыс. до н.э. – Подаяктапе, Сангиртепа и Узункыр²²². С этого момента особое внимание кафедры археологии начинают уделяться раскопкам именно памятников, связанных с первыми шагами земледельческого освоения Восточной Кашкадары.

Городище Узункыр площадью около 70 га с южной, западной и восточной сторон было обнесено мощными крепостными стенами. Северной границей являлась р. Шуробсай, вдоль русла, которой кое-где сохранились остатки крепостного вала (к сожалению, в данный момент городище полностью распахано). В ходе археологических раскопок крепостных стен (по раннему строительному этапу) были выявлены внутристенные коридоры, башни, снабженные, как и стены, по внешнему фасаду выступами – пилястрами, бойницы стрельчатых очертаний²²³. Все это свидетельствовало об особом местном строительском традициях, испытывавших, возможно, влияние передневносточного импульса, ведения мощной фортификации²²⁴.

Изучение городища Узункыр и расположенных рядом Сангиртепа, Подаяктапе, а также ряда поселений сельского типа привело к выводу исследователей о том, что именно здесь, по среднему течению Шуробсай, располагался древний центр долины, давший свое название всей области – Наутака. Согласно точке зрения А.С. Сагдуллаева здесь могла располагаться упоминаемая в источниках вторая столица Согда²²⁵. В то же время разведочные работы 1988–1989 гг., а затем и полномасштабные раскопки во второй половине 90-х гг. XX в., проведенные сотрудниками совместной узбекско-французской экспедиции громадного городища Коктепа в Пайарыкском районе Самаркандской области, дали

²²² Лушпенко О.Н. Раннежелезный век Южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского района): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Самарканд, 1998. – С. 10.

²²³ Её же. Крепость Узункыр – на трассе торговых путей // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл. между. сем. ЮНЕСКО. Самарканд, 1–6 окт. 1990 г. – Т.: 1990. – С. 105–106.

²²⁴ Её же. Изучение поселений раннежелезного века в Шуробсайском оазисе // Сб. науч. тр. ТашГУ. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековья. – Т.: 1988. – С. 22–30.

²²⁵ Сагдуллаев А.С. К вопросу о второй столице Согдианы // СА. – 1988. – № 4. – С. 229–230.

м основания считать, что этот город мог быть базилеей Согда, при том, что Самарканд сохранял главенствующую роль в пределах Согдианы на протяжении всего до древне-согдийского периода²²⁶. Все это делает более обоснованной точку зрения о том, что комплекс памятников Шуробсайского оазиса в древности и являлся Наутакой античных авторов.

В ходе широких работ, проводимых в конце 70-х – начале 80-х годов по составлению археологической карты восточной части Кашкадарьи, отдельно была поставлена проблема древних путей, связывающих юг и центр Средней Азии через территорию Южного Согда и функционировавших с древнейших времен. Было указано на связь древних путей в южной части долины и специфики размещения и топографией поселений²²⁷.

Таким образом, изучение поселений раннежелезного века в Восточной Кашкадарье в течение более 30 лет дало возможность более четко представить динамику освоения древнеземельных микрорайонов, охарактеризовать культуру этого времени, поставить вопросы увязки археологических материалов с данными письменных источников, рассмотреть систему древнейших путей, связывающих южные и центральные районы региона. Все это нашло отражение в докторской диссертации А.С. Сагдуллаева²²⁸.

Существенный вклад в изучение средневековых городов и сельских поселений Кашкадарьинской области был сделан С.Б. Луниной. Ею была разработана проблема урбанизации Южного Согда в VIII – XII вв., на основе археологических материалов

²²⁶ Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Т.: 2002. – С. 226.

²²⁷ Сагдуллаев А.С. Древние пути на юге Узбекистана // ОНУ, – 1981. – №7. – С. 33–38; Дресвянская Г.Я. Южносогдийские трассы Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл. между. сем. ЮНЕСКО. Самарканд, 1–6 окт. 1990 г. – Т.: 1990. – С. 56–58; Сагдуллаев А.С. К эволюции древнейших путей на юге Средней Азии // На Среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. – Т.: 1990. – С. (указ. книге.). – С. 101–105.

²²⁸ Сагдуллаев А.С. Оселдые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика).: Автореф. дис... докт. истор. наук. – М.: 1989. – С. 45.

были выделены типы городов, представлен анализ их функций и динамики развития, связь их с сельскими поселениями. Эта работа завершилась изданием в 1984 г. монографии, значительное место в которой отводится изучению экономики и городского ремесла, чертам быта и идеологии населения области²²⁹.

При этом отдельной темой стало изучение уникальных согдийских оссуариев, найденных во время раскопочных и маршрутных работ на территории Восточной Кашкадарьи членами КАГЭ²³⁰. Г.А. Пугаченкова отметила, что сюжеты, изображенные на этих оссуариях не имеют аналогий ни с чачскими, ни с семиреченскими. При отсутствии архитектурных элементов, им присущи культурно-ритуальные изображения²³¹. Г.Я. Дресвянская, возглавлявшая изучение проблемы раннесредневековой культуры Южного Согда, провела большую работу по районированию памятников, их классификации, датировке. Большое внимание было уделено, в частности, вопросам древних верований населения Средней Азии²³².

Необходимо также отметить работы, посвященные изучению художественной керамики эпохи развитого средневековья Кашкадарьи, опубликованные Н.П. Столяровой²³³.

Благодаря работам Е.Б. Пругера Восточная Кашкадарья оказалась одной из наиболее хорошо изученных областей в плане развития древнего и средневекового горного дела²³⁴.

Проведенные Х.С. Султановым археологические работы по линии Узбекского научно-исследовательского и проектно-исследовательского института консервации и реставрации памятников культуры и археологии, завершились диссертацией на тему «К

²²⁹ Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII – XII вв. – Т.: 1984. – С. 3–7.

²³⁰ Дресвянская Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // ОНУ. – 1983. – № 3. – С. 43–46; Лунина С.Б., Столярова Н.П. Оссуарии из Хантепа // ОНУ. – 1993. – № 3. – С. 46–48.

²³¹ Pugachenkova G.A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of Asia Institute. New Series. Vol. 8. – Michigan, 1994. – P. 227–243.

²³² Дресвянская Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // ОНУ. – 1983. – № 3. – С. 43–46; Лунина С.Б., Столярова Н.П. Оссуарии из Хантепа // ОНУ. – 1993. – № 3. – С. 46–48.

²³³ Столярова Н.П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса XI – нач. XIII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Т.: 1985. – С. 22.

²³⁴ Усманова З.И. Кафедре археологии ТашГУ–50 лет... – С. 11–12.

истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза IV – XV вв. (по археологическим данным)». Работы КАТЭ дали возможность выявить общую канву формирования городских центров в районе Китаба и Шахрисабза и подтвердить, что уже в IX – III вв. территория последнего активно застраивается, прямым свидетельством чему являлись мощные архитектурные остатки, открытые под мечетью Кук Гумбаз и мавзолеем Шамсиддина улияла²³⁵. Таким образом, сюда, в район Шахрисабза переносится многоименная столица Кеша, здесь развивается город с большим экономическим и культурным потенциалом, неоднократно упоминаемый в трудах арабских географов и историков²³⁶.

Результаты этих многолетних археологических работ КАТЭ нашли отражение в ряде специальных исследований²³⁷.

3.2. Деятельность Кашкадарьинской археологической экспедиции в Каршинском оазисе

С начала 70-х гг. XX в. археологические исследования в Каршинском оазисе разворачивают и отряды Института археологии. Т.Р. Агзамходжаев начинает археологические раскопки в шлаке Мирмиран в 5–6 км к югу от г. Карши. На его южной окраине были изучены поселения Коштепа 1, 2, 3. На Коштепа был заложен разведочный раскоп. Исследователь памятника пришел к выводу, что это отдельно стоящее капитальное здание существовало во II – III вв. н.э. На Мирмирантепа был заложен раскоп, раскрывший жилой комплекс с двумя уровнями обживания: III – IV вв. н.э. и XI – XIII вв. Жизнь на этом памятнике прервалась в связи с завоеванием монголов²³⁸.

Археологические раскопки на Коштепа 2. Выявили в южной части поселения крупного жилого массива. Полностью или частично открыли 26 помещений²³⁹. Весь материал укладывался в археологические рамки III – V вв. н.э.²⁴⁰ Продолжение работ на

²³⁵ Шахрисабз... ч. 2. – С. 56–57.

²³⁶ Там же: – С. 126.

²³⁷ Массон М.Е. Столичные города...; Лунина С.Б. Города Южного Согда...; Гер Е.Б. Горный промысел Южного Согда...; Шахрисабз...

²³⁸ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 1–4.

²³⁹ указ. архив, ф. 3, оп. 1, д. 37, л. 1–6.

²⁴⁰ указ. архив, ф. 3, оп. 1, д. 36, л. 1–3.

Коштепа 3 дало обильный керамический материал I в. – XI – XII вв. н.э. и, самое интересное, показало существование в самых нижних слоях захоронений или поселения эпохи поздней бронзы²⁴¹.

В кишлаке Губдин С.К. Кабановым и Т.Р. Агзамходжаевым было обследовано городища Таллисортепа. С оборонительными стенами высотой до 6 м. В северо-западном углу цитадели был заложен раскоп. Около разреза оборонительной стены была вскрыта небольшая комната с паховыми стенами. Фрагменты поливной керамики со светло-голубой глазурью, находящиеся аналогии в посуде Калаи-Кахка, позволили датировать постройку X – XII вв.²⁴²

В ходе археологических работ на цитадели Таллисортепа (Б.Д. Кочнев) в 1977 году была завершена расчистка помещения VIII в., которое атрибутировалось как домашнее святилище огня. В комнате сохранились остатки бордюра, украшенным резьбой по ганчу в виде стилизованного растительного узора. К югу и северу от святилища были найдены целые и фрагментированные декоративные кирпичи. На территории цитадели был найден кусок обгоревшего резного дерева VII – VIII вв. н.э., на котором сохранился портрет знатного персонажа с тюркскими чертами лица. Исследователи предположили, что он мог принадлежать правителю Губдина, правившему накануне арабского завоевания²⁴³.

Опираясь на полученные данные, исследователи Таллисортепа пришли к выводу, что оно представляет собой упоминавшийся в источниках город Губдин – один из центров Каршинского оазиса на пути из Несефа в Келиф²⁴⁴. Поселение на месте цитадели возникло в I в. н.э., в VI – VII вв. н.э. шахристан был обнесен крепостной стеной с тремя воротами; неукрепленный рабад в 20 га стал заселяться в IX в., а в X – XII вв. сюда переместился центр городской жизни (по последним данным, территория рабада достигала почти 50 га²⁴⁵). Изучавший историческую географию Южного

²⁴¹ указ. архив, ф. 3, оп. 1, д. 34, л. 1–4.

²⁴² указ. архив, ф. 3, оп. 1, д. 34, л. 4.

²⁴³ Кочнев Б.Д., Рузанов В.Д. Раннесредневековое резное дерево из Таллисортепа // ОНУ. – 1973. – № 4. – С. 59–60.

²⁴⁴ Камалидинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана... – С. 59.

²⁴⁵ Лунина С.Б. Города Южного Согда... – С. 24–25.

гда по арабоязычным источникам Ш.С. Камалиддинов, обратил внимание на то, что несмотря на отсутствие упоминания бдина в источниках IX – X вв., такое название носили одни из оодских ворот Насафа. Они выходили на караванный путь, ведущий к этому важному торгово-ремесленному центру²⁴⁶. Город одолжал частично обживаться и после монгольского завоевания.

Таким образом, полностью исследован уникальный памятник йкрылганкала (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), со своеобразной сложной планировкой – фортификацией, культовые и жилые функции. В Согде ключевыми памятниками в понимании особенностей того периода остаются Афрасиаб и Талибарзу в Самаркандском айсе, Бухара, Пайкент и Варахша в Бухарском оазисе, в долине шкадары – Еркурган, Каландартепа (г. Китаб).

В Сурхандарье археологические работы велись и ведутся на Дальварзинтепа, Халчаене, Джандавлятепа, Зартепа, язтепа, Каратепа, Чингизтепа, Старом Термезе, Кампыртепа, паллитепа, Айртаме, Кучуктепа, Талашкантепа и других поселениях. Здесь работали М.Е. Массон, Л.И. Альбаум, А.А. Асканияз, Г.А. Пугаченкова, А.С. Сагдуллаев, Б.Я. Ставиский. Их работы совместно с иностранными сотрудниками продолжают Э.В. Зеладзе, Ш. Пидаяев, Ш. Рахманов, Ш. Шайдуллаев и др.

Активно изучались на территории Узбекистана города, замки, дьбы, поселения эпохи раннего средневековья. Это Варахша – на из резиденций бухархуладов, с замечательной структурой жилого ргала и отдельного домовладения.

1. Роль ремесленных производств и торговли в формировании жилых кварталов древнего Согда.

2. Фортификация древнесогдийских городов Нахшаба, особенности приемов их обороны, основные элементы оборонительных ружений и их роль в развитии города.

3. Изучение сельских поселений древнего Нахшаба²⁴⁷.

Работы по картографированию и фиксации всех поселений и одов Каршинского оазиса позволили в дальнейшем системно одойти к установлению роли центрального города Нахшаба в

²⁴⁶ Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и аристана... – С. 59–60.

²⁴⁷ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... – С. 8.

социально-поселенческих структурах древнесогдийского общества в целом.

Большая часть городища Еркурган представляет собой систему холмов остатков городской архитектуры общественного, жилого и производственного назначения²⁴⁸. Городище в разные годы неоднократно обследовалось, что нашло отражение в монографиях, отчетах и статьях²⁴⁹.

Важным объектом изучения экспедиции стал – «восточный холм», который, как представлял собой руины городского храма. Заложенный здесь раскоп показал, что на вершине холма находилась целла большого городского храма, возведенного приблизительно в III вв. н.э. и окончательно запустевшего в VI в. н.э. Была вскрыта значительная часть центрального святилища храма. В стенах отмечены большие и малые ниши, перекрытые циркулярными арками, а в центре южной стены был открыт широкий вход.

В ходе раскопок был обнаружен комплекс культового инвентаря: керамические сосуды для ритуальных возжиганий и воскурений, разнообразные курильницы на ножке, светильники в виде крупной лепной чаши с крупной петлевидной ручкой жаровни, бронзовые зеркала, отдельные ювелирные изделия. Исследователи пришли к выводу, что храм был посвящен женскому божеству. При каждой перестройке раскрашенные глиняная фигура божества разбивалась и обломки их замуровывались в кладке стен, суф и полов.

В стратиграфическом шурфе, заложенном на храмовом комплексе, было выявлено, что под этим зданием верхнего строительного горизонта залегали нивелированные остатки более ранних зданий также храмового характера.

В северо-восточной части городища, исследовался квартал керамистов впервые обследованный С.К. Кабановым в 1947–1948 гг. Заложенный в центре квартала раскоп № 5 выявил по верх-

²⁴⁸ Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV – V вв. из Южного Согда // ИМКУ. 1977. Вып. 13. – С. 65–69.

²⁴⁹ Кастание И.А. Археологические разведки в Бухарских владениях... – С. 26–42.; Зимин Л.А. Нахшеб. Несеф. Карши... – С. 197–214; Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья... – С. 136; Тереножкин А.И. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана // ВДИ. – 1947. – № 2. – С. 185–191.

му уровню помещения и коридор, обжигательные печи, много
граммики и монеты нахшабского чекана V – VI вв.²⁵⁰

В 1974 г. на различных участках Еркургана были заложены
шесть раскопов, изучение оборонительных стен велось на семи
частках. Во всех разрезах внутренней оборонительной стены
выявлена первоначальная кладка из крупного сырца, фор-
мита, считавшегося характерным для середины I тыс. до н.э.²⁵¹

Большие работы по изучению оборонительных сооружений
Еркургана с 1975 г. проводились М. Турбековом. В южной части
городища им были вскрыты остатки внешней стены I в. до н.э.
ритмически повторяющимися башнями радиусом более 5 м из
очень прочной хорошо промешанной пахсы²⁵².

В юго-восточном углу внутреннего вала стен раскапывалась
атадель городища, верхние наслоения которой состояли из ран-
невековых отложений²⁵³.

Два разреза были заложены на бастиине внутренней крепост-
ной стены Еркургана, до раскопок имевшем вид оплывшего кону-
видного бугра с усеченным верхом. В разрезах были выявлены
и строительных периода, обнаружено большое количество ке-
мики. Материалы были распределены на два комплекса: V – VI
н.э. и VIII – IX вв. Нижний находил аналогии в керамике V –
II вв. н.э. городища Афрасиаб, V – VI вв. н.э. Тали-Барзу, IV,
VI вв. н.э. Калаи Захоки Морон и III – VI вв. н.э. поселений
жюного Согда²⁵⁴.

Продолжение раскопок городского храма Еркургана выявило
строительных периодов здания. Были получены образцы сю-
тной полихромной настенной живописи, обнаружилась фраг-
нты ганчевой позолоченной и расписанной глиняной скульпту-
ры. Особый интерес представляет фрагмент одной из наиболее
упных скульптур – ярко раскрашенного женского лица в нату-
ре²⁵⁵.

Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально-культурной
амики IV – V вв. из Южного Согда... С. 65–69; Исамиддинов М.Х.,
ейманов Р.Х. Еркурган...

²⁵¹ Сулейманов Р.Х., Исхаков М., Турбеков М., Нефедов Н.Ю. Раскопки на
одии Еркурган // АО 1974 года. – М.: 1975. – С. 513–514.

²⁵² Там же.

²⁵³ Турбеков М. Цитадель Еркургана // ИМКУ. 1982. Вып. 17. – С. 51–60.
²⁵⁴ Турбеков М. Раскопки бастиины внутренней крепостной стены Еркургана
ИМКУ. 1981. Вып. 16. – С. 36–44.

ральную величину. На поверхности западной колонны был обна-
ружен ряд символических знаков, нанесенных черными линиями
по красному фону, а также две силуэтные фигуры дароносцев,
обращенных лицом к алтарю²⁵⁵.

В северо-западной части города, между его внутренним и
внешним валами были начаты раскопки холма протяженно-
стью 70 м и высотой 7 м. Результаты работ на раскоп 3 показав-
ли, что это была городская зороастрийская дахма²⁵⁶, представ-
лявшая собой в верхней части монолитное, прямоугольное,
башнеобразное сооружение размерами 34х23 м, возведенное
из сырцового кирпича и глины. Южный и восточный фасады
башни, обращенные к городу, были оформлены частыми пи-
лястрами. По определению Р.Х. Сулейманова, дахма функцио-
нировала во II в. до н.э. недолго и вскоре была тщательно
замурована, благодаря чему прекрасно сохранилась в нижней
части²⁵⁷.

На Р-5, в квартале керамистов (М.Х. Исамиддинов) в от-
вале керамической мастерской была получена обширная серия
образцов посуды I в. н.э.: бокалы, чаши, кубки, блюда. Для
получения исчерпывающих данных о керамических комплек-
сах городища фиксация материала велась по микрослоям²⁵⁸. В
квартале керамистов был заложен еще один раскоп (Р-13), в са-
мой нижней части которого были найдены фрагменты лепной
крашенной керамики известной по таким памятникам раннего
железного века как Язтепа и Кучуктепа и датируемые IX – V вв.
до н.э. Вместе с находками из Р-5 его материалы позволили
проследить этапы развития керамических форм и комплексов
Еркургана от эпохи поздней бронзы до периода раннего сред-
невековья. Эти находки уже тогда указывали на почтенный
возраст Еркургана насчитывающий не менее 2700 лет. М.Х.
Исамиддиновым впервые для западной части Южного Согда

²⁵⁵ Сулейманов Р.Х., Исхаков М., Турабеков М., Нефедов Н.Ю. Раскопки на
городище Еркурган... – С. 536.

²⁵⁶ Сулейманов Р.Х., Исамиддинов М.Х., Сабиров К., Нефедов Н.Ю. Раскопки
на городище Еркурган... – С. 513–514.

²⁵⁷ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... – С. 115.

²⁵⁸ Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового
керамического производства Нахшаба. – Т.: Изд-во народного наследия имени
А. Кадыри, 2000. – С. 28–29; Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, л. 39, л. 15–17.

ла разработана дробная периодизация развития керамических комплексов²⁵⁹.

Детальное сопоставление керамики Бактрии и Согда, позволило проследить развитие этнокультурных связей между областями²⁶⁰.

В ходе раскопок на Р-5 был найден оттиск печати на фрагменте конусообразной формы из полубоженной глины. В центре имелось изображение, профиля человека, а по периметру располагалась надпись согдийским письмом. Она была прочитана Исаковым как часть имени владельца печати и передается в транслитерации – «Ануш» – корень, от которого происходят многочисленные древние имена собственных типа Ануширван, Анушанча, Ушбам и др. «Ануш» встречается также в нарицательном значении – «бессмертный», «счастливый». По палеографии надпись ировалась в пределах V – VI вв. н.э., что соответствует последнему этапу жизни городища²⁶¹.

Археологические работы 1974–1975 гг. на городище Еркурган позволили уточнить периодизацию и время жизни города. Было установлено, что этот самый ранний столичный центр буханского оазиса возникает в IX – VII вв. до н.э., достигает максимального расцвета в эпоху хонитов и эфталитов в IV – VI н.э. и в VI в. гибнет в огне пожара, после чего жизнь на нем ирает. Лишь в VIII в. н.э. некоторые части города обживаются заново обустраиваются. На месте бастиона строится круглое укрепленное сооружение со служебными помещениями, которое Х в. служило наблюдательной вышкой средневекового Несефа, это было, например, в системе бухарского Кампирдувала и в средневековом Хорезме²⁶². Б.Д. Кочнев с целью изучения средневекового Несефа начинает раскопки на городище Шуллактепа.

Исамидинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового мимического производства Нахшаба...

Исамидинов М.Х. Стратиграфия Еркургана и некоторые вопросы этнокультурных связей Согда и Бактрии в античное время // Античная культура древней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Т.: 1979. – С. 54.

Исаков М. Оттиск печати с согдийской надписью // ОНУ. – 1983. – № 1. – С. 43–44.

Турбеков М. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана МКУ. 1981. Вып. 16. – С. 36–39.

В этом месте Кашкадарья образует излучину, почти в центре, которой на левом берегу реки находится цитадель средневекового Нахшаба высотой 28 м. Вокруг неё расположен шахристан с четырьмя воротами; почти вся обширная площадь излучины реки занята развалинами рабада.

Во всех перечисленных частях городища были заложены раскопы, установленные, что арк возник в III – IV вв. н.э., шахристан в V – VI вв. обжился частично, а в VII – VIII вв. уже имеет мощные стены; с этого же времени начал складываться рабад, который в IX в. достигает площади не менее 150 га²⁶³.

В это время начинаются активные работы на Шуллактепа. В юго-восточной части шахристана Б.Д. Кочневым были обнаружены остатки раннесредневекового здания с мощными колоннами, сложенными из жженого кирпича и покрытыми ганчевой штукатуркой. В шахристане и рабаде были обследованы многочисленные колодцы из жженого кирпича, относившиеся к X в. В шахристане были найдены фрагменты припас керамики в рабаде – металлические изделия и шлаки, что позволило исследователю сделать вывод о наличии квартала керамики на территории шахристана, а в 50 м к северо-востоку от него – обширного квартала металлостов.

В целом, раскопки показали, что наибольшего расцвета Несеф достиг в X – нач. XIII вв., а его запустение связано с монгольским завоеванием. В XVIII в. на месте арка была восстановлена крепость и вплоть до XIX в., когда территория городища была окончательно заброшена, обжился лишь эта крепость и холм, примыкающий к ней с северо-востока²⁶⁴.

Наряду с раскопочными работами осуществлялись и маршрутные проезды в зоне II очереди освоения Каршинского оазиса. Было обследовано 83 памятника, датированные по подпольному материалу античным временем, ранним и развитым средневековьем²⁶⁵.

Таким образом, уже первые сезоны работ Кашкадарьинской экспедицией ИА АН УзССР позволили решить ряд вопросов по истории Южного Согда. Проведенные за указанный период ар-

²⁶³ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 39, л. 15–17.

²⁶⁴ Кочнев Б.Д. Исследования средневекового Несефа // АО 1974 года. – М.: 1975. – С. 501.

²⁶⁵ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 39, л. 4–39.

еологические работы в нижней части долины Кашкадарьи еще более расширили круг изученных археологических памятников, были более четко установлены культурные связи древнего населения Нахшаба и Кеша с другими областями Средней Азии.

В дальнейшем были доведены до материка раскопки на городище Еркурган в квартале керамистов. Отсутствовала керамика раннего периода, в том числе, лепной чаши с вертикальным бортиком, коричневым черепком и примесью мелкого шмота позволяли отнести их к кругу форм «поздней расписной керамики» и говорить об обживании участка в эпоху перехода от поздней бронзы к раннему железному веку²⁶⁶. Квартал керамистов функционировал на этом месте в течение более пяти веков: от рубежа н.э. или чуть ранее и до середины I тыс. н.э.²⁶⁷

На Р-16 В.А. Пыриным изучалась городская улица внешнего города Еркургана шириной более 10 м. Раскопки выявили три горизонта наслоений; в верхнем - была обнаружена коллекция монет нахшабского правителя²⁶⁸.

В центре Еркургана, на холме неправильной конфигурации в пределах внутреннего городища в нескольких метрах к западу от амового здания был заложен Р-2, раскрывший жилую застройку (было вскрыто 13 помещений). Наиболее характерными керамическими формами посуды этих жилищ были миниатюрные вазинчики и хумы с валикообразным венчиком, курильницы. Раскопки позволили утверждать, что жилищная часть населения жила внутри города, причем планировка домов имела сходные черты с жилой архитектурой аристократии Бактрии. Основная масса трудового населения, занятая земледелием в округе, жила, по мнению В.А. Пырина, в небольших домах, примером которого может служить сооружение во внешнем городе (Р-15)²⁶⁹.

²⁶⁶ Исамилдинов М.Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // ИМКУ. Т. 17. 1982. - С. 60-77.

²⁶⁷ Сулейманов Р.Х., Исамилдинов М.Х., Нефедов Н.Ю., Туребеков М. Основные итоги раскопок на Еркургани // АО 1976 года. - М.: 1977. - С. 544-545.

²⁶⁸ Нефедов Н.Ю. Жилая застройка Еркургана // ИМКУ. Вып. 18. 1983. - С. 147.

²⁶⁹ Там же.

Большой объем раскопочных работ был проведен и на цитадели городища (Р-8). Были выявлены два строительных периода. В первый строительный период в кладке мощной стене были выявлены бойницы, обращенные внутрь города, что, по мнению исследователей, указывало на существовавший антагонизм в социальной жизни согдийского общества в I в. н.э. Раскопочные работы проводились также по исследованию помещений комплекса второго строительного периода, IV - V вв. н.э. Было установлено, что в северной части цитадели в это время была двухэтажная. В одной из комнат второго этажа в зольнике среди прочих находок был обнаружен фрагмент миниатюрного керамического фриза с оттиснутыми одним штампом мужскими головами. Иконография изображения указывала на сильное влияние позднепарфянского искусства, но в изображении явно читались черты зарождающегося стиля, характерного для раннесредневековья²⁷⁰.

В свое время, в ходе археологической реконструкции по Каршинскому оазису А.И. Тереножкиным среди других памятников было отмечено городище Кафиртепа, расположенное на западной окраине г. Карши²⁷¹. На крепостной стене городища Кафиртепа был сделан разрез, показавший, что она была построена в III - IV вв. н.э. из сырцового кирпича; но на гребне стены отмечались и сырцовые кладки X в.²⁷²

В раскопе на центральном бугре Кафиртепы удалось достигнуть лишь слоев V - VI вв. н.э. В верхнем горизонте XII - нач. XIII вв. были вскрыты 10 помещений со стенами из сырца и пахсы с многочисленными фрагментами резного ганча с раскраской. В ходе работ выяснилось, что территория к северо-востоку от крепости стала обживаться в III - IV вв. н.э., а к востоку и югу от нее - не позднее V - VI вв. н.э.; слои IX - нач. XIII вв. были отмечены только на восточном холме. На распаханной территории к югу от холмов материалы датировались X - XII вв. По мнению Б.Д. Кочнева, здесь располагался квартал керамистов, о чем гово-

²⁷⁰ Сулейманов Р.Х., Исамилдинов М.Х., Нефедов Н.Ю., Туребеков М. Основные итоги раскопок на Еркургани... - С. 544-545.

²⁷¹ Тереножкин А.И. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана // ВДИ. - 1947. - № 2. - С. 185-188.

²⁷² Кочнев Б.Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе // АО 1976 года. - М.: 1977. - С. 528-529.

до прихода арабов исповедовали зороастризм. Выявлены основные фазы динамики обживания Каршинского оазиса. В результате нашествия арабов из 123 поселений Каршинского оазиса в период развитого средневековья жизнь продолжалась только на 59. В IX–XII вв. происходит значительный рост и концентрация населения в крупных укрепленных городах, существовавших с раннесредневекового времени или раньше²⁷⁶. В ходе монгольско-го нашествия многие из них, как и сельские пункты, вновь были разрушены.

Итоги работ в долине Кашкадарьи 60–70-х гг. XX в. были подведены в специальных публикациях, в которых большое внимание уделялось не только памятникам археологии, но и архитектуры, нумизматике, исторической географии²⁷⁷.

Нами уже упоминалась выпущенная в 1973 г. монография М.Е. Массона «Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен», являвшаяся фактически первой крупной публикацией, о древней истории Каршинского оазиса. В 1977 году выходит монография С.К. Кабанова «Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III – VII вв.)», в которой были изложены археологические материалы первых систематических исследований памятников долины в сопоставлении с данными письменных источников. Автор отмечает, что политическая история Нахшаба в период III – VII вв., восстанавливаемая по китайским источникам была весьма сложной, по его мнению, не завоевания определяли ход поступательного развития общества, переживавшего в это время весьма сложный и важный процесс социального преобразования²⁷⁸. С.К. Кабанов (вслед за С.П. Толстовым и М.Е. Массоном) считал, что процессы инновации степной культуры в оседлых оазисах Согда, подтверждают схему К.Маркса, от перепада рабовладельческой формации к феодальной²⁷⁹.

Результаты изучения памятников эпохи раннего железного века, античности, раннего и развитого средневековья также

²⁷⁶ Лунина С.Б. Города Южного Согда... – С. 18.

²⁷⁷ Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи...; Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья...; Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи...

²⁷⁸ Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья... – С. 134.

²⁷⁹ Там же.

яют предметы печного припаса и вскрытая раскопками топочная камера печи для обжига кирпича X в.²⁷³

Во время археологических разведок на территории Нишанского района, в 1,5 км к юго-западу от городища Бабакенттепа были выявлены остатки Караултепа, полностью уничтоженного при строительстве дороги. Здесь была собрана обильная коллекция каменных зернотерок и керамики V – IV вв. до н.э., в которой преобладала сделанная на гончарном круге. Лепная посуда была представлена фрагментами со следами матерчатого шаблона. Этот памятник свидетельствовал о том, что в середине I тыс. до н.э. территория Каршинского оазиса начинает осваиваться уже далеко за пределами Еркургана²⁷⁴.

На городище Еркурган дальнейшие раскопочные работы были сосредоточены на храме, зороастрийской дахме и оборонительных сооружениях. В ходе исследования храма были уточнены периоды его функционирования, в нишах святилища проводилась засчетка настенных росписей. Среди находок храма особое внимание привлекает золотая бляшка – оберг с изображением отрезка оборонительной городской стены со стрельчатой бойницей и 3 башне.

Работы на дахме выявили лестницу в три марша, ведущую на верхнюю площадку, в строительстве которой выделялись два строительных периода²⁷⁵. На южном фасе внутренних крепостных стен городища было выявлено 5 строительных периодов, первые два из которых относились к середине – третьей четверти тыс. до н.э. Широкие прямоугольные башни были построены только в III строительном периоде (II в. до н.э.), а в IV периоде (III – IV вв. н.э.) поверх них на новом обширном цоколе были сооружены полукруглые башни.

Таким образом, проведенные археологические раскопки год за годом добавляли ряд новых сведений о памятниках области эпохи античности, раннего и развитого средневековья. Установлено, что, во всяком случае, часть жителей оазиса VII – VIII вв. являлась носителями согдийской культуры, и, что нахшабцы вплоть

²⁷³ Кочнев Б.Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе...

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Сулейманов Р.Х., Исаков М., Туребеков М., Нефедов Н.Ю. Раскопки городища Еркурган // АО 1977 года. – М.: 1978. – С. 539.

были подведены в специальных исследованиях, в которых отмечались особенности хронологии основных городищ Нахшаба.²⁸⁰ Исследователи Еркургана подчеркивали, что уникальная сохранность этого одного из крупнейших античных городов, позволяет приступить к решению задачи комплексного изучения структуры древнего города Согда, чего не могли дать Самарканд и Бухара силу того, что на них средневековые наслоения перекрывали и уничтожали более ранние.²⁸¹ Исследования на Еркургане дали ценные результаты для периодизации развития его архитектуры и фортификации. На основе дробной стратиграфической периодизации была разработана типология массовых керамических комплексов городища и проведен их сравнительный анализ с материалами других синхронных пунктов Нахшаба и Средней Азии в целом. Рассматривались вопросы организации и технологии горно-арного производства.²⁸² Динамики развития фортификационных систем в Каршинском оазисе исследовалась М. Туребековым на городищах Еркурган, Калаи Захоки Морон, поселения Касантепа (Кафуртепа).²⁸³

Многолетние археологические исследования в Каршинском оазисе М. Туребековым, дал возможность определить этапы возникновения и развития оборонительных сооружений. Так он считал, что Еркурган в VI вв. до н.э. был окружен крепостной стеной из прямоугольных кирпичей; во II в. до н.э. эта стена ремонтируется и утолщается из квадратных сырцовых кирпичей; в IV в. остроена внешняя оборонительная стена длиной 4,7 км, что свидетельствует о бурном росте населения Еркургана.²⁸⁴

²⁸⁰ Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда...; Исамидинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган...; Лунина С.Б. Города Южного Согда...
²⁸¹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 8.

²⁸² Исамидинов М.Х. Керамика Южного Согда в эпоху древности и раннего средневековья: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Ленинград, 1979. — 17 с.; Исамидинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально-культурной керамики... — С. 65–70; Исамидинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба... — С. 6.

²⁸³ Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII – VI вв. до н.э. – VII в. н.э.). — Нукус: Каракалпакстан, 1990. — С. 3.

²⁸⁴ Его же: Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда VII – VI вв. до н.э. – VII в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. — М.: 1981. — 12.

На раннеантичных поселениях Киндиклитета в Каршинском оазисе и Курганча в Гузарском оазисе были проведены раскопки М.Х. Хасановым. Исследование типологии жилой архитектуры поселения Курганча позволял проследить процесс перехода от полуземляночных жилищ к паховым и сырцовым наземным сооружениям. Автор отметил, что тот же процесс отмечен при исследовании других памятников этого времени (Томошатепа, Нуртепа, Хантепа, Кашадепе), хотя до сих пор результаты их не обобщены в единую систему развития урбанизации на разных территориях Средней Азии. Археологические раскопки на Киндиклитета дали возможность определить три этапа обживания. Автор отметил, что памятник дал, пока единственную в Южном Согде последовательность керамических комплексов, находящую аналогию в греко-бактринских памятниках.²⁸⁵

В целом проведенные широкомасштабные археологические работы в долине Кашкадарьи во второй половины 70 – нач. 90-ых гг. XX в. позволили на материальных источниках подтвердить отнесение культуры Кеша и Нахшаба к общесогдийскому культурному феномену с самых первых этапов его формирования.

3.3. Актуальные проблемы изучения истории государства и урбанизации в период независимости

Изучение древней культуры и культуры независимого Узбекистана сегодня является требованием одним из важнейших требований нашей эпохи. Президент нашей республики И.А. Каримов поставил перед историками задачу исторического анализа истории народа с позиций научной объективности и непредвзятости.²⁸⁶ Особое внимание обращается на исследование корней культуры, народных традиций, истории государственно-сти, формирования городов.²⁸⁷

²⁸⁵ Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда.: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1990. — С. 5–7.

²⁸⁶ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / По пути безопасности и стабильного развития. — Т.: Узбекистон, 1998. Т. 6. — С. 82.

²⁸⁷ Его же: Без исторической памяти нет будущего // Свое будущее мы строим своими руками. — Т.: 1999. Т. 7. — С. 36.

Как известно, в годы независимости нашей республики перед историками и археологами были поставлены вопросы изучения истории государственности, урбанизации. В связи, с чем ведутся стационарные археологические работы, во многих древних городах Узбекистана и на сегодняшний день. Независимость дала возможность широкой международной кооперации и привлечения к решению самых различных проблем археологии квалифицированных зарубежных специалистов. Если 20 лет назад пионерами таких исследований были французы, японцы, затем немцы, то теперь партнерами узбекистанских исследователей являются учреждения более десяти стран Европы и Азии. В Узбекистане сейчас работают 14 совместных экспедиций.

В годы независимости в качестве одного из ведущих направлений археологических исследований в Кашкадарьинской области выделились работы по изучению родины Амира Темура в связи с празднованием 660 летнего юбилея. В свое время раскопки велись в Шахрисабзе, дворцовом комплексе Аксарая, погребальных мавзолеях барласской знати и склепе Жахангира, сложения архитектурных комплексов Шахрисабза. Продолжением этой темы явилось изучение торговых и культурных связей Кашкадарьинского оазиса XVI – XIX вв. н.э., находившегося в ее составе Китабского бекства XVIII – XX вв. н.э.

В Мубарекском районе Кашкадарьинская экспедиция ИА АН РУз проводит археологические раскопки на памятниках эпохи Чагатаидов и Темуридов: Занджирсарая, Занджир Думалаке и поселение Утрап²⁸⁸.

Дворец Занджирсарай расположен к западу от селения Кухна-шахар. Со всех сторон он был обнесен паховой стеной, с четырьмя воротами на каждом фазе²⁸⁹. Было найдено большое количество керамики, обломки жженных глазурованных кирпичей, изготовленных здесь, же на месте²⁹⁰.

²⁸⁸ Курбонов Ж., Раимкулов А. Куиш Кашкадарёнинг Темурийлар даври шахарлари // Марказий Осиёда урбанизация жараёнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Тез. тўли. – Самарканд, 1995. – Б. 121–124.

²⁸⁹ Раимкулов А.А. Занджирсарай // Роль города Шахрисабза в мировой истории. Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посв. 2700-летию г. Шахрисабза. – Т.: 2002. – С. 99.

²⁹⁰ Архив ИА АН РУз, ф. 3, он. 1, д. 105, л. 4–5.

Кроме того, в 4–4,5 км к северо-востоку от современного г. Мубарека был изучен городок XIV – XV вв. состоящий из десятков холмов общей площадью 20–25 га без оборонительных стен.

В 23–25 км к северу от Занджирсарая работы велись на поселение Утрап, имевшем площадь 10 га²⁹¹.

В верхней части р. Кашкадарьи ИА АН РУз проводятся маршрутные проезды для составления археологической карты бассейна на Джиннидарьинской ирригационной системы. Обследовано свыше 20 новых археологических памятников, некоторые оказались освоенными под посевы. У кишлака Кателос было открыто поселение Таштепа. Раскопки на этом поселении показали, что оно возникло во II – I вв. до н.э., а в IV – V вв. н.э. превратилось в крупное селение в 30–40 га с замком правителя. Еще один интересный пункт - Тупхона был квалифицирован как административный пункт, а расположенное рядом Хирмонджайтепа как городской храм. Однако раскопки проведенные на последнем показали, что оно представляло собой средневековый кешк. Все эти три памятника входили в одну городскую структуру, пришедшую в упадок после арабского завоевания²⁹².

В целом, расположенные памятники бассейна р. Джиннидарьи датировались такими основными периодами: II – I века до н.э. до VII – VIII вв. н.э., X – XII и XVI – XIX вв. Маленькие крепости возникли на месте Паландара и Таштепа в первые вв. до н.э., в период расцвета города Кеша в раннем средневековье здесь возникали занимавшие господствующие высоты замки феодалов. В эпоху средневековья в окрестностях кишлака Джавуз были расположены мастерские по металлообработке²⁹³.

А.Раимкуловым разрабатывалась тема культуры сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего средневековья. Им были проведены археологические раскопки на Еркургане (Р-20), на цитадели городища Калаи Захоки Марон, на поселениях Кунджутлителя и Кошттепа. Большое количество вещественного материала: кера-

²⁹¹ Курбонов Ж., Раимкулов А. Куиш Кашкадарёнинг Темурийлар даври шахарлари... – Б. 121–124.

²⁹² Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 104, л. 1–5.

²⁹³ Хасанов М., Қўчқоров Т. Жиннидарё тизимидаги археологик ёдгорликларнинг ривожланиш жараёнига доир // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. Тез. докл. науч. конф. 1999. – Б. 144–146.

ика, антропоморфные и зооморфные терракотовые фигурки, ма-
рицы, резные печати, — позволили выделить и охарактеризовать
эхеологические комплексы Южного Согда V — VIII вв. н.э.²⁹⁴

Общий итог работ Кашкадарьинской экспедиции ИА АН РУз,
ро-водимых в течение более чем 20 лет, был подведен в моногра-
ии Р.Х. Сулейманова посвященной культуре и истории древнего
ахшаба²⁹⁵. В отличие от работ М.Е. Массона и С.К. Кабанова, в
ей впервые обобщены материалы археологических исследова-
ий и данные письменных источников, позволяющих по-новому
всесторонне рассмотреть историю древнего Нахшаба. В целом
оследовательно с использованием углубленной научной методи-
и рассматриваются история, историческая география, ремесла,
архитектура, искусство и религия этой области доисламской эпохи.

Р.Х. Сулеймановым было выявлено, что процесс формирова-
ия социально-поселенческих структур Южного Согда являет-
и частью становления систем поселений и урбанизированной
зисисной культуры всего Согда. Он отмечает, что для эволюции
руктуры поселенческой системы Каршинского оазиса харак-
рно постепенное и стабильное развитие количества поселений,
орм сложение их типов и установление между ними различных
орм связей.

Подчеркивается, что на начальном этапе градостроительства
ахшаба, город не был центром интерации родовых поселков.
н был задуман центральной властью в качестве эмбриона оа-
са и окружался на первых порах немногочисленными специ-
изированными сельскохозяйственными усадьбами. Некоторые
з них, как Караутлепа, возможно, носили сезонный характер.
изнь формировавшейся сельской округи Нахшаба в тот пери-
д и во всех отношениях была неразрывно связана с центральным
репленным городом. Сельские усадьбы той поры могли не
ать автономными административными единицами, а являлись
даленными от города загородными владениями если не жите-
й города, то единой на первых порах оазисной общины.

В вопросе о начале урбанизации Каршинского оазиса и дати-
вке его столичного города выделяется ранняя фаза, относящаяся

²⁹⁴ Раимкулов А. Культура сельских поселений Нахшеба в эпоху раннего
одализма: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1992. — 23 с.

²⁹⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 341.

ся к VIII — VII вв. до н.э. В то время на месте Еркургана существо-
вало обширное рассредоточенное поселение, центральная часть
которого была обнесена стенами²⁹⁶.

Основным результатом развития поселенческих структур
Каршинского и Гузарского оазисов III в. до н.э. и — III в. н.э. было
формирование среднего звена поселений и образование трехсту-
пенчатой иерархии поселенческой структуры: центральный го-
род или города (Еркурган и Калаи Захоки Марон), мелкие дочер-
ние городки местного значения или укрепленные селения с фор-
мировавшейся собственной земледельческой округой, отдельные
мелкие усадьбы и дома, рассеянные в зонах мелких оросителей
вокруг крупных и небольших городов.

Так, формировании последующей раннесредневековой струк-
туры Нахшаба, Р.Х. Сулейманов, и мы с ним согласны, выделяет
следующие основные факторы:

Во-первых, это была изначально заданная, унаследованная от
древности система расселения с привязкой к оросительным се-
там.

Во-вторых, переселение в Согд в III — IV вв. присырдарын-
ских народов привело к почти полной утилизации земельно-во-
дных ресурсов оазиса и предельному насыщению поселенческой
структуры²⁹⁷.

Как только жизнь замерла в крупнейшем городском центре —
Еркургане, древние традиции урбанизированной культуры были
утрачены, и наступила фаза если не деурбанизации, то децентра-
лизации развития городской культуры. Городские центры владе-
ний и оазисов, не потерявших своего политического суверените-
та, продолжали расти и развивать лучшие традиции городской
культуры, искусства и идеологического наследия, о чем свиде-
тельствуют материалы архитектуры, монументального и при-
кладного искусства Самарканда, Пянджикента, Варахши и дру-
гих городских центров Согда VII — VIII вв. н.э.²⁹⁸

Позже, в развитое средневековье социально-поселенческая
структура Нахшаба изменяется. Социально-экономические при-
оритеты средневековья не способствовали развитию замковой ар-

²⁹⁶ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 51.

²⁹⁷ Там же. — С. 62.

²⁹⁸ Там же. — С. 72.

мика, антропоморфные и зооморфные terracottas, фигурки, ма-
трицы, резные печати, — позволили выделить и охарактеризовать
археологические комплексы Южного Согда V–VIII вв. н.э.²⁹⁴

Общий итог работ Кашкадарьинской экспедиции ИА АН РУз,
про-водимых в течение более чем 20 лет, был подведен в моногра-
фии Р.Х. Сулейманова посвященной культуре и истории древнего
Нахшаба.²⁹⁵ В отличие от работ М.Е. Массона и С.К. Кабанова, в
ней впервые обобщены материалы археологических исследова-
ний и данные письменных источников, позволяющих по-новому
и всесторонне рассмотреть историю древнего Нахшаба. В целом
последовательно с использованием углубленной научной методи-
ки рассматриваются история, историческая география, ремесла,
архитектура, искусство и религия этой области доисламской эпохи.

Р.Х. Сулеймановым было выявлено, что процесс формирова-
ния социально-поселенческих структур Южного Согда являет-
ся частью становления систем поселений и урбанизированной
оазисной культуры всего Согда. Он отмечает, что для эволюции
структуры поселенческой системы Каршинского оазиса харак-
терно постепенное и стабильное развитие количества поселений,
сложение их типов и установление между ними различных
форм связей.

Подчеркивается, что на начальном этапе градостроительства
Нахшаба, город не был центром интеграции родовых поселков.
Он был задуман центральной властью в качестве эмбриона оа-
зиса и окружался на первых порах немногочисленными специ-
ализированными сельскохозяйственными усадьбами. Некоторые
из них, как Караултепа, возможно, носили сезонный характер.
Жизнь формировавшейся сельской округи Нахшаба в тот пери-
од во всех отношениях была неразрывно связана с центральным
укрепленным городом. Сельские усадьбы той поры могли не
быть автономными административными единицами, а являлись
отдаленными от города загородными владениями если не жите-
лей города, то единой на первых порах оазисной общины.

В вопросе о начале урбанизации Каршинского оазиса и дати-
ровке его столичного города выделяется ранняя фаза, относящаяся

²⁹⁴ Раимкулов А. Культура сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего
феодализма: Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 1992. — 23 с.

²⁹⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 341.

ся к VIII–VII вв. до н.э. В то время на месте Еркургана существо-
вало обширное рассредоточенное поселение, центральная часть
которого была обнесена стенами²⁹⁶.

Основным результатом развития поселенческих структур
Каршинского и Гузарского оазисов III в. до н.э. и — III в. н.э. было
формирование среднего звена поселений и образование трехсту-
пенчатой иерархии поселенческой структуры: центральный го-
род или города (Еркурган и Калаи Захики Марон), мелкие дочер-
ние городки местного значения или укрепленные селения с фор-
мировавшейся собственной земледельческой округой, отдельные
мелкие усадьбы и дома, рассеянные в зонах мелких оросителей
вокруг крупных и небольших городов.

Так, формировании последующей раннесредневековой струк-
туры Нахшаба, Р.Х. Сулейманов, и мы с ним согласны, выделяет
следующие основные факторы:

Во-первых, это была изначально заданная, унаследованная от
древности система расселения с привязкой к оросительным се-
тям.

Во-вторых, переселение в Согд в III–IV вв. присырдарьин-
ских народов привело к почти полной утилизации земельно-во-
дных ресурсов оазиса и предельному насыщению поселенческой
структуры²⁹⁷.

Как только жизнь замерла в крупнейшем городском центре —
Еркургане, древние традиции урбанизированной культуры были
утрачены, и наступила фаза если не деурбанизации, то децентра-
лизации развития городской культуры. Городские центры владе-
ний и оазисов, не потерявших своего политического суверените-
та, продолжали расти и развивать лучшие традиции городской
культуры, искусства и идеологического наследия, о чем свиде-
тельствуют материалы архитектуры, монументального и при-
кладного искусства Самарканда, Пянджикента, Варахши и дру-
гих городских центров Согда VII–VIII вв. н.э.²⁹⁸

Позже, в развитое средневековье социально-поселенческая
структура Нахшаба изменяется. Социально-экономические при-
оритеты средневековья не способствовали развитию замковой ар-

²⁹⁶ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 51.

²⁹⁷ Там же. — С. 62.

²⁹⁸ Там же. — С. 72.

хитектуры и цитаделей городов. В эпоху развитого средневековья в условиях крупных централизованных государств оборонительное значение неприступных высоких цитаделей стало теряться, городская жизнь начала переноситься в рабады. Цитадели, а часто и шахристаны запустевали.

В средневековье особенно расцветают города, находившиеся в зоне функционирования трасс Великого Шелкового пути. В Нахшабе в IX – XIII вв. крупнейшими среди них были Безда и Касби. Складывавшиеся в то время города не имели трехчастной структуры (арк, шахристан, рабад), часто они были двух частными и состояли из двора (арк или урда) и самого города (хисар). Этим же путем шло формирование и послемонгольского города Карши. Данная структура наиболее полно отвечала функции города в эпоху развитого средневековья и была типична для послемонгольской эпохи²⁹⁹.

Таким образом, Р.Х. Сулеймановым были сформулированы основные теоретические положения о развитии социально-политической структуры Нахшаба с древнейших времен до развитого средневековья, которые были разработаны им на основе длительных полевых исследований, которые в течение почти 30 лет проводились в Каршинском оазисе. При этом вопросы развития социально-поселенческой структуры Нахшаба, Р.Х. Сулейманов рассматривает на фоне развития городов и поселений Средней Азии (с привлечением материалов), Востока и Европы.

Наиболее крупным городом древнего Нахшаба, обширная площадь которого позволяла создать развитую городскую застройку, был столичный Еркурган, представлявший достаточно многообразие типов монументальной архитектуры. Его структуру определяли монументальные высотные общественные сооружения. Формируя силуэт города, они были основными пространными ориентирами социальной жизни, функционально являясь центрами административной, экономической, идеологической и военной жизни, как города, так и оазиса в целом. Эти центральные узлы, определявшие эстетическую образность и индивидуальность облик города, были связаны между собой основными улицами магистральями, которые прорезали рядовую городскую застройку, выходя на площади перед главными фасадами этих сооружений.

²⁹⁹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... – С.72.

Общегородские дворцовые и храмовые комплексы Еркургана неповторимы по своей индивидуальности, но общая схема композиции, конструктивные элементы и детали их отделки находят самые близкие аналогии в широком регионе Ближнего Востока и Средней Азии, начиная с древности.

Как выясняет автор, композиционно-планировочная структура этих двух основных монументальных сооружений Еркургана принадлежит к широко распространенному типу комплексов древней и раннесредневековой Средней Азии, состоящих из выстроенного по одной оси зала, предвещающего его вестибюля или айвана и, далее, двора. Эта основная схема в виде зала с вестибюлем или портиком в конкретных случаях сильно варьирует, то, образуя центр общей композиции архитектурных комплексов, то встречается как составной элемент в больших сложных комплексах.

Открытые в результате работ на Еркургане уникальные сооружения мемориального назначения дают представление о потребительных обычаях городского населения Согда поры античности. Первым из них по времени является дахма Еркургана. Типологически она отличается от круга вышерассмотренных архитектурных комплексов, а хронологически-предшествует им.

Дахма Еркургана II в. до н.э. выстроена и отделана с соблюдением основных элементов древневосточной архитектуры. Как отмечает Р.Х. Сулейманов, функционировала очень недолго – не более нескольких десятилетий, т.е. в пределах II в. до н.э.³⁰⁰

При археологических работах на кварталах гончаров и кузнецов, были отмечены отличия их структур, позволившие Р.Х. Сулейманову предположить, что квартал гончаров имел частнособственнический характер и принадлежал самим производителям, вследствие чего структура его застройки складывалась стихийно в течение длительного времени.

Квартал гончаров Еркургана имеет структуру, издревле характерную для городской и протогородской застройки, восходящей к традиции протогородской стадии, когда жилые и производственные помещения ремесленников составляли неразсторжимое целое.

³⁰⁰ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... – С. 152.

Сложение квартала кузнецов во внешнем городе шло иным путем. Единственным фактором, формировавшим структуру застройки, была улица, вернее дорога, шедшая от ворот внутреннея стены к юго-восточным воротам внешней стены. Все хозяйства ремесленников выстроены здесь вдоль улицы, на которую выходят фасадами одно или два помещения каждого из хозяйств, остальные уходят вглубь³⁰¹.

Р.Х. Сулейманов приводит сводные типологические комплексы керамики Еркургана, объединявшие наиболее насыщенные и хронологически выдержанные коллекции из слоев, давшие материал того или иного времени по разным раскопам городища.

Наблюдения Р.Х. Сулейманова по систематическому анализу синхронных керамических комплексов продукции мастеров разных кварталов Еркургана, различных по происхождению и функции комплексов посуды поселений оазиса, в пределах единого интервала времени привели автора к выводу о том, что исследуемые обычно в практике археологических периодизаций, как называемые стратиграфические колонки типов керамики методически никим образом не могут претендовать на обеспечение полного объема информации и отражение всего богатства и разнообразия типологии керамической посуды той или иной эпохи определенного региона³⁰².

Во время археологических работ в Каршинском оазисе изчались также терракота. В этих массовых предметах древнего ародного искусства обычно бывають отражены многие стороны деологии, эстетики и ремесленных приемов населения.

Р.Х. Сулейманов отмечает, что начиналось искусство коропластики Нахшаба с эллинистических сюжетов и образов. За ними хронологически следует обширный набор женских статуэток эллинистических и местных типов с редкими мужскими статуэтками и массовой фигурок всадников. Это был типично античный цикл сюжетов искусства коропластики, широко распространенный от Месопотамии и Северного Причерноморья до Согда и Бактрии а Востоке.

По мнению Р.Х. Сулейманова, искусство терракоты Нахшаба качестве составной части доисламской коропластики Средней

³⁰¹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 155–156.

³⁰² Там же. — С. 160.

Азии завершилось в раннем средневековье образами почитаемых героев и предков, с дальнейшим переходом к примитивным лепным изображениям фантастических и сказочных персонажей фольклора³⁰³.

Переходя к анализу изобразительного искусства самого Еркургана и всего Нахшаба, представленного, в основном, искусством коропластики, бытовавшим среди широких кругов городского и сельского населения, следует отметить, что оно состоит из нескольких основных тематических циклов. Первое место среди них по количеству и разнообразию занимает образ женского божества.

Было установлено, что наиболее ранние образцы искусства коропластики Нахшаба относятся к первым векам до н.э. Далее, в материалах коропластики Еркургана и Нахшаба безраздельно преобладали изображения женских фигурок. Их более двух десятков типов, и более половины из них относятся к III–IV вв. н.э., остальные датируются I–II вв. н.э. Но в эпоху раннего средневековья по количеству женские изображения начинают уступать мужским. Некоторые из наиболее популярных типов женских статуэток, медленно вырождаясь, тиражировались веками и встречались в слоях от I–II до V–VI вв. н.э.³⁰⁴

Иконографически, статуэтки коней и всадников Нахшаба, происходящие из комплексов от рубежа нашей эры до раннего средневековья включительно, менялись незначительно. Самая ранняя фигурка коня с всадником, как отмечает Р.Х. Сулейманов, была найдена в кладке внутренней стены Еркургана II строительного периода, т.е. датировалась III–II вв. до н.э. Он полагает, что многочисленные терракотовые фигурки всадников представляют собой образы наиболее почитаемых предков и связаны с ритуалами, близкими семантически зороастрийскому культу Фравашей, если не являлись местной, сакской по происхождению трактовой их образов.

Мифологические образы зоолотария древнего Нахшаба сравнительно многочисленны и традиционны по своему составу, характерному для оазисов Средней Азии. Это изображения быка, барана, козла, верблюда, отдельных хищных животных, являвшиеся символами определенных мифологических образов³⁰⁵.

³⁰³ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 189.

³⁰⁴ Там же. — С. 200.

³⁰⁵ Там же... — С. 214–215.

Опираясь на материалы Еркургана Р.Х. Сулейманов, рассматривает историю развития идеологии всей Средней Азии, хронологически выделяет в циклизации мифологических сюжетов и связанных с ними культов, три основных этапа: эпоха бронзы; ранне-железный век; античность; раннее средневековье.

Идеология эпохи бронзы и раннего железа была изучена в Средней Азии на базе археологических раскопок памятников Маргианы и Бактрии, которые дали уникальные материалы.

Эпоху от эллинизма до прихода арабов Р.Х. Сулейманов считает, что удобнее рассматривать в вопросах идеологии как единый период, так как храмовое зодчество, пантеон божеств, погребальная обрядность и основные мотивы изобразительного искусства этого тысячелетнего интервала обнаруживают устойчивую преемственность в своем развитии. Хотя периодические этнокультурные инновации сопровождались изменениями в элементах культа, погребальной обрядности, пантеоне.

Культово-идеологическое развитие с IV в. до н.э. по IV в. н.э. изучено всего в Бактрии и Хорезме.

Во время археологических раскопок храма Еркургана, были найдены фрагменты крашенных глиняных скульптур - изображавшие женское божество. Там же были найдены золотая фигурка змеи, выточенная из агата фигурка змеи с заостренными ушами и лягушки, металлическая фигурка змеи и бронзовые зеркала. Р.Х. Сулейманов отмечает, что священными животными Богини зод были: рыбы, змеи, драконы, лягушки. Кроме того, символическим атрибутом ее было и зеркало. Из этого он делает вывод о том, что храм Еркургана был посвящен женской богине. Чтобы оттенить и понять особенность образа этой богини, автор останавливается на образе - богини древневосточного происхождения Наны. Он считает, что в древности в Средней Азии почитались два великих женских божества зороастрийского пантеона, соответствующих Спенте-Армаити и Ардвисуре Анахите. Именно Нана соответствует богине земли Спента-Армаите. Она в корне отличалась от водного божества, культу которого был посвящен храм Еркургана.

Дахма и мавзолей Еркургана, изученные Р.Х. Сулеймановым, показывают, что Нахшаб имел свою самобытную линию эволюции погребальной зороастрийской архитектуры, видимо

со своей трактовкой ритуальных погребальных предписаний ряда выставления, менявшихся в силу этнополитической ситуации в Согде³⁰⁶. Автор приходит к заключению, что на мавзолее Еркургана был выявлен более поздний вариант погребальной обрядности. Здесь можно видеть погребальный комплекс династического характера, состоящий из очищенных костей в сосудах, в сочетании с глиняной скульптурой, изображающей, видимо, образ погребенного, следы огня в специальных помещениях, который, вероятно, разжигался при календарных поминальных ритуалах, и массу мотивных предметов. Обряды поминальных жертвоприношений происходили непосредственно в этих погребальных сооружениях, где хранились костные останки и скульптурные изображения предков³⁰⁷.

В заключение, мы можем сказать, что работа Р.Х. Сулейманова, это осмысленные результаты многолетних раскопок, проведенных им на городищах и поселениях Нахшаба, и в особенности городище Еркурган.

В 90-х гг. XX века специальные исследования КАТЭ были посвящены торговым и культурным связям Кашкадарьинского оазиса в XVII - XIX вв. в археологическом отношении³⁰⁸; надписям намогильных плит города Шахрисабза и его периферии³⁰⁹.

В Шахрисабзе в связи с 660-летием Амира Темура в центре города были начаты строительные работы по разбивке сквера имени Амира Темура, при этом проводились археологические исследования на комплексах Ак-Сарая и Доруссиадат. Полученные данные подтвердили высказанное ранее мнение Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массона о существовании на их территории в X - XII вв. монументальных сооружений, разрушенных во время монгольского нашествия.

Важным результатом стало также открытие 14 ноября 1996 г. в Шахрисабзе музея материальной культуры им. Амира Темура, согласно распоряжению управления по культурным делам Кашкадарьинской области.

³⁰⁶ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... - С. 303.

³⁰⁷ Там же: - С. 303-304.

³⁰⁸ Мавлянов У.М. Торговые и культурные связи Кашкадарьинского оазиса в XVII-XIX вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. - Т.: 1995. - 24 с.

³⁰⁹ Аминов Б. Памятники эпиграфики юга Узбекистана как исторический источник (XV - XX вв.): Автореф. дис... канд. истор. наук. - Т.: 1998. - 22 с.

В сентябре 1997 г. при поддержке совместного Европейского проекта «Тарих» («История»), Экстерского Университета (Англия), Университета Рен II (Франция), Фредерксбергской Семинарии (Дания) и НУУз имени Мирзо Улугбека в Шахрисабзе проводилась научно-теоретическая конференция на тему «Центральная Азия и Европа в эпоху Амира Темура и Темуридов». В ней приняли участие ученые из 14 стран Европы и Центральной Азии. Особое внимание было обращено на археологические материалы, свидетельствующие о нахождении и формировании раннего города в Китабо-Шахрисабзском оазисе з VIII – VII вв. до н.э.³¹⁰

Непосредственным результатом всех мероприятий явилось создание совместной экспедиции музея истории г. Шахрисабза и кафедры археологии НУУз. С целью изучения процессов ранней урбанизации в восточной части Кашкадарьинской области. В исследованиях приняли также участие специалисты Института археологии АН РУз.

Было решено продолжить археологическое изучение поселений Сангиртепа и Подаяктапа в Шуробсайском оазисе Китабского района. Работы велись двумя отрядами. На Сангиртепа в верхних слоях были выявлены материалы кушано-сасанидской поры. В нижних горизонтах в восточном секторе раскопа была обнаружена массивная стена из сырцового кирпича. Вдоль ее западного фаса были расчищены специальные ямки, по-видимому, культового характера, о чем говорили строгая периодичность их расположения (через каждые 1,1 м) и характер заполнения (зола с негашеным керамическим материалом, полученный из этого слоя незначителен, но, в целом, относится к VI – IV вв. до н.э. Все это заставило пересмотреть предварительную атрибуцию Сангиртепа как резиденции правителя неподалеку от крепости Узункыр, а видеть в нем центральный храмовый комплекс оазиса.

Второй отряд совместной экспедиции вел раскопки на Подаяктапа, представлявшей собой, по-видимому, какое-то время цитадель Узункыра. На территории памятника были заложены раскоп, несколько шурфов и зачищен старый разрез северной крепостной стены. На центральном раскопе (Р-4) в юго-западном секторе городища было выявлено два строительных горизонта.

³¹⁰ Шахрисабз. Наследия тысячелетий... – С. 137.

Получен большой комплекс столовой, тарной и кухонной посуды, обнаружены терочки, песты, terracottовая фигурка змеи³¹¹.

Стратиграфически и типологически четко выделяется два комплекса керамики: конца IV – первой половины III в. до н.э. и второй половины III – нач. II в. до н.э.³¹² В целом, авторы раскопок отмечали, что отсутствие на памятнике наслоений последующих периодов делает его уникальным в плане выяснения ранних этапов формирования эллинистической культуры в Средней Азии. В то же время, обнаружение в переложенных материалах фрагментов «поздней расписной керамики»³¹³, указывало на наличие на Подаяктапе слоев эпохи раннего железного века.

Зачистка старого разреза северной стены показала наличие под ней мощного естественного бугра и использование приема сочетания подтески лесового гребня и вала, обложенного пахвой. Раскоп верхней части восточного фаса выявил кладку из так называемого булкообразного кирпича с клеймами, характерного для доахеменидской строительной техники.

В сезоны 1998–1999 гг. в совместной экспедиции кафедры археологии НУУз и Института археологии АН РУз в Восточной Кашкадарье принимали участие специалисты Департамента Ближневосточных исследований Калифорнийского Университета г. Беркли (США) Д.Стронах, С.Механдейл, К.Коделла, В.Коллинз и др. В первый год работ в верхних слоях Сангиртепа было обнаружено круглое здание, относящееся к кушано-сасанидскому времени; на Подаяктапа сделан разрез восточного фаса стены и расчищен внутритристенный коридор. Были возобновлены также исследования фортификации Узункыра, выявившие в нижних слоях кладку из булкообразного кирпича VIII – VII вв. до н.э.

Во второй сезон было начато широкомасштабное разведочное обследование северо-восточной части области (Кайнарсайский и Макридский оазисы). Разведка велась с использованием современной техники (GPS и лазерного теодолита), что позволило привязать

³¹¹ Архив ИА АН РУз, Ф. 3, оп. 1, д. 114, л. 1–4.

³¹² Омельченко А.В. О керамике эллинистического времени городища Подаяктапа // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган ўрни. Тез. докл. – Т., 2002. – С. 100–101.

³¹³ Омельченко А.В., Мамадиев Б. Раскопки на городище Падаятак в Китабском районе // ОНУ. – 1999. – № 1–2. – С. 72–73

ранее выявленные памятники к мировой системе координат³¹⁴. В настоящее время ряд археологов университета Беркли продолжает совместные исследования со специалистами Института археологии АН РУз в восточной части Кашкадарьинской области (раскопки на Сангиртепа).

Результаты археологических работ второй половины 90-х гг. на памятниках раннежелезного века нашли отражение в диссертации О.Н. Лушпенко³¹⁵. Результаты археологического изучения памятников Сангиртепа, Узункыр и Даратепе позволили охарактеризовать планировку поселений и жилищ, приемы строительства, архитектурные и конструктивные особенности. По данным исследования автора, Сангиртепа и Узункыр являются примером эволюции раннеурбанистической культуры Южного Согда. Архитектура Сангиртепа, и оборонительные сооружения Узункыра, окружавшие значительную территорию (70 га), дали основание говорить о высоком уровне градостроительства. Узункыр являлся хозяйственным и административным центром крупной области в восточной части долины Кашкадарьи³¹⁶.

В эти же годы экспедиция кафедры археологии НУУз возобновила исследования античных памятников Шуробсайского и Аякчидарьянского оазисов. В низовьях Шуробсай наряду с Подаятактепа, работы велись на Сарайтепа и Безымянном тепе, входящих в систему поселений Палантепа. В жилых и хозяйственных помещениях были расчищены хумы, очаг, остатки дверной конструкции. Из стратиграфических слоев были получены богатые комплексы посуды, позволившие проследить эволюцию керамики с первых этапов жизни на цитадели. Материалы, полученные из раскопа и шурфа, по заключению А.В. Омельченко, охватывали хронологически диапазон — II в. до н.э. — II в. н.э.

³¹⁴ Архив ИА АН РУз, ф. 3, оп. 1, д. 120, л. 5; Эшов Б. Узункир-Китоб-Кеш-Шахрисабз // «Роль города Шахрисабз в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф. посв. 2700-летию г. Шахрисабз. — Т.: 2002. — С. 67–69; Его же: Кадимги Сўғдиёна тарихдан лавҳалар. — Т.: ЎзМУ нашриёти, 2001. — 129 б.

³¹⁵ Лушпенко О.Н. Раннежелезный век Южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского районов): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд: 1998. — 24 с.

³¹⁶ Лушпенко О.Н. Раннежелезный век Южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского районов): Автореф. дис... канд. истор. наук... — С. 21.

Комплексы III–IV вв. н.э. были выявлены в шурфе на Безымянном поселении.

Было начато также исследование группы памятников эпохи античности, расположенных в этом районе на берегу р. Аякчидарья. Исследование их показало, что через оазис проходил кратчайший путь, ведущий из античной столицы Южного Согда — Китаба на Джамский перевал и далее в Центральной Согд, в Самарканд. Основные работы проводились на двух поселениях — Верхний Сарай, расположенный непосредственно на территории одноименного кишлака, и Турткультепа лежащий в 2,5 км ниже по течению. Материалы раскопок датировались автором I–IV вв. н.э. Работы на Турткультепа выявили слои позднеантичного времени незначительной мощности, на основании чего был сделан вывод о том, что объект, возможно, представлял собой укрепленный загон для скота, выгоняемого на пастбище в Джамскую степь³¹⁷.

Особо следует остановиться на обнаружении на поверхности Джартепа серебряного подражания драхма с «типом Александра», с которым связывается начало самостоятельного монетного дела на территории Восточной Кашкадарьи. Монетный двор, по-видимому, располагался в Китабе, где была сделана находка — монета, подражания с арамейской надписью, продолжающая данную эмиссию II–I вв. до н.э. Было отмечено, что в целом, процессы формирования денежной системы Восточной Кашкадарьи наиболее близки тем, что выявлены в долине Зарафшана³¹⁸.

Изучение античных памятниках восточной части долины Кашкадарьи нашло отражение в диссертации А.В. Омельченко³¹⁹. Опираясь на материалы, полученные КАТЭ в предыдущие десятилетия автор работы анализирует топографию памятников, типологию поселений и архитектуру, исследует стратигиографию объектов, классифицирует находки, выявляет специфические

³¹⁷ Омельченко А.В. Археолого-топографическое обследование памятников эпохи античности в Аякчинском оазисе (Китабский район Кашкадарьинской области) // Археологические исследования в Узбекистане 2002 года. — Самарканд, 2003. — С. 118.

³¹⁸ Его же. Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда // Нумизматика Центральной Азии. — Т.: 2001. Вып. V. — С. 14–17.

³¹⁹ Его же. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. — IV в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. — Самарканд, 2003. — 25 с.

черты местной культуры, рассматривает вопросы политической и социально-экономической истории. Проведенные исследования уточнили последовательность расселения оседлых земледельцев античного времени, выявили внутреннюю динамику развития ирригационных систем и связанных с ним оазисов, что позволило охарактеризовать отдельные стороны материальной культуры:

Автор пришел к выводу, что весь комплекс рассмотренных материалов античного времени позволяет отнести Восточную Кашкадарью к одной из областей Согдийской культурно-исторической общности и выделить в её истории соответствующие этапы: 1) согдийско-эллинистический – конец IV – III в. до н.э.; 2) ранний согдийско-кангуйский – II – I вв. до н.э.; 3) средний согдийско-кангуйский – I – II вв. н.э.; 4) поздний согдийско-кангуйский – III – IV вв. н.э. Позднее здесь складывается отдельное владение, различные стороны истории которого, как выражает надежду автор, помогут раскрыть, прежде всего, археологические исследования³²⁰.

Следует отметить еще один момент истории исследований последнего десятилетия. Вплоть до 2001 г. долина Кашкадарьи оставалась «белым пятном» на карте первобытных памятников Узбекистана. Лишь подъемные находки в долине Танхоздарьи и где в свое время Д.Н. Левом было найдено несколько каменных орудий мустьерского времени, указывали на то, что долина обжизналась человеком каменного века³²¹. Этот факт отмечал еще С.К. Кабанов, осуществлявший в 50–60-х гг. XX в. маршрутные исследования гrotто Китабского района³²². В то же время, материалы из соседних Самаркандской и Сурхандарьинской областей, где был обследован ряд памятников различных этапов каменного века давали надежду на возможность обнаружения стоянок этого периода и на территории Кашкадарьи.

³²⁰ Омельченко А.В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 2003. – С. 24–25.

³²¹ Шахисабз. Наследие тысячелетий... – С. 56.

³²² Архив ИА АН РУз. ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 2–16; Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // ИМКУ. 1966. Вып. 7. – С. 112–124.

В 2001 г. Р.Х. Сулеймановым на базе кафедры археологии исторического факультета НУУз были начаты работы на южных склонах Зарафшанского хребта с целью изучения памятников каменного века в долине Кашкадарьи. Здесь были обнаружены два гrotта: Каракамар и Ангиллак. Предварительные зондажи которых показали наличие культурных отложений эпохи палеолита³²³. Были проведены предварительные раскопочные работы гrotтов. Вскрытие в Каракамаре в виде двух небольших зондажей показало, что памятник обжизнался очень слабо: под тонким гумусным слоем в центре гrotта залегал мощный горизонт завала кусков известняка от обрушившейся кровли гrotта³²⁴.

Второй гrotт Ангиллак, располагался неподалеку. Здесь для выявления культурных слоев были заложены два шурфа (2x1 м, 1x1 м), в которых были получены каменные изделия и фрагменты костей различных животных³²⁵. Изучение каменных орудий показало, что для каменного технологического комплекса Ангиллака характерно использование некачественного местного сырья – кварцевых и кварцитовых изделий. В этой коллекции около десятка пластин и отщепов, а также два десятка орудий и их фрагментов, имеющих ретушь³²⁶.

Примечательно, что в Ангиллаке была обнаружена метатарсальная кость правой ноги древнего человека³²⁷.

³²³ Сулейманов Р.Х. Ўрта Осиёдаги ибтидоий давр санъатида оид янгу ёдгорлик // Санъат. – 2002. – № 2. – Б. 3–6.

³²⁴ Сулейманов Р.Х., Глантз М., Штраубер А., Хугес П. Результаты предварительного изучения памятников мустьерского времени в долине Кашкадарьи // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. – Т.: 2003. – С. 179.

³²⁵ Glantz M., Suleymanov R. Angilak cave, Uzbekistan: dokumenting Neandertal occupation at the periphery // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тез. докл. Межд. науч. конф. – Самарканд, 2002. – С. 23.

³²⁶ Сулейманов Р.Х., Глантз М. и др. Результаты предварительного изучения памятников мустьерского времени в долине Кашкадарьи // Археологические исследования в Узбекистане 2002. – Самарканд, 2003. – С. 179.

³²⁷ Сулейманов Р.Х., Глантз М. Раскопки гrotта Ангиллак // Археологические исследования в Узбекистане 2003 года. – Самарканд, 2004. – С. 177–179; Glantz M. Summary of the hominin materials from Obi-Rakhmat and Anghilak, Uzbekistan // «Роль города Карши в мировой цивилизации». Сбор. тез. докл. Междунар. конф. посв. 2700-летию г. Карши. – Т.: 2006. – С. 31–32.

Одновременно с упомянутыми пещерами в соседней долине Курукса была обследована неизвестная ранее первобытная живопись скальных навесов Сийпанташа. Гладкие поверхности основного свода и несколько боковых стен были покрыты группами разнообразных символических знаков, исполненных техникой живописи охрой различных оттенков от темно-коричневого и бордового до розового и желтого. Сюжеты живописи, в отличие от известных в Средней Азии памятников первобытного живописного искусства Зараутса и грота Шахты, где были изображены композиционные сцены охоты на диких животных, живопись Курукса носит геометрический характер. Это символические изображения солнца в виде креста или круга с точкой или крестом в центре, стреловидные изображения, цепочки ромбов или ряды черточек. Один из таких рядов насчитывает 28 или 29 черточек, что совпадает с количеством дней месяца лунного цикла. В центре свода находится схематизированное силуэтное изображение быка³²⁸.

В своде, под нишей на соседней скале, отмечены отпечатки рук - небольших изящных, возможно, женских с удлинненными пальцами. Исследователь считает, что, возможно, здесь осуществлялись какие-то ритуальные священнодействия женщинами. Живопись эта отнесена к эпохе мезолита и неолита³²⁹.

В целом, мы можем сказать, что открытие и начало изучения археологических памятников каменного века в долине Кашкадарьи является важным открытием в области археологии Средней Азии.

Таким образом, проведенные многолетние археологические раскопки в долине Кашкадарьи дали возможность, установить дату города Шахрисабза и Карши³³⁰. В 2002 г. в г. Шахрисабзе и

³²⁸ Сулейманов Р.Х. Открытие древнейшего святилища в долине Кашкадарьи // Урта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Тез. докл. конф., посвященной 50-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. - Т.: 2002. - С. 110-111.

³²⁹ Сулейманов Р.Х. Сийпанташ - новый памятник первобытного искусства в долине Кашкадарьи // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тез. докл. Межд. науч. конф. Самарканд, 25-28 сентября 2002 г. - Самарканд: 2002. - С. 71.

³³⁰ Шахрисабз. Наследие тысячелетий...; «Роль города Шахрисабза в мировой истории»...; Сулейманов Р.Х. Карши - Насаф - Нахшаб в системе мировой цивилизации // «Роль города Карши в мировой цивилизации». Сбор. тез. докл. Междунар. конф. посв. 2700-летию г. Карши. - Т.: 2006. - С. 19-24; Сулейманов

в октябре 2006 г. в г. Карши состоялись международные конференции, посвященные 2700-летию города Шахрисабза и Карши, где были обсуждены новейшие результаты по истории культуры долины Кашкадарьи.

Изучение истории археологических работ в долине Кашкадарьи в этом периоде позволяет прийти к следующим выводам:

- в верхнем течении Кашкадарьи - (средневековом Кеше) начиная с 70-х гг. КАТЭ приступила к планомерному широкомасштабному обследованию восточной части долины, в результате чего был получен значительный по объему материал, позволивший охарактеризовать материальную культуру населения области. Однако ряд важных вопросов культурогенеза Южного Согда, например периода становления, здесь оседлоземледельческой культуры, оставался открытым. Целенаправленные археологические разведки 1976-1979 гг. выявлены новые поселения раннежелезного века, что дало возможность провести районирование древнеземледельческих оазисов этой поры;

- обследование древних рудников в горах, окружающих Китабо-Шахрисабзскую котловину, позволило считать активную добычу полезных ископаемых, прежде всего, полиметаллов и железа в раннесредневековые. Привлечение, наряду с археологическими исследованиями, данных геологических наблюдений, этнографических материалов и письменных источников дало возможность более полно осветить экономическую историю долины;

- широкомасштабные археологические исследования проводились на архитектурных памятниках Шахрисабза. По этой теме была защищена диссертация Х.Т. Султанова на тему «К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV - XV вв. (по археологическим данным)». При этом палеоантропологический материал из погребальных комплексов не подвергался специальному изучению, что затрудняло реконструкцию антропологической, этнической и демографической структуры городского и сельского населения;

Р.Х., Грантз М. Ранние этапы развития столичного центра Нахшаба // «Роль города Карши в мировой цивилизации». Сбор. тез. докл. Междунар. конф. посв. 2700-летию г. Карши. - Т.: 2006. - С. 59-64; Карши: 2700 / Альбом. - Т.: 2006; «Роль города Карши в истории мировой цивилизации» // Сбор. тез. докл. конф. посв. 2700-летию г. Карши. - Т.: 2006. - 266 с.

— в низовьях Кашкадарьи (области Нахшаб) в начале 70-х годов XX в. начала работу Кашкадарьинская экспедиция Института археологии АН УзССР. Основными объектами ее работ были городища Еркурган, Калаи Захоки Морон, Шулюктепа и сельские поселения. Был составлен свод археологических памятников и новая археологическая карта Карши-Гузарского оазиса;

— интенсивная работа по составлению свода памятников археологии республики, а также реализации программы изучения древних урбанистических центров привела к накоплению значительных сведений по археологии Южного Согда периодов раннежелезного века и античности, что явилось результатом первичной, сплошной фиксации всех памятников археологии в долине Кашкадарьи. На основе стратегических исследований была выявлена динамика развития керамических комплексов основных городских центров Согда. Было подготовлено и издано четыре сколько кандидатских и докторских диссертаций и издано четыре монографии (Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган. — Т., 1984; Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII — VI вв. до н.э. — VII в. н.э.). — Т., 1990; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. — Т., 2000; Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производство Нахшаба. — Т., 2000);

— в ходе многолетних полевых и камеральных исследований теоретические разработки по материалам древнего Нахшаба были объединены в два основных направления. На основе дробной стратегической периодизации и изучения технологий гончарного производства на Еркургане была разработана типология и хронология керамических комплексов древних поселений Нахшаба;

— анализ коропластики Нахшаба позволил охарактеризовать основные образы и персонажи мифологии и культов горожан и сельских жителей оазиса, рассмотреть отдельные вопросы искусства древнего Согда, историю костюма области;

— результаты археологических работ в 70–80-е гг. XX в. регулярно освещались в ежегодниках «Археологические открытия», «История материальной культуры Узбекистана», «Труды ТашГУ», «Вестник древней истории», «Материалы и исследования по археологии СССР», «Советская археология». Нашли они свое отра-

жение и в докладах, на конференциях, семинарах, посвященных древней истории и археологии Средней Азии;

— в годы независимости археологическое изучение памятников долины Кашкадарьи продолжается. Особенно важным было открытие памятников каменного века в Китабском районе, заповнивших «белые пятна» в предистории долины Кашкадарьи. Символично и то, что исследования в этом направлении проводятся совместно с иностранными специалистами (США, Колорадо).

Отметим, что в исследованиях последних лет особое внимание обращается на изучение корней культуры, истоков народных традиций, формирования городов, истории государственности. Так, в середине второй половины 90-х гг. основные полевые работы осуществлялись тематически связанные с празднованием 660-летия Амира Темура и 2700-летия г. Шахрисабза. В это время также активно проводились республиканские и международные конференции.

В настоящее время большое внимание придается формированию нового исторического мышления. Археологические исследования Южного Согда получили новый импульс: были открыты стоянки эпохи первобытности, продолжается изучение крупнейших городских центров долины Кашкадарьи, расширяется международное сотрудничество в изучении памятников археологии долины Кашкадарьи. Всё это отразилось и в культурной жизни региона. В международном масштабе были отпразднованы 660-летний юбилей Амира Темура и 2700-летие г. Шахрисабза. В 2004 г. ЮНЕСКО приняло решение о праздновании 2700-летия г. Карши.

Заключение

Историографическое исследование археологического изучения Кашкадарьинской области раскрывает важную страницу работы историков материальной культуры Узбекистана в освещении истории крупного региона республики, картину сложную, длительную и неоднозначную.

Кашкадарья лежит между двумя древнейшими земледельческими регионами Среднеазиатского Междуречья, упоминаемыми в восточных древнейших письменных источниках — Согдом и Бактрией и исторически включается в состав согдийской историко-культурной общности под названием Южного Согда.

Анализ истории археологических исследований долины Кашкадарьи дает возможность сделать следующее заключение:

Первый этап изысканий охватывает период второй половины XIX по начало XX вв., которые связаны с первыми оценками древней материальной культуры, нумизматических материалов как местных коллекционеров древностей, представлятелей прогрессивной местной интеллигенции, интересовавшихся историей своего края, таких как Акрам Аскаров, Мирза Бухари и др., так и русских путешественников, дипломатов, востоковедов (В.В. Крестовский, Н.А. Маев, Б.Н. Литвинов, Д.Н. Логофет, В.В. Бартольд, И.А. Кастанье, Л.А. Зимин и др.)

Следующий этап охватывает начало 20-х — первая половина 40-х годов XX в. связан, во-первых, с созданием государственных органов, связанных с охраной и изучением памятников архитектуры и археологии (Турккомстарис — Средазкомстарис — Узкомстарис), Туркестанского Восточного института и Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Во-вторых, с тем, на этом этапе начинается настоящее научное изучение Кашкадарьи и в археологическом, и архитектурном отношении, когда впервые в область выезжают известные специалисты как: А.Ю. Якубовский, Я.Г. Гулямов, Т.Миргизов, М.Е. Массон, С.К. Кабанов.

В это время при изучении археологических объектов Средней Азии начинают разрабатываться археологические методы иссле-

дования, учитывающие методику других наук — геологии, ботаники. Появилась необходимость специальной подготовки кадров археологов, в результате, в 1940 г. на историческом факультете САГУ под руководством М.Е. Массона было открыто кафедре Археологии Средней Азии.

В третьем этапе (вторая половина 40-х — 60-е годы XX в.) характеризуется все более активным включением в исследование специально подготовленных археологов с одной стороны, с другой, складывается реконструктивная фаза исследований.

Выделяются ключевые памятники для комплексных исследований на материалах широких полевых работ, складывается археологическая школа кафедры археологии ТашГУ (НУУз.) под руководством М.Е. Массона, разрабатывается методика работы, которая отражена в ряде статей и монографий, посвященных изучению археологических объектов.

Создание прочного фундамента для археологии позволило вскоре перейти к полному выявлению всего комплекса материалов прошлых эпох, введение в научный оборот всех памятников археологии, как исторического источника.

Проведенные работы в 60 — 80-е годы XX в. можно назвать синтезирующим или системным историко-археологическим исследованием, предполагающим комплексное изучение всех памятников археологии, поиск стадияльных связей. Поскольку Кашкадарьинская область (особенно её восточная часть) была менее обследована в археологическом и историко-культурном плане, была создана специальная Кешская археолого-топографическая экспедиция (КАТЭ) под руководством М.Е. Массона, которая начинает вести в северной части Кашкадарьинской области исследовании археологических объектов.

Особое внимание было обращено на изучение раннего железного века (А.С. Садуллаев), античного города Сусе (Н.И. Крашенинникова), раннесредневековых объектов (Г.Я. Дресвянская) и средневековых городов (С.Б. Лунина). Членами КАТЭ изучались принципы и приемы строительства городов и сельскохозяйственных поселений, с их классификацией, ремесла, культура, черты быта и идеология поселения.

В 70 — 80-х годах XX в. полевые археологические исследования в долине Кашкадарьи достигают своего максимального развития.

В этот период появляются работы по типологизации и общему анализу социально-поселенческих структур Согда, от древности до средневековья. В 1973 г. в Институте археологии АН УзССР была создана Кашкадарьинская экспедиция под руководством Р.Х. Сулейманова, ключевыми памятниками которой стали городища Еркурган, Калаи Захоки Морон и Шуллактепа.

В то же время не утихали научные дискуссии о названиях регионов. Политически бассейн Кашкадарьи с глубокой древности включал две историко-культурные области, носившие в древности названия Наутака и Ксениппа, а в средневековье — Кеш и Насаф.

90-е годы XX в. — начало XXI в. охватывает археологические исследования, осуществленные в годы независимости. В рамках активного изучения истоков и ранних этапов государственности большое внимание уделяется древнейшим городам, т.к. урбанизация тесно связана с государственностью. В связи с этим, активно разрабатываются ранние этапы истории Кеша и Нахшаба. Историкографические исследования позволяют проследить, как менялись взгляды археологов на хронологические рамки развития культур, динамику формирования, расцвета и упадка городов, передвижения столиц Нахшаба.

Так, первый исследователь культуры Каршинского оазиса С.К. Кабанов при выделении этапа истории III — V вв. н.э. считает, что в конце его сокращается ирригационная сеть и число поселений, происходит опустение Еркургана³³¹. Детально занимавшийся этой эпохой в конце XX в. Р.Х. Сулейманов, считал, что в в. происходил расцвет земледельческой и городской культуры, разрешение ирригационной сети, поселений и Еркургана, как результат борьбы Тюркского каганата с эфталитами, относит ко второй половине VI в. н.э.³³²

Достижения в области изучения памятников археологии и архитектуры региона были высоко оценены международной общенациональностью. Памятники зодчества Кеша были включены в число других объектов в дни Международного празднования 660-летнего юбилея Амира Темура, а археологические памятники Кеша-

³³¹ Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшеба... — С. 169–170.

³³² Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб... — С. 303–304.

послужили основой определения ЮНЕСКО 2700-летия городской культуры Шахрисабза. В 2004 г. ЮНЕСКО и правительство Узбекистана приняло решение о праздновании 2700-летия г. Карши³³³.

Все эти мероприятия международного масштаба, связанные с культурным наследием долины Кашкадарьи в немалой степени обусловлены кропотливым трудом нескольких поколений исследователей, посвятивших свою жизнь изучению археологии данного региона.

Обобщая историографический обзор археологического исследования долины Кашкадарьи, хотелось бы остановиться на некоторых нерешенных в настоящей теме вопросах и проблемах:

1. Несмотря на большие систематические обследования памятников до настоящего времени остается незавершенным многолетний труд «Свод памятников истории, археологии и архитектуры Узбекистана», значительная часть которого была подготовлена еще 20 лет назад.

Сегодня для его завершения на базе новых методических основ ГИС технологии необходимо создать кадастр археологических и архитектурных памятников долины

2. Несмотря на Постановление Кабинета Министров 1998 г. о развитии археологической науки в Узбекистане, в 2009 г. был принят закон Республики Узбекистан «Об охране и использовании объектов археологического наследия», в настоящее время в условиях децентрализации и приватизации средств производства, сокращения бюджетного финансирования уменьшился объем полевых археологических изысканий. Ослаблена работа по организации археологических исследований в местах новостроек и осуществление контроля разрушения неучтенных археологических объектов. При научной, политической и идеологической значимости культурного наследия в истории узбекского народа, сегодня представляется необходимым и целесообразным в последующей работе археологов различных научных ведомств инсти-

³³³ Узбекистон Республикаси Вазирлар Махкамасининг “Қарши шаҳрининг 2700 йиллигини нишонлашга тайёргарлик кўриш тўғрисида” ги Қарори // Халқ сўзи. 2004 йил, 29 сентябр; Узбекистон Республикаси Президентининг “Қарши шаҳрининг 2700 йиллигини нишонлашга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида” ги Қарори // Халқ сўзи. 2005 йил, 26 июл.

тутов АН РУз, музеев Министерства по делам культуры и спорта, Национального университета Узбекистана и Каршинского государственного университета объединить научные усилия, направленные на выполнение важнейших задач в области археологического изучения долины Кашкадарья. Это, прежде всего, составление кадастров памятников отвечающим требованиям мировой системы учета памятников культурного наследия и действенная охрана.

3. Начатые в 70–80-гг. XX в. целенаправленные археологические работы по изучению древних рудников долины после кончины Е.Б. Пругера остались не завершенным. Хотя эпизодические исследования памятников горно-рудного производства долины Кашкадарья осуществляет Навоинский горно-металлургический институт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова

- 1.1. Каримов И.А. Амир Темур хақида сўз. – Т.: Ўзбекистон. 1996. – 37 б.
- 1.2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. – Т.: Ўзбекистон, 1998. Т. 6. – 415 с.
- 1.2. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего // Свое будущее мы строим своими руками. – Т.: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. – 300 с.
- 1.3. Каримов И.А. Предисловие к работе «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы» // За процветание Родины – каждый из нас в ответе. – Т.: Ўзбекистон, 2000. Т. 9. – С. 201–205.

2. Официально-нормативные материалы, сборники документов

- 2.1. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О подготовке и издании «Новой истории Узбекистана»» // Народное слово. 1996 г., 17 декабря.
- 2.2. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг «Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти фаолиятини такомиллаштириш тўғрисида» ги Қарори // Халқ сўзи. 1998 йил, 27 июнь.
- 2.3. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг «Қарши шаҳрининг 2700 йиллигини нишонлашга тайёргарлик кўриш тўғрисида» ги Қарори // Халқ сўзи. 2004 йил, 29 сентябр.
- 2.4. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Қарши шаҳрининг 2700 йиллигини нишонлашга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида» ги Қарори // Халқ сўзи. 2005 йил, 26 июл.

3.1. Журнальные статьи

- 3.1.1. Аскарлов А.А. Развитие археологической науки в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. – 1972, – № 11 – 12. – С. 97–109.

3.1.2. Бураков Ю.Ф., Филанович М.И. ЎзР ФА Тарих институтида археология фани // Ўзбекистон тарихи. – 2003. – № 4. – С. 2–12.

3.1.3. Дресвянская Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // Общественные науки в Узбекистане. – 1983. – № 3. – С. 43–46.

3.1.4. Жуков В.Д. Остатки древних поселений на берегу р. Кашкадарья // Известия АН УзССР. – 1958. – № 2. – С. 86–89.

3.1.5. Жуков В.Д. Археологическая разведка на Бургутепе в 1956 г. // Известия АН УзССР. – 1958. – № 5. – С. 53–58.

3.1.6. Известия // Туркестанские ведомости. 1878, 20 июня.

3.1.7. Известия // Туркестанские ведомости. 1878, 5 сентября.

3.1.8. Исхаков М. Оттиск печати с согдийской надписью // Общественные науки в Узбекистане. – 1983. – № 11. – С. 43–44.

3.1.9. Кабанов С.К. Изображения Сэнмурва с городища Куныа Фазли // Бюллетень АН УзССР. – 1947. – № 9. – С. 24–27.

3.1.10. Кабанов С.К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища // Известия АН УзССР. – 1957. – № 2. – С. 75–83.

3.1.11. Кабанов С.К. Остатки древних поселений на берегу р. Кашкадарья // Известия АН УзССР. – 1958. – № 2. – С. 87–92.

3.1.12. Кочнев Б.Д., Рузанов В.Д. Раннесредневековое резное дерево из Таллисортепе // Общественные науки в Узбекистане. – 1973. – № 4. – С. 59–60.

3.1.13. Литвинов Б.Н. Карши // Туркестанские ведомости. 1910, 25 мая; 26 мая; 27 мая.

3.1.14. Лунин Б.В. Историография и источниковедение в Узбекистане: состояние и задачи // Общественные науки в Узбекистане. – 1981. – № 2. – С. 33–41.

3.1.15. Лунин Б.В. Свет из прошлого // Звезда Востока. – 1990. – № 6. – С. 125–134.

3.1.16. Лунина С.Б., Усманова З.И. Оссуарий из Хантепа // Общественные науки в Узбекистане. – 1993. – № 3. – С. 46–48.

3.1.17. Новые лауреаты премии им. Беруни // Общественные науки в Узбекистане. – 1985. – № 11. – С. 74–75.

3.1.18. Омельченко А.В., Мамадиев Б. Раскопки на городище Падаят в Kitabском районе // Общественные науки в Узбекистане. – 1999. – № 1–2. – С. 72–73.

3.1.19. Сагдуллаев А.С. Древние пути на юге Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. – 1981. – № 7. – С. 33–38.

3.1.20. Сулейманов Р.Х. Ўрта Осиёдаги ибтидоий давр санъатида оид янги ёдгорлик // Санъат. – 2002. – № 1. – Б. 3–6.

3.2. Ежегодные издания

3.2.1. Алимов У.А. Раскопки на Культепе в Каршинском оазисе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 8. 1969. – С. 105–114.

3.2.2. Аскарлов А.А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. 1964. – С. 28–36.

3.2.3. Аскарлов А.А., Бураков Ю.Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане // Советская археология. 1978. – № 2. – С. 5–22.

3.2.4. Букиннич Л.Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 8. 1969. – С. 91–104.

3.2.5. Валидов А.Б. О собраниях рукописей в Бухарском ханстве // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 23. – СПб., 1916. – С. 245–262.

3.2.6. Гулямов Я.Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 6. 1965. – С. 20–21.

3.2.7. Гумилёв Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. – 1959. – № 1. – С. 129–135.

3.2.8. Дресвянская Г.Я. Работы на Сигир-тепе // Археологические открытия 1977 года. – Москва: Наука, 1978. – С. 524.

3.2.9. Дресвянская Г.Я. Работы маршрутного отряда // Археологические открытия 1978 года. – Москва: Наука, 1979. – С. 550.

3.2.10. Дукеев Х. Чиракчинское поселение // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. 1982. – С. 19–29.

3.2.11. Жуков В.Д. Археологическая разведка Кендакитепе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. 1966. – С. 94.

3.2.12. Зезенкова В.Я. Краниологический материал из Кашкадарьинской области // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 9. 1972. – С. 115–130.

3.2.13. Зимин Л.А. Краткий отчёт о поездке по Бухаре в 1946 г. // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1916. – С. 103–104.

3.2.14. Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV – V вв. из Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13. 1977. – С. 65–69.

3.2.15. Исамиддинов М.Х. Стратиграфия древнейших слоев

Еркургана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. 1982. — С. 60–77.

3.2.16. Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. — 1953. — № 2. — С. 201–207.

3.2.17. Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшеба в III – V вв. // Вестник древней истории. — 1956. — № 2. — С. 169–170.

3.2.18. Кабанов С.К. Согдийские здания V в. н.э. в долине Кашкадарьи // Советская археология. — 1958. — № 3. — С. 150–151.

3.2.19. Кабанов С.К. Нахшебские монеты // Вестник древней истории. — 1961. — № 1. — С. 144–145.

3.2.20. Кабанов С.К. Погребение воина в долине Кашкадарьи // Советская археология. — 1963. — № 3. — С. 236.

3.2.21. Кабанов С.К., Шахурин К.А. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. 1966. — С. 112–124.

3.2.22. Кабанов С.К. Айгундытепе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 9. 1972. — С. 73–88.

3.2.23. Кабанов С.К. Руины здания времени кушан близ Карши // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 10. 1973. — С. 27–36.

3.2.24. Кабанов С.К. Раскопки сельского поселения III – V вв. н.э. близ Карши // Советская археология. — 1978. — № 1. — С. 178–190.

3.2.25. Кастанье А.И. Археологическая разведка в западных частях Бухары // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. — Ташкент, 1917. — С. 26–30.

3.2.26. Кочнев Б.Д. Исследования средневекового Несефа // Археологические открытия 1974. — Москва: Наука, 1975. — С. 501.

3.2.27. Кочнев Б.Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе // Археологические открытия 1976 года. — Москва: Наука, 1977. — С. 538–529.

3.2.28. Кочнев Б.Д. Раскопки Таллисортепе в Каршинском оазисе // Археологические открытия 1977. — Москва: Наука, 1978. — С. 526.

3.2.29. Крашенинникова Н.И. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции // Археологические открытия 1968 года. — Москва: Наука, 1969. — С. 423–424.

3.2.30. Крашенинникова Н.И. Работы в Китебе // Археологические открытия 1969 года. — Москва: Наука, 1970. — С. 406–407.

3.2.31. Крашенинникова Н.И. Маршрутное обследование Китабского района // Археологические открытия 1976 года. — Москва: Наука, 1977. — С. 529–530.

3.2.32. Крашенинникова Н.И. Изучение цитадели Кеша // Археологические открытия 1977 года. — Москва: Наука, 1978. — С. 527.

3.2.33. Крашенинникова Н.И., Столярова Н.П. Работы на Гиссарском водохранилище // Археологические открытия 1978 года. — Москва: Наука, — 1979. С. 555.

3.2.34. Крашенинникова Н.И. Раскопки в Китабском районе // Археологические открытия 1983 года. — Москва: Наука, 1985. — С. 533–534.

3.2.35. Лунина С.Б. Работы на городище Алтынтепа // Археологические открытия 1969 года. — Москва: Наука, 1970. — С. 412–413.

3.2.36. Лунина С.Б. Городище Алтынтепа // Археологические открытия 1970 года. — Москва: Наука, 1971. — С. 419–420.

3.2.37. Лунина С.Б., Столярова Н.П., Усманова З.И. Кашкадарьинская экспедиция // Археологические открытия 1971 года. — Москва: Наука, 1972. — С. 519–520.

3.2.38. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Новые результаты работ на Алтынтепе // Археологические открытия 1972 года. — Москва: Наука, 1973. — С. 461–462.

3.2.39. Лунина С.Б. Раскопки на городище Алтынтепе // Археологические открытия 1974 года. — Москва: Наука, 1975. — С. 505.

3.2.40. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Алтынтепинский отряд Кашкадарьинской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. — Москва: Наука, 1976. — С. 530.

3.2.41. Лунина С.Б. Раскопки в долине Кашкадарьи // Археологические открытия 1976 года. — Москва: Наука, 1977. — С. 532–533.

3.2.42. Маев Н.А. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // Отд. Оттиск из Известий ИРГО., Т. XII. — Ташкент, 1876. — 15 с.

3.2.43. Мухамеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане в годы советской власти // Советская археология. — 1967. — № 4. — С. 97.

3.2.44. Нефедов Н.Ю. Жилая застройка Еркургана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 18. 1983. — С. 136–147.

3.2.45. Омельченко А.В. Археолого-топографическое обследование памятников эпохи античности в Аякчинском оазисе (Китабский район Кашкадарьинской области) // Археологические исследования в Узбекистане 2002 года. — Самарканд, 2003. — С. 118–124.

3.2.46. Открытие Туркестанского кружка любителей археологии. 11 декабря 1895. — Ташкент: Типо-Литография бр. Порцевых, 1895. — 15 с.

3.2.47. Пругер Е.Б. Обследование древних рудников в Узбекистане. Археологические открытия 1975 года. — Москва, 1976. — С. 510.

3.2.48. Пругер Е.Б., Тихомиров В.М. Работы по изучению древнегорного промысла Узбекистана // Археологические открытия 1977 года. — Москва, 1978. — С. 534.

3.2.49. Пугаченкова Г. А., Германов В. А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии (к 100 летию Туркестанского кружка любителей археологии) // Вестник древней истории. — 1996, — № 4. — С. 189–195.

3.2.50. Сагдуллаев А.С., Низаев П. Разведки в Кашкадарьинской области // Археологические открытия 1975 года. — Москва: Наука, 1976. — С. 534.

3.2.51. Сагдуллаев А.С. Работы маршрутного отряда Кешской экспедиции // Археологические открытия 1976 года. — Москва: Наука, 1977. — С. 526.

3.2.52. Сагдуллаев А.С. Древнесогдийские памятники // Археологические открытия 1978 года. — Москва: Наука, 1979. — С. 560.

3.2.53. Сагдуллаев А.С. Поселение раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // Советская археология. — 1984. — № 3. — С. 154–161.

3.2.54. Сагдуллаев А.С. К вопросу о второй столице Согдианы // Советская археология. — 1988. — № 4. — С. 229–230.

3.2.55. Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда // Вестник Ленинградского университета. — 1948. — 3. — С. 118–126.

3.2.56. Сулейманов Р.Х., Исамиддинов М.Х., Сабиров К., Нефедов О. Раскопки на городище Еркурган // Археологические открытия 1974 года. — Москва: Наука, 1975. — С. 513–514.

3.2.57. Сулейманов Р.Х., Исхаков М., Турбеков М., Нефедов О. Раскопки на городище Еркурган // Археологические открытия 1975 года. — Москва: Наука, 1976. — С. 536.

3.2.58. Сулейманов Р.Х., Исамиддинов М.Х., Нефедов Н.Ю., Турбеков М. Основные итоги раскопок на Еркургане // Археологические открытия 1976 года. — Москва: Наука, 1977. — С. 544–545.

3.2.59. Сулейманов Р.Х., Исхаков М., Турбеков М., Нефедов О. Раскопки городища Еркурган // Археологические открытия 1977 года. — Москва: Наука, 1978. — С. 539.

3.2.60. Сулейманов Р.Х., Гиантз М., Шпраубер А., Хугес П. Результаты

предварительного изучения памятников мустьерского времени в долине Кашкадарьи // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. — Ташкент, 2003. — С. 179.

3.2.61. Сулейманов Р.Х., Гиантз М. Раскопки грота Ангиллак // Археологические исследования в Узбекистане 2003 г. — Ташкент, 2004. — С. 177–179.

3.2.62. Тереножкин А.И. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана // Вестник древней истории. — 1947. — № 2. — С. 185–188.

3.2.63. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. — 1938. — № 1. — С. 182–184.

3.2.64. Турбеков М. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 16. 1981. — С. 36–44.

3.2.65. Турбеков М. Цитадель Еркургана // История материальной культуры Узбекистана. 1982. Вып. 17. — С. 51–60.

3.2.66. Усманова З.И. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции // Археологические открытия 1968 года. — Москва: Наука, 1969. — С. 423–424.

3.2.67. Усманова З.И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 10. 1973. — С. 53.

3.2.68. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Работы на Кашкадарье // Археологические открытия 1972 года. — Москва: Наука, 1973. — С. 472–473.

3.2.69. Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних (VIII – XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. 1975. — С. 103–120.

3.2.70. Усманова З.И. Раскопки в Шахрисабзе // Археологические открытия 1982 года. — Москва: Наука, 1984. — С. 483.

3.2.71. Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924–1964) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. 1966. — С. 5–9.

3.2.72. Якубовский А.Ю. ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Среднего Азия за 20 лет // Краткое сообщение Института истории и материальной культуры. — Москва—Ленинград, 1940. Вып. VI. — С. 16–27.

3.3. Материалы научных трудов

- 3.3.1. Дресвянская Г.Я. Средневековые памятники в западной части Яккабагского района // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. науч. тр. ТашГУ. – Ташкент, 1981. – С. 21–31.
- 3.3.2. Кабанов С.К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе // Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – С. 82–134.
- 3.3.3. Крашенинникова Н.И. К археологической карте Китабского района // Сб. науч. тр. ТашГУ. – Ташкент, 1977. – С. 13.
- 3.3.4. Крашенинникова Н.И. Верхний строительный горизонт Караултепа в зоне Гиссарского водохранилища // Сб. науч. труд. ТашГУ. Материалы по археологии Средней Азии. – Ташкент, 1983. – С. 20.
- 3.3.5. Лунина С.Б. К основным итогам археологических исследований в Узбекистане // Сб. науч. труд. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1975. – С. 6–11.
- 3.3.6. Лунина С.Б. О возможном отождествлении Наукад-Курейша // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории и археологии Средней Азии. – Ташкент, 1975. – С. 3–14.
- 3.3.7. Лунина С.Б. Здание X-XI вв. на Алтынтёпа // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1976. – С. 3–9.
- 3.3.8. Лунина С.Б., Богомолов Г.И. Архитектурный декор в памятниках Алтынтёпе // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1978. – С. 3–8.
- 3.3.9. Лунина С.Б., Столярова Н.П. Ранние культурные слои на городище Алтынтёпе // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1981. – С. 3–4.
- 3.3.10. Лунина С.Б. О торговых связях Кашкадарьинского оазиса в IX-XII вв. // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Сб. статей. – Ташкент, 1990. – С. 45–50.
- 3.3.11. Лушпенко О.Н. Изучение поселений раннежелезного века в Шуробсайском оазисе // Сб. науч. тр. ТашГУ. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековья. – Ташкент, 1988. – С. 22–30.
- 3.3.12. Массон В.М. К локализации Согда // Труды САГУ. Археология Средней Азии. – Ташкент, 1950. – С. 171–178.
- 3.3.13. Массон М.Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. – Ташкент, 1935. – 43 с.
- 3.3.14. Массон М.Е. Работы кафедры археологии историческо-
- го факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Изд. САГУ. – Ташкент, 1953. – С. 3–14.
- 3.3.15. Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (Часть 1-ая: до первой послевоенной пятилетки) // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Изд. САГУ. – Ташкент, 1956. – С. 6–40.
- 3.3.16. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке // Труды САГУ. Кн. 6. – Ташкент, 1953. – С. 17–97.
- 3.3.17. Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАГЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР // Сб. науч. трудов ТашГУ. Археология Средней Азии. – Ташкент, 1977. – С. 27–30.
- 3.3.18. Омельченко А.В. Подражения драхм с типом Александра Македонского из Южного Согда // Сб. статей. Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2001. Вып. V. – С. 14–17.
- 3.3.19. Столярова Н.П. Изучение верхнего культурного слоя городища Алтынтёпе и характеристика керамики // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1978. – С. 9–15.
- 3.3.20. Садуллаев А.С. К эволюции древнейших путей на юге Средней Азии // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Сб. статей. – Ташкент, 1990. – С. 6–17.
- 3.3.21. Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи // Труды ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии Средней Азии. – Ташкент, 1975. – С. 15–29.
- 3.3.22. Усманова З.И., Садуллаев А.С. К указанию памятников Яккабагского района // Сб. науч. тр. ТашГУ. Материалы по истории, историографии и археологии. – Ташкент, 1981. – С. 13–20.
- 3.3.23. Усманова З.И., Столярова Н.П. К стратиграфии средневекового Шахрисабза // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сб. науч. тр. Изд-во ТашГУ. – Ташкент, 1987. – С. 35–47.
- 3.3.24. Усманова З.И., Бахтияр Э. Баландтепе в Шахрисабзе // Сб. науч. тр. ТашГУ. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековья. – Ташкент, 1988. – С. 44–54.
- 3.3.25. Усманова З.И. Кафедра археологии ТашГУ – 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент, 1990. – С. 3–15.
- 3.3.26. Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в

3.4. Материалы научных конференций

3.4.1. Белиницкий А.М. О периодизации истории Средней Азии // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент, 1955. – С. 507.

3.4.2. Грене Ф. Заметки о топониме Наутака // «Роль города Шахрисабза в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Шахрисабза. – Ташкент: Фан, 2002. – С. 10–11.

3.4.3. Дресвянская Г.Я. Античные памятники среднего течения Кашкадарьи // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Ташкент, 1979. – С. 68–69.

3.4.4. Дресвянская Г.Я. Южносибирские трассы Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл. между. сем. ЮНЕСКО. Самарканд, 1–6 окт. 1990 г. – Ташкент: Фан, 1990. – С. 56–58.

3.4.5. Исамиддинов М.Х. Стратиграфия Еркургана и некоторые вопросы этнокультурных связей Согда и Бактрии в античное время // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Ташкент, 1979. – С. 63–64.

3.4.6. Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную пору // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Ташкент: Фан, 1979. – С. 56–58.

3.4.7. Лунина С.Б. Культурные и торговые связи средневековых родов и поселений долины Кашкадарьи с Самаркандскими территориями // Культурные связи народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1990. – С. 18–20.

3.4.8. Лушпенко О.Н. Крепость Узункыр – на трассе торговых путей // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл. между. сем. ЮНЕСКО. Самарканд, 1–6 окт. 1990 г. – Ташкент: Фан, 1990. – С. 105–106.

3.4.9. Омельченко А.В. О керамике эллинистического времени и городища Подаяктапа // «Роль города Шахрисабза в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Шахрисабза. – Ташкент: Фан, 2002. – С. 100–101.

3.4.10. Раимулов А. Занжирсарой // «Роль города Шахрисабза в

мировой истории». Сбор. тез. докл. посвя. к юбилею г. Шахрисабза. – Ташкент: Фан, 2002. – С. 29.

3.4.11. Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Сбор. тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 2700-летию г. Карши. – Ташкент: Фан, 2007. – 266 с.

3.4.12. Роль города Шахрисабза в мировой истории. Сбор. тез. докл. посвя. к юбилею г. Шахрисабза. – Ташкент: Фан, 2002.

3.4.13. Садуллаев А.С. Античные поселения предгорий Яккабага // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Всесоюз. науч. совещ. Тез. докл. – Ташкент, 1979. – С. 80–82.

3.4.14. Сулейманов Р.Х. Открытие древнейшего святилища в долине Кашкадарьи // Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Тез. докл. конф., посвященной 60-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. – Ташкент, 2002. – С. 110–111.

3.4.15. Сулейманов Р.Х. Сийпанташ – новый памятник первобытного искусства в долины Кашкадарьи // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тез. докл. Межд. науч. конф. Самарканд, 25–28 сентября 2002 г. – Т., 2002. – С. 70–71.

3.4.16. Сулейманов Р.Х. Карши – Насаф – Нахшаб – в системе мировой цивилизации // «Роль города Карши в истории мировой цивилизации». Тез. докл. Междунароной конф., посвя. 2700-летию г. Карши. – Т., 2006. – С. 59–64.

3.4.17. Султанов Х.С. К эпиграфике Аксарая // Ўрта Осиё тарихи ва археологиясининг долзарб муаммолари. ТошДУ Археология кафедрасининг 55-йиллигига бағишланган конференция материаллари тўплами. – Ташкент, 1985. – С. 27–29.

3.4.18. Шакед С. Раннее упоминание о городе Нахшаб // «Роль города Карши в истории мировой цивилизации». Тез. докл. Междунароной конф., посвя. 2700-летию г. Карши. – Т., 2006. – С. 34.

3.4.19. Эшов Б. Узункир–Китоб–Кеш–Шахрисабз // «Роль города Шахрисабза в мировой истории». Сбор. тез. докл. Междунар. конф. посвя. 2700-летию г. Шахрисабза. – Т.: 2002. – С. 67–69.

3.4.20. Курбонов Ж., Раимулов А., Куйи Кашкадарёнинг Темурийлар даври шаҳрлари // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиши босқичлари. Маърузалар тўплами. – Самарканд, 1995. – Б. 121–124.

3.4.21. Ҳасанов М., Кўчқоров Т. Жиннидарё тизимидаги археологик ёдгорликларнинг ривожланиш жараёнига доир // Древний

Карши: история культуры и градостроительства Средней Азии. Тез. докл. науч. конф. – Ташкент, 1999. – Б. 144–146.

3.4.22. Glantz M., Suleymanov R. Angilak cave, Uzbekistan: documenting Neandertal occupation at the periphery // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тез. докл. Межд. науч. конф. Самарканд, 25–28 сентября 2002 г. – Т., 2002. – С. 23.

3.4.23. Glantz M. Summary of the hominin materials from Obi-Rakhmat and Anghilak, Uzbekistan // «Роль города Карши в истории мировой цивилизации». Тез. докл. Международной конф., посв. 2700-летию г. Карши. – Т., 2006. – С. 31–34.

3.5. Сочинения и монографии

3.5.1. Ахунова М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. – Ташкент, 1970. – 200 с.

3.5.2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. – Москва: изд-во Восточной литературы, 1963. Т. 1. – 760 с.

3.5.3. Бёрнс А. Путешествие в Бухару. – Москва, 1850. – 224 с.

3.5.4. Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. – Ташкент, Госиздат, 1927. – 66 стр. с илл.

3.5.5. Гафуров Б. Таджик: Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн.1. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 384 с.

3.5.6. Зимин Л.А. Нахшеб. Несеф. Карши. Их история и древности // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели (под ред. А.Э. Шмидта, Е.К. Беггера). – Ташкент, 1927. – С. 197–214.

3.5.7. Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). – Ташкент: Фан, 1984. – 94 с.

3.5.8. Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. – Ташкент: Изд-во им. А. Кадыри, 2000. – 200 с.

3.5.9. Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Ташкент: Изд-во им. А. Кадыри, 2002. – 226 с.

3.5.10. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III – VII вв. н. э.). – Ташкент: Фан, 1977. – 176 с. с илл.

3.5.11. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда I – VI вв. (По материалам исследований в зоне Чимкурганского вохранилища). – Ташкент: Фан, 1981. – 128 с. с илл.

3.5.12. Кабанов С.К. В оазисах и степях Кеша и Нахшеба. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – 80 с.

3.5.13. Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – нач. XIII вв. – Ташкент: Узбекистон, 1996. – 422 с.

3.5.14. Клейн Л.С. Археологические источники. – Л., 1978. – 112 с.

3.5.15. Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – С.-Петербург, 1887. – 319 с.

3.5.16. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.-Петербург, 1913. – 619 с.

3.5.17. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Ташкент: изд. АН УзССР, 1958. – 265 с.

3.5.18. Лунин Б.В. История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.). – Ташкент: Фан, 1990. – 194 с.

3.5.19. Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII – XII вв. – Ташкент: Фан, 1984. – 127 с. с илл.

3.5.20. Лунина С.Б. Древние города в долине Кашкадары. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – 61 с.

3.5.21. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. – Ташкент, 1875. – 238 с.

3.5.22. Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадары. – Ташкент: Узбекистан, 1979. – 110 с.

3.5.23. Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. – Ташкент: Госиздат, 1947. – 42 с.

3.5.24. Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. – 60 с.

3.5.25. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадары с древнейших времен (Из раб. КАТЭ. 1965 – 1966 гг.). – Ташкент: Фан, 1973. – 98 с. с илл.

3.5.26. Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1976. – 175 с.

3.5.27. Пругер Е.Б. Горный промысел Южного Согда – Кеша. – Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1986. – 24 с.

3.5.28. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Ташкент, 2002. – 248 с.

3.5.29. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. – Ташкент: Фан, 2000. – 341 с. с илл.

3.5.30. Турбеков М. Оборонительные сооружения древних по-

селений и городов Согда (VII-VI вв. до н.э. – VII в. н.э.). – Нукус: Каракалпакстан, 1990. – 153 с.

3.5.31. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – С. – Петербург, 1843. – 44 с.

3.5.32. Шахрисабз / Дресвянская Г.Я., Лунина С.Б., Султанов Х.С., Усманова З.И. – Ташкент: ТашГУ, 1993. Ч. 1. – 120 с. Ч. 2. – 132 с.

3.5.33. Шахрисабз. Последние тысячелетия. Альбом / Под ред. Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаева. – Ташкент: Шарк, 2002. – 227 с. с илл.

3.5.34. Эшов Б.Ж. Кадимги Сўғдиёна тарихидан лавхалар. – Т.: ЎзМУ нашриёти, 2002.

3.5.35. Эшов Б.Ж. Цивилизация тизимида илк шаҳарлар. – Т., «Заркалам», 2004. – 136-бет.

3.5.36. Эшов Б.Ж. Ўрта Осиёнинг қадимги шаҳарлари тарихи. – Т., 2008. – 232-бет.

3.5.37. Pugachenkova G.A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of Asia Institute. New Series. Vol. 8. – Michigan, 1994. – P. 227–243.

4. Архивные источники Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан

4.1. Ф. 394 – Средакомстарис.

4.2. Ф. Р-2296 – Охрана памятников УзССР.

4.3. Ф. Р-2406 – Личный фонд Б.Н. Засыпкина.

Архив Главного управления охраны объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан

4.5. ИНВ. А 1528/Г. G'ulomov Ya.G', Mirg'iyosov T., Zavalin I. 933 yil IX-X oylarda O'zaratkom tomonidan Termiz rayoniga yuborgan arxeologiya ekspeditsiyasining Shahrizabzda qilgan ishlari. – Т., 933. – 8 л.

4.6. ИНВ. А 3841/Д 73. Дресвянская Г.Я. Полевой отчет 1973 г. – Т., 1973. – 11 л. с чертежом.

4.7. ИНВ. А 3944/Д 73. Дресвянская Г.Я. Краткий отчет об археологических работах в Яккабагском районе, на берегу Кызылдарьи в 1976г. – Т., 1976. – 11 л. с илл.

4.8. ИНВ. 4320/Д 73. Дресвянская Г.Я. Отчет о работах маршрутногоряда КАТЭ в Яккабагском районе в 1978 г. – Т., 1978. – 8 л. с чертежом.

4.9. ИНВ. А 3262/К 78. Крашенинникова Н.И. Отчет о работах КАТЭ в 1969 г. – Т., 1969. – 3 л.

4.10. ИНВ. А 3341/К 78. Крашенинникова Н.И. Краткий отчет 1973 г. Обследования археологических памятников Китабского района. – Т., 1973. – 6 л. с чертежом.

4.11. ИНВ. А 3771/К 78. Крашенинникова Н.И. Отчет в Китабском районе в 1975 г. – Т., 1975. – 10 л.

4.12. ИНВ. А 213 2/Л 55. Левина В.А. Отчет об археологических вскрытиях в полевой сезон 1950 г. еклепе Джахангира. – Т., 1950. – 12 л.

4.13. ИНВ. А 3771/Л 82. Лунина С.Б., Дресвянская Г.Я. Отчет об археологических работ в Камашинском районе в 1975 г. – Т., 1975. – 9 л. с чертежом на кальке.

4.14. ИНВ. А 2937/М 32. Массон М.Е. Полевой отчет о работе Шахри-сабзско-Китабской археологической экспедиции в 1963 г. – Т., 1963. – 12 л.

4.15. ИНВ. А 2940/М 32. Массон М.Е. Краткий полевой отчет Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ. 1964 г. – Т., 1964. – 13 л.

4.16. ИНВ. А 2945/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о результатах полевых работ КАТЭ в 1965 г. – Т., 1965. – 10 л.

4.17. ИНВ. А 3021/М 32. Массон М.Е. Краткий научный отчет о полевой работе КАТЭ в 1966 г. – Т., 1966. – 7 л.

4.18. ИНВ. А 3024/М 32. Массон М.Е. Краткий отчет о работе КАТЭ в 1967 г. – Т., 1967. – 10 л.

4.19. ИНВ. А 5013/С 12. Сагдуллаев А.С. Разведки в Кашкардарьинской области в 1975 г. – Т., 1975. – 6 л.

Архивный фонд Института археологии АН РУз

4.20. ф. 3. Кашкардарьинская область

5. Диссертации и авторефераты

5.1. Кабанов С.К. Нахшеб в III – VIII вв. в свете археологических данных. Дисс. канд. истор. наук. – Т., 1951. – 212 с.

5.2. Мухамеджанов А.Р. История орошения низовьев Зарафшана. Автореф. дисс. докт. истор. наук. – Т., 1973. – 28 с.

5.3. Исамудинов М.Х. Керамика Южного Согда в эпоху древнего и раннего средневековья. Автореф. дисс. канд. истор. наук. – Ленинград, 1979. – 17 с.

5.4. Турбеков М. Оборонительные сооружения древних поселений. Автореф. дисс. канд. истор. наук. – Т., 1979. – 157 с.

ний и городов Согда (VII – VI вв. до н.э. – VII в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Москва, 1981. – 22 с.

5.5. Столярова Н.П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса XI – нач. XIII вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Ташкент, 1985. – 24 с.

5.6. Каршиева Ф. История и культура Древнего Согда (VI – V вв. до н.э. – V – VI вв. н.э.) в Советской историографии.: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Москва, 1988. – 12 с.

5.7. Сагдуллаев А.С. Оселтые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): Автореф. дис... док. истор. наук. – Москва, 1989. – 45 с.

5.7. Абдукаримовна Р. Ташкентская археологическая школа и развитие археологии Средней Азии (из истории сложения и развития археологии в советской Средней Азии): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Кемерово, 1989. – 20 с.

5.8. Султанов Х.Т. К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV – XV вв. (по археологическим данным): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 1990. – 26 с.

5.9. Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 1990. – 21 с.

5.10. Раимулов А. Культура сельских поселений Нахшеба в эпоху раннего феодализма.: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 1992. – 23 с.

5.11. Мавлянов У. Торговые и культурные связи Кашкадарьинского оазиса в XVII – XIX вв.: Автореф. дис... канд. истор. наук. – Ташкент, 1995. – 24 с.

5.12. Аминов Б. Памятники эпиграфики юга Узбекистана как исторический источник (XV – XX вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Ташкент, 1998. – 22 с.

5.13. Лушпенко О.Н. Раннежелезный век южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского района): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 1998. – 24 с.

5.14. Омельченко А.В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.): Автореф. дис... канд. истор. наук. – Самарканд, 2003. – 25 с.

5.16. Эшов Б.Ж. Урта Осиё қадимги шаҳарларининг шаклланиш ва ривожланиш тарихи. Тарих фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган дисс. (Қўлёзма). – Т., 2008. – 302-бет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ГАИМК – Государственный Академический Институт истории материальной культуры. Москва-Ленинград.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КАТЭ – Кешская археолого-топографическая экспедиция. Ташкент.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Ленинград.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва-Ленинград.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.

НУУз – Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улутбека. Ташкент.

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.

СА – Советская археология. Москва.

САГУ – Среднеазиатский государственный университет. Ташкент.

ТАКЭ – Термезская археологическая комплексная экспедиция. Ташкент.

ТашГУ – Ташкентский государственный университет. Ташкент.

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Ташкент.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ташкент.

Нилуфар Ражабова

Становление и развитие археологической школы в Узбекистане (историография изучения археологических памятников долины Кашкадарьи)

Редактор Э. Р. Торосян
Худ. редактор А. Акилов
Тех. редактор У. Ким
Корректор И. Мишина

Лиц. АИ № 111. Подписано в печать 16. 02. 2012.

Формат 60x84 ^{1/16} Усл. печ. л. 10

Тираж 300 экз. Заказ № 6

Издательство "YANGI NASHR"

Отпечатано в типографии ООО "MEDIANASHR"
Ташкент, ул. Чиланзар, д. № 1